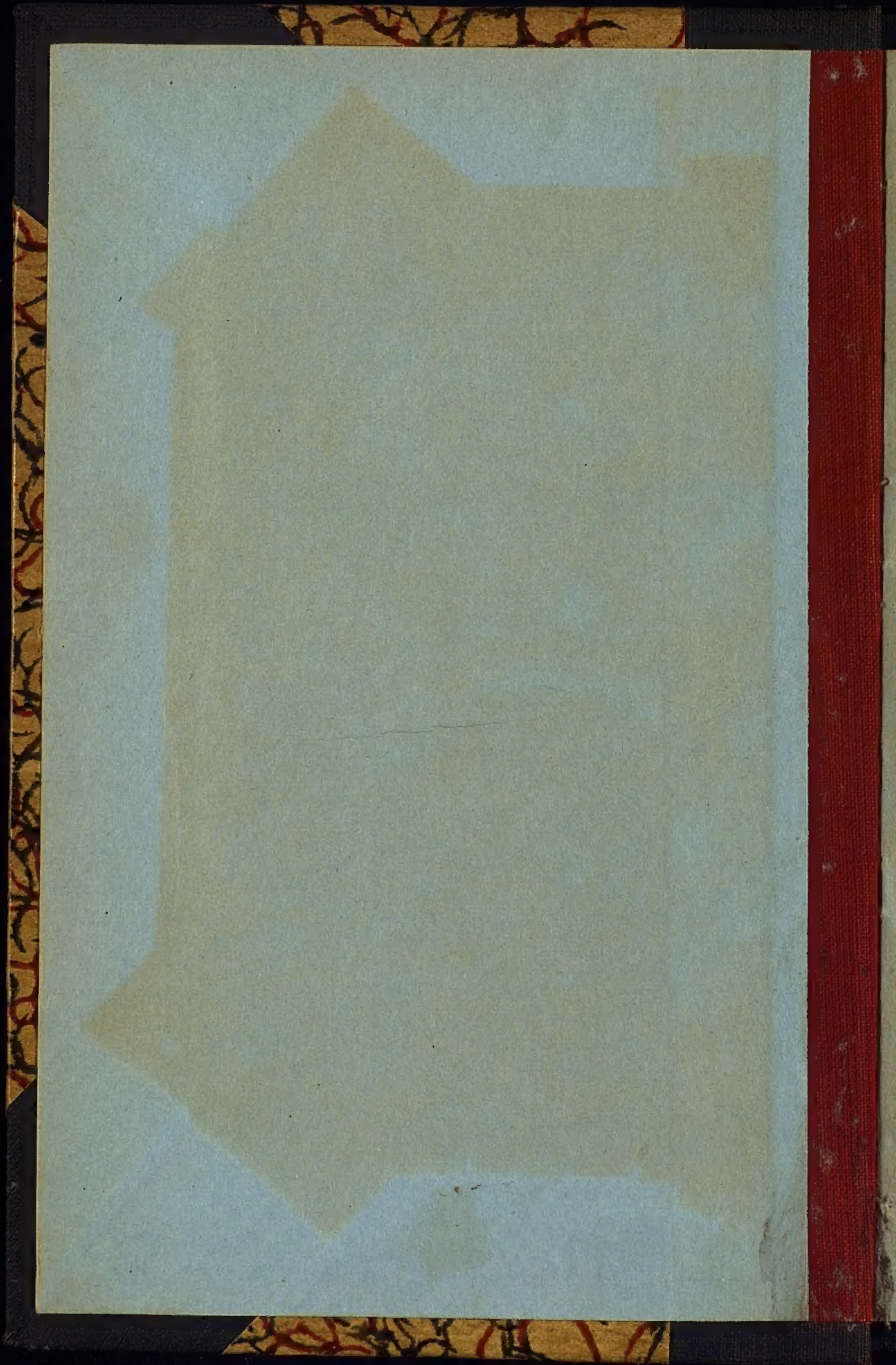
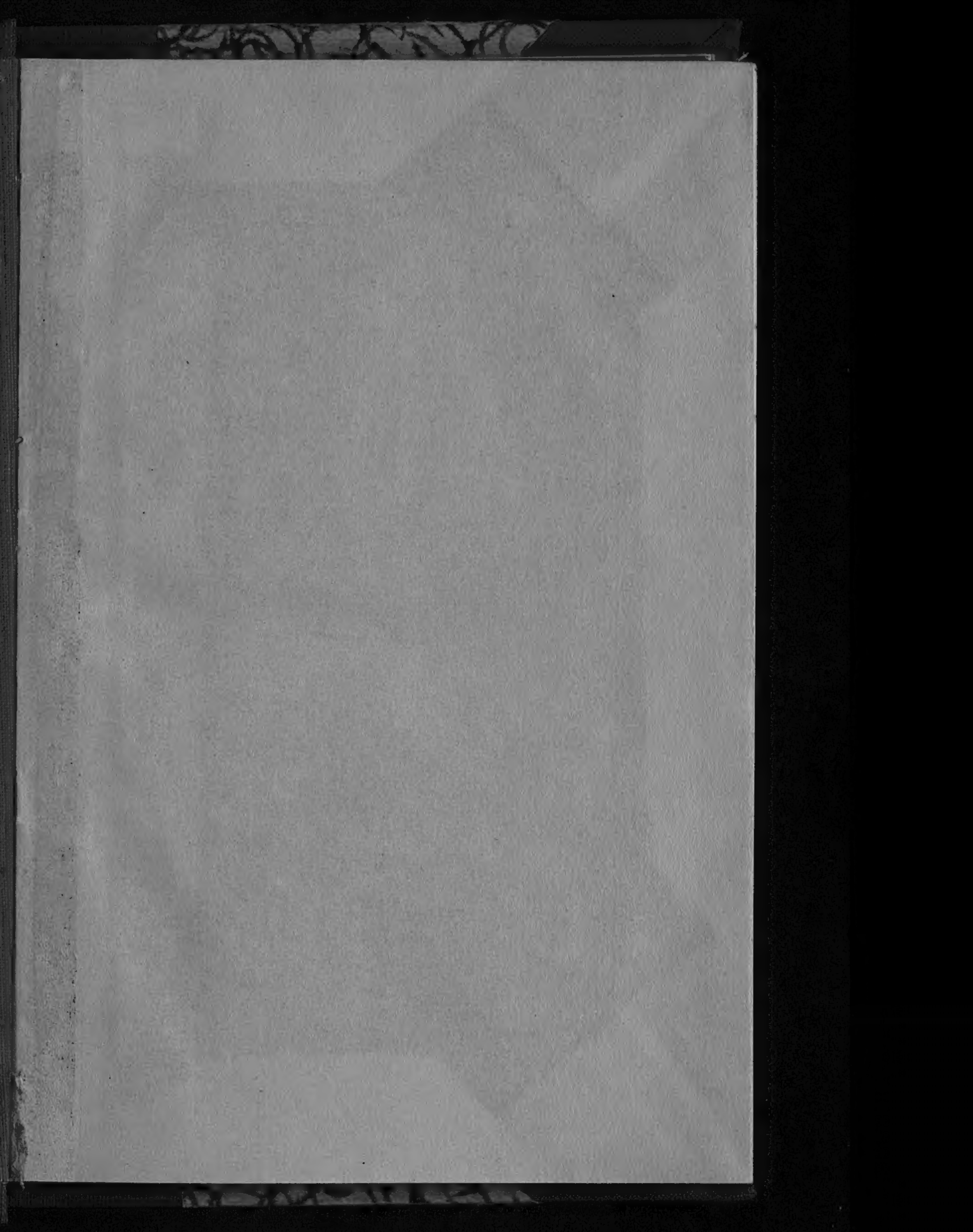
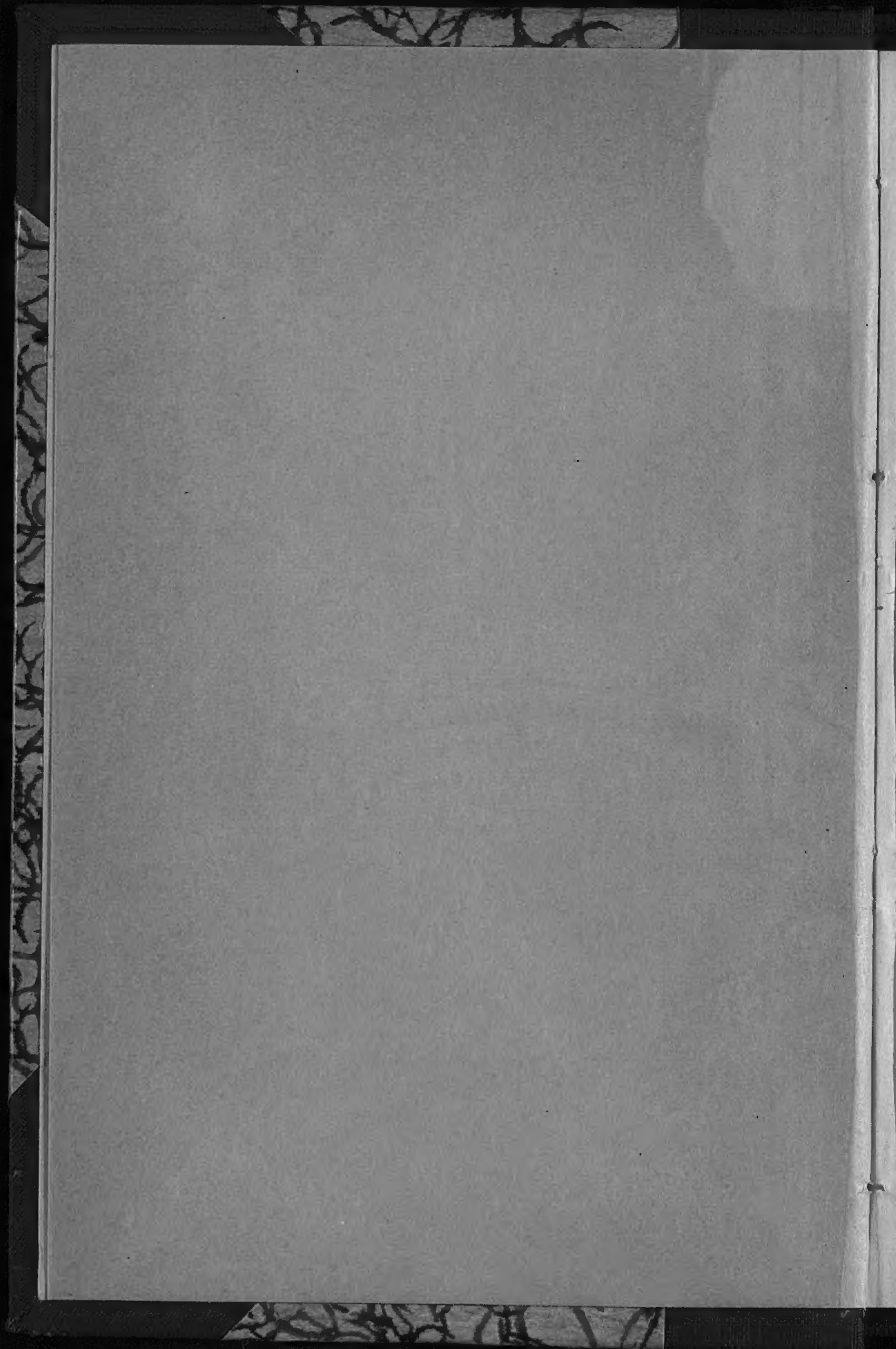

CONQUÊTE DU PAIN, par Pierre Kropotkine.

ХЛѢБЪ И ВОЛЯ

П. КРОПОТКИНА

съ предисловіемъ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Переводъ съ французскаго

Изданіе Группы Русскихъ Коммунистовъ-Анархистовъ.

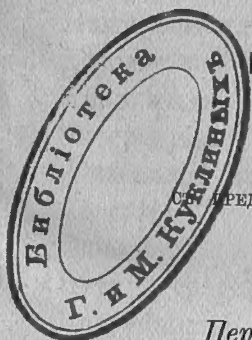
Prix: 2 francs 50 cent.

ЛОНДОНЪ
1902.

LA CONQUÊTE DU PAIN, par Pierre Kropotkine.

Въ редакцію Жизни
Товарищескій привѣтъ
П. Кропоткинъ

ХЛѢБЪ И ВОЛЯ

П. КРОПОТКИНА

съ предисловіемъ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

Переводъ съ французскаго

Изданіе Группы Русскихъ Коммунистовъ-Анархистовъ.

Prix: 2 francs 50 cent.

ЛОНДОНЪ

1902.

Оглавленіе.

Оглавленіе.

Въ предлагаемой теперь, въ русскомъ переводѣ книгѣ, — „La Conquête du Pain“, — я постарался набросать идеалъ того, какъ могла бы совершиться соціальная революція на началахъ анархическаго коммунизма.

Критикой существующаго строя, какъ съ точки зрѣнія хозяйственной, такъ и съ точки зрѣнія политической, т. е. — разбирая также ходячіе предразсудки насчетъ Представительнаго Правленія, а также Закона и Власти вообще, и стараясь подорвать ихъ, — я занялся раньше, въ „Paroles d'un Révolté“ (въ русскомъ переводѣ — „Распаденіе современнаго строя“). Выводомъ изъ этого критическаго разбора являлась необходимость экспропріаціи, — т. е. необходимость захвата обществомъ земли и всего накопленнаго богатства, нужныхъ человѣчеству для производства и жизни, но находящихся нынѣ въ частномъ владѣніи... На этомъ моя работа — она печаталась въ видѣ передовыхъ статей въ газетѣ Le Révolté — была прервана арестомъ во Франціи и тюрьмою.

Выйдя черезъ три года изъ тюрьмы, я взялся за продолженіе той же работы, въ той же нашей газетѣ, „Le Révolté“, перенесенной тѣмъ временемъ въ Парижъ и впослѣдствіи вынужденной судебнымъ преслѣдованіемъ перемѣнить свое имя въ „La Révolte“.

Приступая къ изложенію того, какъ, по нашему мнѣнію, могла бы и должна была бы совершиться

соціальная революція, я думалъ, что лучше будетъ не описывать идеалъ вообще, а взять вещественный примѣръ и показать на немъ, какъ, смѣло и разумно дѣйствуя во время революціи, можно было бы перейти отъ теперешняго строя къ коммунизму, — безначальному, анархическому; какъ сами обстоятельства будутъ толкать въ этомъ направленіи; и какъ отъ насъ самихъ будетъ зависѣть: — осуществить-ли стремленія, уже намѣчающіяся въ современномъ обществѣ, или же — платя дань укоренившимся и далеко еще не искорененнымъ предразсудкамъ, — пойти по старымъ дорогамъ холопскаго прошлаго, не водворивши ничего существеннаго въ направленіи къ коммунизму.

Какъ вещественный примѣръ я взялъ Парижъ, и поступилъ такъ по слѣдующимъ причинамъ:

Всякая нація, хотя бы и самая цивилизованная и самая передовая, представляетъ собою вовсе не одно цѣлое, подведенное подъ одинъ общій уровень. Напротивъ того, различныя ея части стоятъ всегда на весьма различныхъ ступеняхъ развитія.

Даже Франція, не смотря на ея двѣ большія революціи, 1789 — 1793 и 1848 года, — не смотря на громадный матеріальный *внутренній* прогрессъ, который совершился въ странѣ въ теченіе девятнадцатаго вѣка (не *внѣшній*, какъ въ Англіи, которая богатѣла наполовину грабежомъ Индіи и другихъ колоній), — не смотря на громадную работу умовъ, вызванную во всѣхъ классахъ населенія ея бурною политическою жизнью за послѣдніе сто лѣтъ, — не смотря на все это, Франція представляетъ собою по прежнему аггломератъ, т. е. безсвязное сожительство самыхъ разнообразныхъ частей. Ея сѣверозападъ, даже въ настоящее время отстаетъ, по крайней мѣрѣ, на полстолѣтія отъ ея восточныхъ частей. Великая Революція,—т. е. великое крестьянское движеніе, во время котораго былъ уничтоженъ *выкупъ крѣпостныхъ обязательствъ*, и крестьяне отобрали

назадъ земли, захваченныя у нихъ за предыдущіе двѣсти или триста лѣтъ помѣщиками и монастырями, а также городскіе бунты, имѣвшіе цѣлью уничтоженіе городской, полукрѣпостной зависимости мастеровыхъ, и освобожденіе отъ почти-самодержавной королевской власти, — это народное возстаніе распространилось, по преимуществу, въ юго-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-восточныхъ частяхъ Франціи; тогда какъ сѣверо-западъ и западъ оставались оплотомъ дворянъ и короля, и даже взялись за оружіе, въ Вандейскомъ возстаніи, противъ якобинской республики. Но тоже самое раздѣленіе страны на востокъ и западъ существуетъ и по сію пору; и когда, въ началѣ обоснованія теперешней республики, выборы въ Палату должны были рѣшить, чего хочетъ Франція — республики или возврата къ монархіи, карта республиканскихъ выборовъ (выборы 363-хъ республиканскихъ депутатовъ) совпала съ поразительною точностью съ картою, на которой я какъ-то нанесъ всѣ извѣстныя мнѣ крестьянскія и городскія возстанія въ 1788 — 1792 годахъ. Только со времени утвержденія теперешней республики, республиканскіе идеалы начали проникать среди крестьянъ сѣверо-западной и западной Франціи.

Западъ и востокъ Франціи, ея юго-западъ и сѣверо-востокъ, ея центральное плато и долина Роны остаются отдѣльными мірами. И это различіе рѣзко выступаетъ, не только среди сельскаго населенія этихъ областей (сельскій полу-промышленный кустарь французской Юры и бретонскій крестьянинъ — двѣ разныя народности), но и среди городскаго населенія. Сравните только Марсель, или Сентъ-Этьенъ и Руанъ, — съ Ренномъ, гдѣ власть поповъ и вѣра въ короля удержались еще понынѣ!

Франція, не смотря на цѣлые вѣка государственной централизаціи, а тѣмъ болѣе Италія, и еще

болѣе того, Испанія — страны мѣстной, самостоятельной и обособленной жизни, объединенной только поверхностно, столичнымъ чиновничествомъ. Въ сущности, латинскія страны, и даже Франція въ томъ числѣ, — страны глубоко федералистическія, чего, между прочимъ, совершенно неспособны понять государственники-нѣмцы и нѣмецкіе якобинцы, которые вѣчно смѣшиваютъ ненавистный имъ „партикуляризмъ" (выросшій вокругъ Саксенъ-Кобургъ-Ангальтскихъ и тому подобныхъ *дворовъ*), и федерализмъ, т. е. стремленіе къ независимости у населенія отдѣльныхъ областей и городовъ.

Въ силу этого, для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что соціальная революція во Франціи — какой бы она ни приняла ходъ — будетъ имѣть характеръ *мѣстный, общинный*, а отнюдь *не якобинскій, не все-государственный*. Всякій передовой французъ, знающій свою страну и не помѣшанный на якобинской централизаціи, отлично понимаетъ (какъ понималъ это Пи-и-Маргаль въ Испаніи), что всякая революція проявится во Франціи въ видѣ провозглашенія независимыхъ коммунъ, — какъ это было въ 1871 году, когда коммуны были провозглашены въ Парижѣ и Сентъ-Этьенѣ, и попытки провозглашенія коммуны были сдѣланы „бакунистами" въ Ліонѣ и Марсели. Какой бы ни засѣдалъ во Франціи національный парламентъ или конвентъ, — не въ немъ будутъ вырабатываться начала соціальной революціи, а въ отдѣльныхъ городахъ, которые также мало будутъ слушаться парламента, какъ Парижъ, въ 1792-мъ и 1793-мъ годахъ мало слушался грознаго конвента.

Весьма вѣроятно также, что развитіе революціи будетъ различное въ различныхъ городахъ, и что, смотря по мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ, въ каждой возставшей и провозгласившей свою независимость коммунѣ, люди попытаются по своему разрѣшить великій вопросъ двадцатаго вѣка

— соціальный вопросъ. Другими словами — если въ латинскихъ странахъ начнется соціальная революція, то эта революція приметъ, безъ всякаго сомнѣнія, такой живой, многообразный, мѣстный характеръ, какой приняла „революція городовъ„ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, которую такъ прекрасно описалъ, въ ея зарожденіи, Огюстенъ Тьерри. Тоже самое произойдетъ несомнѣнно въ Англіи, а также и въ большинствѣ городовъ Бельгіи и Голландіи. И для меня нѣтъ никакого сомнѣнія также, что никакихъ шаговъ въ соціалистическомъ направленіи (въ смыслѣ обобществленія орудій производства) не будетъ сдѣлано въ Россіи, покуда *въ отдѣльныхъ частяхъ нашего громаднаго отечества*, при починѣ городовъ, не начнутся попытки *обобществленія земли, прежде всего, и отчасти фабрикъ*, — и организація земледѣлія, а также, можетъ быть, и фабричнаго производства, на общественно-артельныхъ началахъ.

Такъ какъ я писалъ въ „Révolté", для французскихъ рабочихъ, то я взялъ, конечно, Францію, и именно Парижъ, какъ самый передовой городъ Франціи, и я постарался показать какъ даже такой большой городъ, какъ Парижъ, могъ бы совершить у себя и въ своихъ окрестностяхъ соціальную революцію, и какъ онъ могъ бы дать ей укорениться, даже если бы ему пришлось — какъ пришлось республиканской Франціи въ 1793 году — выдержать нападеніе всѣхъ защитниковъ гнилой старины.

Въ концѣ этой книги, я былъ приведенъ къ изученію вопроса, — „Что̀ и какъ производить?" И я разсмотрѣлъ его, по мѣрѣ силъ, въ слѣдующей книгѣ, озаглавленной по англійски „Fields, Factories and Workshops" („Поля, фабрики и мастерскія").

П. Кропоткинъ.

Январь, 1902 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Петръ Кропоткинъ проситъ меня написать нѣсколько словъ предисловія къ его книгѣ, и я исполняю его желаніе, хотя и чувствую при этомъ нѣкоторую неловкость. Я ничего не могу прибавить къ его связнымъ доводамъ, и тѣмъ самымъ рискую ослабить силу его словъ. Но дружба пусть послужитъ мнѣ извиненіемъ. Въ настоящую минуту, когда французскіе „республиканцы" считаютъ высшимъ проявленіемъ изящнаго вкуса — валяться въ ногахъ у русскаго царя, мнѣ особенно пріятно дружить съ свободными людьми, которыхъ этотъ царь охотно велѣлъ бы либо засѣчь, либо замуравить въ какой-нибудь крѣпости, либо повѣсить въ какомъ-нибудь безвѣстномъ углу своего царства. Съ этими друзьями я забываю на минуту всю гнусность ренегатовъ, которые въ молодости до хрипоты кричали „Свобода! Свобода!", а теперь упражняются надъ согласованіемъ „Марсельезы" съ пѣснью „Боже, царя храни!"

Предыдущая книга Кропоткина, „Paroles d' un Révolté," („Распаденіе современнаго строя", въ русскомъ переводѣ), была посвящена, главнымъ образомъ, горячей критикѣ развратнаго и злого буржуазнаго общества и призывала энергію революціонеровъ къ борьбѣ противъ государства и капиталистическаго строя. Эта новая книга — продолженіе предыдущей — болѣе мирнаго характера. Она обра-

щается ко всѣмъ честнымъ людямъ, искренно желающимъ приложить свои силы къ перестройкѣ общества, и излагаетъ имъ, въ крупныхъ чертахъ, тѣ фазисы исторіи ближайшаго будущаго, которые позволятъ намъ наконецъ построить истинную человѣческую семью на развалинахъ банковъ и государствъ.

Заглавіе книги, „La Conquête du Pain" (въ русскомъ переводѣ — *Завоеваніе хлѣба*), нужно, конечно, понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ какъ „не о хлѣбѣ единомъ сытъ будетъ человѣкъ."

Въ настоящее время, когда смѣлые и великодушные люди стремятся уже осуществить въ дѣйствительной жизни свой идеалъ общественной справедливости, — мы, конечно, не думаемъ довольствоваться завоеваніемъ одного только хлѣба, — даже съ солью и виномъ въ придачу. Нужно завоевать все, что необходимо или даже просто полезно для разумно-устроенной жизни; нужно, чтобы мы могли всѣмъ обезпечить, и удовлетвореніе ихъ потребностей, и наслажденіе въ жизни. Но покуда мы не совершимъ этого перваго „завоеванія", — покуда „съ нами будутъ нищіе", — называть „обществомъ" это сборище другъ друга ненавидящихъ и другъ друга истребляющихъ людей, подобныхъ дикимъ звѣрямъ, вмѣстѣ запертымъ въ клѣткѣ, — называть это „обществомъ" будетъ оставаться только насмѣшкою.

Въ первой главѣ своей книги авторъ перечисляетъ громаднѣйшія богатства, которыми уже владѣетъ человѣчество, и могучій строй машинъ, уже созданныхъ трудами всѣхъ. Продуктовъ, получаемыхъ теперь, уже хватило бы, чтобы всѣмъ людямъ обезпечить хлѣбъ; а если бы громадный капиталъ, представляемый городами, домами, воздѣланными землями, фабриками, перевозочными средствами и школами, сталъ общимъ достояніемъ — вмѣсто того

чтобы оставаться частною собственностью, — то уже легко было бы завоевать настоящее довольство для всѣхъ. Силы, которыми мы располагаемъ, шли бы тогда не на ненужныя и другъ другу противорѣчащія работы, а на производство всего того, что нужно человѣку для продовольствія, жилища, одежды, комфорта, для изученія наукъ и для разработки искусствъ.

Вернуться однако къ общественному обладанію всѣми богатствами, — совершить экспропріацію — можно будетъ только путемъ анархическаго коммунизма: нужно разрушить правительство, нужно порвать его законы, отвергнуть его нравственность, игнорировать его органы и самимъ взяться за дѣло, руководясь своею собственною инициативою, и группируясь согласно личнымъ наклонностямъ, интересамъ, идеалу и характеру начатой работы. Разборомъ вопроса объ экспропріаціи, — самаго главнаго въ этомъ сочиненіи, — авторъ и занялся всего подробнѣе: сжато и безъ рѣзкихъ словъ, со спокойствіемъ и ясностью взгляда, которыхъ требуетъ изученіе близкой, отнынѣ неизбѣжной революціи. Только послѣ низверженія государства, группы свободныхъ рабочихъ, не выпужденныхъ болѣе трудиться на пользу грабителей и тунеядцевъ, смогутъ предаться привлекательному, свободно избранному труду, и приступить научно къ обработкѣ почвы и промышленному труду, въ перемежку съ ученіемъ и удовольствіями. Страницы этой книги, посвященныя разбору земледѣльческаго труда, имѣютъ особенно серьезное значеніе, такъ какъ онѣ излагаютъ факты уже провѣренные практикою, которые легко было бы приложить повсемѣстно, на пользу всѣмъ, а не для обогащенія немногихъ.

Остроумные люди, желая осмѣять пороки и странности элегантной молодежи, говорятъ намъ о людяхъ *„конца вѣка“* — fin de siècle. Но мы переживаемъ

теперь нѣчто несравненно болѣе важное, чѣмъ конецъ вѣка; мы подошли къ концу эпохи — къ концу цѣлой эры въ исторіи. Мы видимъ завершеніе всей античной цивилизаціи. Право силы и капризъ власти, жосткое еврейское преданіе и жестокое римское правосудіе потеряли для насъ свое былое значеніе. Мы исповѣдуемъ новую вѣру; и когда эта вѣра — которая и есть наука — станетъ вѣрою всѣхъ ищущихъ истины, она начнетъ переходить въ свое воплощеніе, потому что основной законъ исторіи тотъ, что общество всегда формуется сообразно своему идеалу. Тогда, защитники отжившаго строя вынуждены будутъ сдаться. Они утратили свою вѣру. Безъ вожака, безъ знамени, они уже сражаются какъ попало, наугадъ. Противъ новаторовъ у нихъ есть, конечно, законы и ружья, полицейскіе съ шашками и артиллерійскіе парки, — но всего этого недостаточно чтобы пересилить *идею* — и весь старый порядокъ, основанный на фантазіи правителей и на притѣсненіи, вынужденъ будетъ быстро перейти въ преданіе о далекомъ прошломъ.

Конечно, неизбѣжно-подступающая теперь революція, какъ бы глубоко ни было ея значеніе въ развитіи человѣчества, будетъ похожа на предыдущія революціи въ томъ, что она не представитъ собою быстраго скачка; въ природѣ ихъ не бываетъ. Но можно смѣло сказать, что тысячами передовыхъ явленій, тысячами глубокихъ совершающихся уже измѣненій, анархическое общество уже давно начало развиваться. Оно проявляется всюду, гдѣ свободная мысль сбрасываетъ съ себя путы буквы и догмата, вездѣ гдѣ геній изслѣдователя отрывается отъ устарѣлыхъ формулъ, гдѣ воля человѣка проявляется въ независимыхъ поступкахъ: вездѣ, гдѣ люди искренніе, возмутившіеся противъ всякой наложенной на нихъ дисциплины, сходятся по доброй волѣ, чтобы учиться

другъ у друга, и безъ всякого начальства стремятся завоевать свою долю жизни, свое право на удовлетвореніе своихъ нуждъ. Все это — уже анархія, даже тогда, когда она безсознательна, — причемъ, однако, все болѣе и болѣе развивается и сознаніе. Какже можетъ она не восторжествовать, когда у нея есть свой идеалъ и смѣлость воли, тогда какъ толпа ея противниковъ, уже утратившая вѣру, даетъ себя нести судьбѣ, восклицая: „Ничего не подѣлаешь: конецъ вѣка!“

Революція, которая уже намѣчается, несомнѣнно наступитъ, и нашъ другъ Кропоткинъ пользуется своимъ правомъ историка, когда беретъ за исходную точку день революціи и излагаетъ свои воззрѣнія на то, какъ можетъ общество вновь вступить въ обладаніе коллективнымъ богатствомъ, созданнымъ трудомъ всѣхъ, и когда онъ обращается къ робкимъ людямъ, вполнѣ сознающимъ несправедливость существующаго, но боящимся вступить въ открытый бунтъ противъ общества. отъ котораго они зависятъ, и матеріально и въ силу преданій. Всѣ знаютъ, что законъ — гнусенъ и лживъ, что судьи — прислужники богатыхъ и притѣснители бѣдныхъ, что честная трудовая жизнь не всегда вознаграждается даже увѣренностью въ кускѣ хлѣба, и что при теперешнихъ условіяхъ лучшими средствами для „завоеванія хлѣба“ и благосостоянія бываетъ наглый цинизмъ биржевика и неумолимая жестокость ростовщика. Но вмѣсто того, чтобы настроить свои мысли, свои желанія, свои предпріятія и поступки согласно своему разумному пониманію справедливости, большинство изъ нихъ находитъ выходъ куда-нибудь въ сторону, лишь бы избѣжать послѣдствій прямого и откровеннаго выраженія своихъ взглядовъ. Таковы, напримѣръ, „ново-вѣры,“ которые, не будучи въ силахъ исповѣдывать „истинную вѣру“ своихъ отцовъ, бросаются въ какую нибудь болѣе оригинальную миста-

гогію, безъ опредѣленныхъ догматовъ, и теряются въ туманѣ неясныхъ чувствъ: становятся спиритами, розенкрейцерами, буддистами, чудотворами. Воображая себя послѣдователями Шакьямуни, но не давая однако себѣ труда освоиться съ его ученіями, эти меланхолическіе господа и эѳирныя дамы дѣлаютъ видъ будто ищутъ умиротворенія въ уничтоженіи нирваны.

Но такъ какъ эти „прекраснодушные" вѣчно толкуютъ намъ объ идеалѣ, — то поспѣшимъ же ихъ успокоить. Мы настолько матеріалисты, что мы, дѣйствительно, имѣемъ слабость думать о пищѣ, потому что нерѣдко и ея намъ недоставало; и не достаетъ ея теперь милліонамъ нашихъ славянскихъ братьевъ — подданныхъ русскаго царя — и многимъ другимъ милліонамъ людей. Но, кромѣ хлѣба, и кромѣ благосостоянія и коллективнаго богатства, которое могла бы намъ дать разумная обработка нашихъ полей, — мы видимъ еще вслѣдъ за этимъ возникновеніе цѣлаго новаго міра, — міра, гдѣ мы вполнѣ сможемъ любить другъ друга и удовлетворять наши благородныя стремленія къ идеалу, который страстные поклонники красоты, пренебрегающіе матеріальною жизнью, выставляютъ какъ негасаемую жажду ихъ эѳирныхъ душъ! Когда не будетъ болѣе богатыхъ и бѣдныхъ, когда голодному не придется болѣе съ завистью взирать на сытаго, тогда настоящая прирожденная дружба сможетъ вновь развиться между людьми; и тогда религія взаимности, солидарности — которую всячески заглушаютъ теперь — заступитъ мѣсто той неопредѣленной религіи, которая рисуетъ свои расплывающіеся образы на туманахъ небеснаго свода.

Революція не только сдержитъ свои обѣщанія, но она сдѣлаетъ больше того. Она обновитъ самые источники жизни, очистивши насъ отъ грязнаго соприкосновенія со всякими видами полиціи и избавляя насъ отъ подлой заботы о деньгахъ,

отравляющей наше существованіе. Тогда — каждый сможетъ свободно идти по своему собственному пути. Работникъ будетъ трудиться надъ тѣмъ, что̀ ему будетъ сподручнѣе; изобрѣтатель будетъ вести свои изслѣдованія безъ всякой задней мысли; художникъ не будетъ опошливать свой идеалъ красоты ради денегъ; и — ставши друзьями — мы сможемъ трудиться, всѣ сообща, надъ осуществленіемъ великихъ дѣяній, которыя провидѣли поэты.

Тогда, навѣрное, будутъ изрѣдка вспоминать имена тѣхъ, которые своею преданною пропагандою, несмотря на изгнаніе и на тюрьму, подготовляли новое общество. Объ нихъ мы думаемъ теперь, издавая „*Хлѣбъ и Воля*": они почувствуютъ себя, можетъ быть, немного сильнѣе, когда получатъ этотъ привѣтъ общей нашей мысли сквозь рѣшетки своихъ тюремъ, или въ изгнаніи. Авторъ навѣрное одобритъ меня, если я посвящу эту книгу всѣмъ тѣмъ, кто страдаетъ за общее дѣло, и въ особенности одному другу, котораго вся жизнь была долгою борьбою за правду. Мнѣ незачѣмъ называть его имя: читая эти слова своего брата, онъ узнаетъ себя по тому, какъ забьется его сердце.

Элизе Реклю.

1892 г.

Наши богатства.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, когда первобытный человѣкъ, выбивая изъ кремней свои первобытныя орудія, перебивался кое-какъ случайными продуктами охоты и, умирая, оставлялъ своимъ дѣтямъ лишь какое-нибудь убѣжище подъ нависшею скалою, да нѣсколько грубой посуды, да еще безграничную природу — непонятную, ужасную, съ которой имъ предстояло вести тяжелую борьбу для поддержанія своего жалкаго существованія.

Но въ теченіе долгаго пути, пройденнаго съ тѣхъ поръ и длившагося цѣлыя тысячелѣтія, человѣкъ успѣлъ накопить несмѣтныя сокровища. Онъ расчистилъ почву, осушилъ болота, прорѣзалъ лѣса, проложилъ дороги; онъ строилъ, изобрѣталъ, наблюдалъ, разсуждалъ; онъ создалъ множество сложныхъ орудій, вырвалъ у природы ея тайны, завладѣлъ паромъ, — такъ что въ настоящее время ребенокъ, родящійся въ цивилизованной странѣ, имѣетъ, съ самаго появленія на свѣтъ, въ своемъ распоряженіи цѣлый огромный капиталъ, накопленный тѣми, кто жилъ и работалъ до него. И этотъ капиталъ даетъ ему возможность произвести, при помощи своего труда, соединеннаго съ трудомъ другихъ, богатства, передъ которыми блѣднѣютъ всѣ сокровища Востока въ сказкахъ „Тысячи и одной ночи."

Расчищенная уже почва только ждетъ, чтобы къ

ней приложили разумный трудъ и бросили въ нее хорошія сѣмена, чтобы покрыться роскошной жатвой, болѣе обильной, чѣмъ нужно для удовлетворенія потребностей человѣчества. Усовершенствованныя орудія земледѣльческаго труда уже изобрѣтены. На дѣвственной почвѣ американскихъ степей сто человѣкъ, при помощи машинъ, производятъ въ нѣсколько мѣсяцевъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія въ теченіе цѣлаго года десяти тысячъ человѣкъ. А тамъ, гдѣ человѣкъ хочетъ удвоить свой урожай, утроить, увеличить его въ сто разъ, онъ самъ дѣлаетъ себѣ нужную почву, окружаетъ каждое растеніе соотвѣтственнымъ ему уходомъ и получаетъ съ самаго маленькаго клочка земли невѣроятные урожаи. Въ то время какъ охотнику нужно было прежде имѣть въ своемъ распоряженіи сотни квадратныхъ верстъ, чтобы добыть пропитаніе своей семьѣ, образованный человѣкъ нынче выращиваетъ все, что ему нужно для себя и семьи, на одной десятитысячной долѣ этого пространства, и при томъ съ несравненно меньшимъ трудомъ и рискомъ.

Климатъ ему не помѣха. Если солнечнаго тепла не хватаетъ, онъ замѣняетъ его искусственной теплотой, а когда-нибудь начнетъ производить и свѣтъ, нужный для ускоренія роста. При помощи стеклянныхъ рамъ и чугунныхъ трубъ съ проведенной горячей водой, онъ получаетъ съ даннаго куска земли въ десять разъ больше, чѣмъ получалъ прежде на открытомъ воздухѣ.

Еще поразительнѣе успѣхи, достигнутые въ области промышленности. При помощи современныхъ машинъ, — разумныхъ существъ, представляющихъ собою плодъ усилій трехъ или четырехъ поколѣній, по большей части неизвѣстныхъ изобрѣтателей — сто человѣкъ производятъ теперь такое количество одежды, что его хватаетъ для десяти тысячъ семей на два, три года. Въ хорошо устроенныхъ уголь-

ныхъ копяхъ сто человѣкъ добываютъ въ годъ столько топлива, что его достаточно для десяти тысячъ семей, даже въ суровомъ климатѣ. А недавно мы видѣли, на выставкѣ 1889 года, какъ цѣлый удивительный городъ выросъ въ нѣсколько мѣсяцевъ на Марсовомъ полѣ въ Парижѣ, не внося при этомъ никакого нарушенія въ обычный ходъ работъ французскаго народа.

И хотя въ промышленности, въ земледѣліи и вообще во всемъ нашемъ общественномъ устройствѣ, плодами трудовъ нашихъ предковъ до сихъ поръ пользуется главнымъ образомъ очень небольшое меньшинство, но мы, тѣмъ не менѣе, можемъ съ увѣренностью сказать, что при помощи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи желѣзныхъ и стальныхъ помощниковъ, человѣчество могло бы теперь же создать себѣ существованіе, въ которомъ всѣ пользовались бы и богатствомъ, и роскошью.

Да, мы богаты, — гораздо богаче, чѣмъ думаемъ; богаты тѣмъ, что̀ уже имѣемъ, и еще болѣе тѣмъ, что мы можемъ произвести съ помощью современной науки и техники. И несравненно еще богаче тѣмъ, что мы могли бы получить изъ земли, отъ нашихъ мануфактуръ, отъ нашей науки и нашихъ техническихъ знаній, если бы они были приложены къ достиженію благосостоянія для всѣхъ.

II

Безспорно, наши образованныя общества очень богаты. — Почему же вокругъ насъ столько нищеты? Откуда этотъ тяжелый трудъ, отупляющій народныя массы? Откуда, даже у рабочаго, имѣющаго порядочный заработокъ, эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, когда кругомъ накоплено столько богатствъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, и имѣются такія могущественныя орудія производства, способныя дать довольство каждому, взамѣнъ нѣсколькихъ часовъ ежедневнаго труда?

Соціалисты давно уже объяснили это противорѣчіе и повторяютъ свое объясненіе каждый день, опираясь на доказательства, почерпнутыя изъ всѣхъ отраслей науки. Происходитъ это странное противорѣчіе отъ того, что все, что нужно для производства — земля, угольныя копи, машины, пути сообщенія, пищевые продукты, дома, воспитаніе, знаніе — все было захвачено въ свою пользу небольшой горстью людей въ теченіе той долгой исторіи, составившейся изъ грабежей, переселеній, войнъ, невѣжества и насилій, которую человѣчество пережило съ тѣхъ поръ, какъ стало учиться побѣждать силы природы.

Происходитъ оно отъ того, что ссылаясь на права, якобы пріобрѣтенныя ею въ прошломъ, эта кучка людей присвоиваетъ себѣ по крайней мѣрѣ двѣ трети продуктовъ человѣческаго труда, а затѣмъ расточаетъ ихъ самымъ безсмысленнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ; отъ того, что они довели народъ до такого состоянія, когда крестьянину и рабочему нечѣмъ бываетъ прожить даже мѣсяцъ — часто даже недѣлю, — если эти господа не позволятъ ему работать на ихъ землѣ, копяхъ, заводахъ, подъ условіемъ, чтобы львиная доля того, что онъ выработаетъ, шла бы имъ, господамъ; отъ того, наконецъ, что они мѣшаютъ рабочему производить то, что нужно всѣмъ, и заставляютъ производить не то, что̀ нужно другимъ, а то, что̀ даетъ наибольшій барышъ хозяину. Именно въ объясненіи этихъ фактовъ и состоитъ весь соціализмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ передъ нами цивилизованная страна. Лѣса, покрывавшіе ее въ прежнія времена, расчищены, болота осушены, климатъ сталъ болѣе здоровымъ; въ странѣ сдѣлалось возможно жить. Земля, на которой росли прежде однѣ дикія травы, даетъ теперь богатые урожаи. Южные склоны скалъ вырѣзаны террасами, по которымъ вьются лозы съ золотистыми плодами. Дикія расте-

нія, дававшія прежде несъѣдобные плоды и корни, превратились, благодаря непрерывной обработкѣ, во вкусные овощи, въ деревья, ломящіяся подъ прекрасными фруктами.

Тысячи шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ изрѣзываютъ страну, прорѣзаютъ горы; въ дикихъ ущельяхъ Альпъ, Кавказа, Гималаевъ свиститъ уже локомотивъ. Рѣки сдѣлались судоходными; берега морей изслѣдованы, сняты на карты и легко доступны мореплавателямъ; искусственныя гавани, устроенныя съ большимъ трудомъ и защищенныя отъ сердитаго океана, даютъ убѣжище кораблямъ. Глубокіе ходы прорыты въ скалахъ; цѣлые лабиринты подземныхъ галлерей тянутся повсюду, гдѣ можно добывать каменный уголь или руду. Вездѣ, гдѣ дороги перекрещиваются между собою, возникли и разрослись города, заключающіе въ своихъ стѣнахъ всевозможныя сокровища промышленности, искусства и науки.

Цѣлыя поколѣнія людей, родившихся и умершихъ въ нищетѣ, униженныхъ и оскорбленныхъ господствующими классами, истомленныхъ трудомъ, завѣщали девятнадцатому вѣку это огромное наслѣдство.

Въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, милліоны людей работали, расчищая лѣса, осушая болота, прокладывая дороги, устраивая плотины на рѣкахъ. Всякій клочокъ земли, который мы обрабатываемъ въ Европѣ, орошенъ потомъ многихъ поколѣній, каждая дорога имѣетъ свою длинную исторію барщиннаго труда, непосильной работы, народныхъ страданій. Каждая верста желѣзной дороги, каждый аршинъ тунеля получили свою долю человѣческой крови.

На стѣнахъ шахтъ мы еще видимъ свѣжіе слѣды ударовъ заступа въ окружающія каменныя глыбы, а подземныя галлереи могли бы быть отмѣчены отъ одного столба до другого могилами углекоповъ, по-

гибшихъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ отъ взрывовъ рудничнаго газа, обваловъ и наводненій, и мы знаемъ, сколькихъ слезъ, лишеній и всякихъ страданій стоила каждая изъ этихъ могилъ семьѣ, жившей на скудный заработокъ своего кормильца.

Города, связанные между собою желѣзными дорогами и пароходами, представляютъ собою организмы, имѣющіе въ прошломъ цѣлые вѣка жизни. Разройте ихъ почву — и вы найдете одинъ надъ другимъ цѣлые слои улицъ, домовъ, театровъ, аренъ, общественныхъ зданій. Изучите ихъ исторію — и вы увидите, какъ цивилизація каждаго города, его промышленность, его духъ, медленно росли и развивались, благодаря сотрудничеству всѣхъ жителей, прежде чѣмъ городъ сталъ тѣмъ, что̀ онъ представляетъ теперь.

Но и въ настоящую минуту цѣнность каждаго дома, каждаго завода, каждой фабрики, каждаго магазина обусловлена трудомъ, положеннымъ на эту точку земного шара милліонами давно погребенныхъ въ землю рабочихъ, — и поддерживается она на извѣстномъ уровнѣ, только благодаря труду легіоновъ людей, обитающихъ эту точку. Каждая частица того, что мы называемъ богатствомъ народовъ, цѣнна лишь постольку, поскольку она составляетъ часть этого огромнаго цѣлаго. Что̀ представляли бы собою лондонскіе доки или парижскіе большіе магазины, если бы они не находились въ центрахъ международной торговли? Чего стоили бы наши копи, фабрики, верфи и желѣзныя дороги, если бы не существовало массъ товаровъ, ежедневно переправляемыхъ по морю и по сушѣ?

Милліоны человѣческихъ существъ потрудились для созданія цивилизаціи, которой мы такъ гордимся. Другіе милліоны, разсѣянные по всѣмъ угламъ земного шара, трудятся и теперь для ея поддержанія. Безъ нихъ, отъ всего этого черезъ пятьдесятъ лѣтъ остались бы однѣ груды мусора.

Даже мысль, даже геній изобрѣтателя — явленія коллективныя, плодъ прошлаго и настоящаго. Тысячи писателей, поэтовъ, ученыхъ трудились цѣлые вѣка для того, чтобы выработать знаніе, чтобы разсѣять заблужденія, чтобы создать ту атмосферу научной мысли, безъ которой не могло бы явиться ни одно изъ чудесъ нашего вѣка. Но и эти тысячи философовъ, поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей были, въ свою очередь, продуктомъ труда прошлыхъ вѣковъ. Развѣ въ теченіе всей ихъ жизни ихъ не кормили и не поддерживали, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, цѣлые легіоны всевозможныхъ рабочихъ и ремесленниковъ? Развѣ они не черпали силы, дававшей имъ толчокъ, изъ окружающей ихъ среды?

Геній Сегена, Майера и Джоуля, открывшихъ механическій эквивалентъ теплоты, несомнѣнно сдѣлалъ больше для того, чтобы толкнуть промышленность на новый путь, чѣмъ всѣ капиталисты въ мірѣ. Но и сами эти геніи представляютъ собою продукты, какъ промышленности, такъ и науки: въ самомъ дѣлѣ, нужно было, чтобы тысячи паровыхъ машинъ изъ году въ годъ превращали, на глазахъ у всѣхъ, теплоту въ механическую силу, а эту послѣднюю въ звукъ, свѣтъ или электричество, для того, чтобы геніальные умы могли провозгласить механическое происхожденіе теплоты и единство физическихъ силъ. И если мы, дѣти девятнадцатаго вѣка, поняли, наконецъ, эту идею и сумѣли ее приложить, то это опять-таки благодаря тому, что насъ подготовилъ къ этому нашъ ежедневный опытъ. Мыслители прошлаго вѣка тоже предвидѣли и высказывали ее, но она осталась непонятой, потому что восемнадцатый вѣкъ не выросъ, какъ выросъ нашъ вѣкъ, около паровой машины.

Подумайте только, сколько десятилѣтій провели бы мы еще въ невѣдѣніи этого закона, давшаго

намъ возможность перевернуть всю современную промышленность, если бы Уаттъ не нашелъ въ Сохо умѣлыхъ рабочихъ, воплотившихъ въ мѣди и желѣзѣ его теоретическія соображенія, усовершенствовавшихъ его машину во всѣхъ ея частяхъ и сдѣлавшихъ, наконецъ, заключенный въ ея механизмѣ паръ послушнѣе лошади и удобнѣе воды, — вслѣдствіе чего она могла стать душою современной промышленности.

Всякая машина имѣетъ въ своемъ прошломъ подобную же исторію: длинную исторію безсонныхъ ночей и нужды, разочарованій и радостей, второстепенныхъ усовершенствованій, изобрѣтенныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, понемногу прибавлявшихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ мелкія подробности, безъ которыхъ самая плодотворная идея остается безплодной. Мало того: каждое новое изобрѣтеніе представляетъ собою синтезъ, сводъ тысячи изобрѣтеній, предшествовавшихъ ему въ обширной области механики и промышленности.

Наука и промышленность, знаніе и его приложенія, открытія и ихъ практическое осуществленіе, ведущее къ новымъ открытіямъ, трудъ умственный и трудъ ручной, мысль и продуктъ матеріальнаго труда — все это связано между собою. Каждое открытіе, каждый шагъ впередъ, каждое увеличеніе богатствъ человѣчества имѣетъ свое начало во всей совокупности физическаго и умственнаго труда, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

По какому же праву, въ такомъ случаѣ, можетъ кто-нибудь присвоить себѣ хотя бы малѣйшую частицу этого огромнаго цѣлаго и сказать: это мое, а не ваше?

III

А между тѣмъ, въ теченіе ряда вѣковъ, прожитыхъ человѣчествомъ, случилось такъ, что все, что даетъ

человѣку возможность производить и увеличивать свою производительную силу, было захвачено небольшой горстью людей. Мы разскажемъ, можетъ быть, когда-нибудь, какъ именно это произошло; теперь же для насъ достаточно указать на этотъ фактъ и обсудить его послѣдствія.

Въ настоящее время земля, получающая свою цѣнность именно отъ потребностей все растущаго населенія, принадлежитъ меньшинству, которое можетъ помѣшать, и въ самомъ дѣлѣ мѣшаетъ, народу ее обработывать, или же не даетъ ему обработывать ее соотвѣтственно современнымъ требованіямъ. Копи, представляющія собою трудъ нѣсколькихъ поколѣвій и потому только и имѣющія цѣнность, что кругомъ ихъ кишитъ промышленность и ютится густое населеніе, точно такъ же принадлежитъ нѣсколькимъ человѣкамъ, и эти нѣсколько человѣкъ ограничиваютъ количество добываемаго угля, или даже совершенно прекращаютъ его добываніе, если они найдутъ нужнымъ поднять продажную цѣну угля или имъ встрѣтится случай помѣстить свои капиталы болѣе выгоднымъ образомъ. Машины точно такъ же составляютъ собственность немногихъ, и даже тогда, когда данная машина представляетъ собою безспорно сумму усовершенствованій, внесенныхъ въ первобытный инструментъ тремя поколѣніями рабочихъ, — она все-таки принадлежатъ нѣсколькимъ хозяевамъ. Если бы внуки изобрѣтателя, построившаго сто лѣтъ тому назадъ паровую машину для тканья кружевъ, явились теперь въ Базель или въ Ноттингэмъ и предъявили свои права на нее, имъ бы отвѣтили: „Убирайтесь вонъ! Эта машина вамъ не принадлежитъ!“ А если бы они захотѣли взять ее силой, ихъ разогнали бы картечью.

Желѣзныя дороги, которыя были бы не больше какъ безполезными массами желѣза, если бы не густота европейскаго населенія, его промышлен-

ность, его торговля, его обмѣнъ, принадлежатъ теперь нѣсколькимъ акціонерамъ, которые, можетъ быть, даже не знаютъ, гдѣ находятся эти дороги, часто приносящія имъ больше дохода, чѣмъ всѣ владѣнія какого-нибудь средневѣковаго короля. И если бы дѣти тѣхъ людей, которые умирали тысячами, копая выемки и тунели, собрались и пошли, голодной и оборванной толпой, требовать хлѣба у акціонеровъ, ихъ разогнали бы штыками, ради огражденія „пріобрѣтенныхъ правъ".

Въ силу этого чудовищнаго устройства общества, сынъ рабочаго не находитъ при своемъ вступленіи въ жизнь ни поля, которое онъ могъ бы воздѣлывать, ни машины, около которой онъ могъ бы работать, иначе какъ подъ условіемъ, что онъ будетъ уступать какому-нибудь хозяину большую часть того, что̀ онъ наработаетъ. Онъ долженъ продавать свою рабочую силу за скудное и невѣрное пропитаніе. Его отецъ и дѣдъ работали надъ осушеніемъ этого поля, надъ постройкой этого завода, надъ усовершенствованіемъ его машинъ; они рыли эту копь; они работали по мѣрѣ своихъ силъ, — а кто же можетъ дать больше этого? Между тѣмъ самъ онъ родился на свѣтъ бѣднѣе послѣдняго дикаря. Если ему позволятъ заняться обработкой поля, то только подъ условіемъ, чтобы онъ отдалъ четверть жатвы хозяину, а другую четверть правительству и всякимъ ненужнымъ посредникамъ — торговцамъ, акціонерамъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. И эта подать, взимаемая съ него государствомъ, капиталистомъ, собственникомъ земли и посредниками, будетъ все расти изъ года въ годъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ ему, пахарю, удастся сберечь хоть что-нибудь, чтобы улучшать свое хозяйство.

Если онъ займется промышленностью, ему позволятъ работать — и то, впрочемъ, не всегда, — но подъ условіемъ, что онъ будетъ получать треть или четверть цѣны продукта, такъ какъ остальное

должно достаться тому, кого законъ признаетъ собственникомъ машины, завода, магазина и т. п.

Мы гремимъ противъ средневѣкового барона, который не позволялъ крестьянину обработывать землю иначе, какъ подъ условіемъ отдать ему четверть жатвы. Мы называемъ феодальную эпоху варварской, а между тѣмъ, если внѣшнія формы и измѣнились, то сами отношенія остались тѣ же. Рабочій по нуждѣ соглашается на феодальныя условія, которыя мы нынче называемъ „свободнымъ договоромъ", потому что жить ему нечѣмъ, а лучшихъ условій онъ нигдѣ не найдетъ. Все стало собственностью того или другого хозяина, и ему остается — или принять такія условія, или умирать съ голоду.

Но этого мало. Такое положеніе вещей приводитъ къ тому, что все наше производство принимаетъ ложное направленіе. Промышленное предпріятіе не заботится о потребностяхъ общества: его единственная цѣль — увеличеніе барышей предпринимателя. Отсюда постоянныя колебанія въ промышленности и хроническіе кризисы, изъ которыхъ каждый выбрасываетъ на улицу сотни тысячъ рабочихъ.

Такъ какъ рабочіе не могутъ покупать на свою заработную плату тѣхъ богатствъ, которыя они производятъ, то промышленность должна искать внѣшнихъ рынковъ, среди эксплуатирующихъ классовъ другихъ народовъ. Повсюду — на Востокѣ, въ Африкѣ, въ Египтѣ, въ Тонкинѣ, въ Конго европеецъ стремится ради этого увеличивать число своихъ рабовъ. Но повсюду онъ встрѣчаетъ конкурентовъ, такъ какъ всѣ народы развиваются въ томъ же направленіи, и изъ-за права господствовать на рынкахъ начинаются непрерывныя войны. Войны за преобладаніе на Востокѣ, войны за господство на морѣ, войны за возможность облагать ввозными пошлинами своихъ сосѣдей и пред-

писывать имъ какія угодно условія, войны противъ всѣхъ, кто протестуетъ! Громъ пушекъ не перестаетъ раздаваться въ Европѣ; цѣлыя поколѣнія истребляются; европейскія государства тратятъ на вооруженія треть своихъ доходовъ, — а мы знаемъ, что̀ такое налоги и чего они сто̀ятъ бѣдному люду.

Образованіе становится привилегіей ничтожнаго меньшинства. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ образованіи для всѣхъ, если сынъ рабочаго долженъ въ тринадцать лѣтъ уже спускаться въ рудники или помогать отцу въ полевыхъ работахъ! Можно ли говорить объ ученіи рабочему, который возвращается домой вечеромъ, разбитый цѣлымъ днемъ каторжнаго, почти всегда отупляющаго труда.

Общество дѣлится, вмѣстѣ съ тѣмъ, на два враждебные лагеря, и свобода становится пустымъ звукомъ. Радикалъ, который требуетъ бо̀льшаго расширенія политическихъ вольностей, скоро замѣчаетъ, что свободный духъ ведетъ къ пробужденію рабочихъ; и тогда онъ обращается вспять, бросаетъ свои радикальныя убѣжденія и заодно съ „охранителями" требуетъ исключительныхъ каръ противъ рабочихъ и военной диктатуры.

Для поддержанія существующихъ привилегій требуется, наконецъ, цѣлый обширный составъ судей, прокуроровъ, жандармовъ и тюремщиковъ, а все это становится въ свою очередь источникомъ цѣлой системы доносовъ, обмановъ, подкуповъ и всевозможныхъ подлостей.

Мало того: этотъ порядокъ вещей прямо-таки мѣшаетъ развитію среди людей общественныхъ чувствъ. Каждый понимаетъ, что безъ прямоты въ отношеніяхъ, безъ самоуваженія, безъ взаимнаго сочувствія и поддержки, человѣческій родъ долженъ исчезнуть, какъ исчезаютъ тѣ немногіе животные виды, которые живутъ хищничествомъ и порабощеніемъ другъ друга. А между тѣмъ жизнь толкаетъ каждаго въ противоположную сторону.

Много хорошихъ словъ было сказано въ разныя времена о томъ, что мы обязаны дѣлиться съ неимущими тѣмъ, что̀ мы имѣемъ. Но каждый, кто начинаетъ прилагать это ученіе на практикѣ, скоро отворачивается отъ него и говоритъ, что всѣ эти великодушныя чувства хороши въ поэтическихъ произведеніяхъ, но вовсе не въ жизни. Лгать, это значитъ не уважать себя, это значитъ унижаться, говоримъ мы, а вся наша цивилизованная жизнь представляетъ собою сплошную ложь. Мы привыкаемъ, такимъ образомъ, сами и пріучаемъ нашихъ дѣтей къ двуличности и къ лицемѣрію. А такъ какъ нашъ умъ неохотно поддается этому, то мы стараемся успокоить себя лживыми умствованіями — софизмами. Лицемѣріе и софизмы становятся второй натурой цивилизованнаго человѣка.

Но общество такъ жить не можетъ: оно должно, или вернуться на правильный путь, или погибнуть.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что простой фактъ захвата богатствъ небольшимъ меньшинствомъ отражается на всей общественной жизни въ ея цѣломъ. Человѣческія общества должны, — подъ угрозою гибели, какая уже постигла немало государствъ въ древности, вернуться къ основному принципу, состоящему въ томъ, что разъ орудія производства представляютъ собою продуктъ труда всего народа, то они должны перейти въ руки всего народа. Частное присвоеніе ихъ и несправедливо, и безполезно. Все принадлежитъ всѣмъ, такъ какъ всѣ въ немъ нуждаются, всѣ работали для него по мѣрѣ силъ, и нѣтъ никакой физической возможности опредѣлить, какая доля принадлежитъ каждому въ производимыхъ теперь богатствахъ.

Все принадлежитъ всѣмъ! Вотъ передъ нами огромная масса орудій, созданная девятнадцатымъ вѣкомъ, вотъ милліоны желѣзныхъ рабовъ, которыхъ мы называемъ машинами и которые пилятъ и стругаютъ, ткутъ и прядутъ за насъ, разлагаютъ и

вновь возстановляютъ сырой матеріалъ, однимъ словомъ, создаютъ всѣ чудеса нашего времени. Никто не имѣетъ права завладѣть хотя бы одной изъ этихъ машинъ и сказать: „Она принадлежитъ мнѣ, и, чтобы пользоваться ею, вы должны платить мнѣ дань съ каждаго изъ вашихъ продуктовъ“, такъ же какъ средневѣковой помѣщикъ не имѣлъ права сказать крестьянину: „Этотъ холмъ, или этотъ лугъ принадлежитъ мнѣ, и ты будешь платить мнѣ дань съ каждаго собраннаго снопа, съ каждой копны сѣна.“

Да, все принадлежитъ всѣмъ! И разъ только мужчина или женщина внесли въ это цѣлое свою долю труда, они имѣютъ право на свою долю всего, что производится общими усиліями всѣхъ. А этой доли уже будетъ достаточно, чтобы обезпечить довольство всѣмъ.

Довольно съ насъ неясныхъ формулъ, въ родѣ „права на трудъ“ или „каждому продуктъ его труда“! То, чего мы требуемъ, это — *права на довольство — довольство для всѣхъ.*

Довольство для всѣхъ.

Довольство для всѣхъ — не мечта. Съ тѣхъ поръ какъ наши предки положили столько труда, чтобы сдѣлать нашу работу болѣе производительной, оно стало возможнымъ и осуществимымъ.

Мы знаемъ, что уже теперь производительные рабочіе, составляющіе въ каждой образованной странѣ менѣе трети населенія, производятъ достаточно продуктовъ для того, чтобы обезпечить нѣкоторое довольство въ каждой семьѣ. Мы знаемъ, кромѣ того, что если бы всѣ, кто расточаетъ теперь чужой трудъ, были вынуждены сами заниматься какимъ-нибудь полезнымъ трудомъ, наше богатство возросло бы въ нѣсколько разъ, — больше даже, чѣмъ возросло бы число рабочихъ рукъ. Мы знаемъ, наконецъ, что, вопреки теоріи Мальтуса— этого жреца буржуазной науки, — производительная сила человѣка увеличивается быстрѣе его собственнаго размноженія. Чѣмъ больше скучены люди въ какой-нибудь странѣ, тѣмъ быстрѣе идетъ развитіе ихъ производительныхъ силъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ населеніе Англіи возросло, съ 1844 года, всего на 62%, ея производительныя силы увеличились, по меньшей мѣрѣ, на 130%. Во Франціи, гдѣ населеніе увеличилось меньше, ростъ производительныхъ силъ тѣмъ не менѣе также шелъ очень быстро. Несмотря на удручающіе земледѣльческіе кризисы, на обиратель-

ство крестьянъ государствомъ, на рекрутчину, на обираніе земледѣльцевъ банкирами, финансистами и промышленными хозяевами, — въ теченіе послѣдней четверти вѣка производство пшеницы учетверилось во Франціи, а производство промышленное удесятерилось. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы находимъ еще болѣе поразительный прогрессъ: несмотря на имиграцію — или, вѣрнѣе, именно вслѣдствіе этого притока рабочихъ изъ Европы — Соединенные Штаты увеличили свое производство въ десятки разъ.

Но эти цифры даютъ лишь слабое понятіе о томъ, что̀ мы могли бы производить при болѣе разумныхъ условіяхъ жизни. Въ настоящее время, по мѣрѣ увеличенія производительной способности, растетъ въ ужасающихъ размѣрахъ и армія тунеядцевъ и посредниковъ. Вопреки царившему прежде среди соціалистовъ мнѣнію, что капиталъ скоро настолько сконцентрируется въ немногихъ рукахъ, что для овладѣнія общимъ имуществомъ достаточно будетъ экспропріировать нѣсколькихъ милліонеровъ, оказывается, что число лицъ, живущихъ чужимъ трудомъ, становится въ дѣйствительности все болѣе и болѣе значительнымъ.

Во Франціи, на тридцать человѣкъ жителей не приходится и десяти непосредственныхъ производителей. Все земледѣльческое богатство страны есть дѣло семи милліоновъ человѣкъ, а въ двухъ ея главныхъ отрасляхъ промышленности — въ копяхъ и въ производствѣ тканей — насчитывается меньше двухъ съ половиною милліоновъ рабочихъ. Сколько же оказывается въ такомъ случаѣ эксплуататоровъ труда? Въ Англіи (съ Шотландіею и Ирландіею) всего 1.030.000 рабочихъ заняты въ фабрикаціи всѣхъ возможныхъ тканей — миткалей, суконъ, шелковъ, джуты, кружевъ и т. под., и изъ нихъ всего только 300.000 мужчинъ — остальное же женщины, подростки и дѣти. Около полу-

милліона работаютъ во всѣхъ копяхъ и рудникахъ; въ Англіи и Шотландіи всего съ небольшимъ милліонъ обработываютъ землю, и статистикамъ приходится преувеличивать цифры для того, чтобы установить максимумъ вь 8 милліоновъ производителей на 26 милліоновъ жителей Англіи, Уэльса и Шотландіи. Въ дѣйствительности же, самое большее, шесть или семь милліоновъ рабочихъ создаютъ всѣ богатства, разсылаемыя Англіей во всѣ концы свѣта. Сколько же, послѣ этого, окажется людей, живущихъ доходомъ съ капитала, или посредниковъ-купцовъ, которые получаютъ доходъ со всего міра, и заставляютъ потребителя платить себѣ въ нѣсколько разъ (отъ 5 до 20 разъ) больше, чѣмъ они сами платятъ производителю?

Мало того. Люди, въ рукахъ которыхъ находится капиталъ, безпрестанно умышленно сокращаютъ производство, чтобы поднять цѣны. Уже не говоря о цѣлыхъ бочкахъ устрицъ и рыбы, выбрасываемыхъ въ море для того, чтобы устрицы и тонкая рыба не сдѣлались ѣдою, доступною народу, и не перестали быть лакомствомъ богатыхъ; не говоря о тысячахъ предметовъ роскоши — матерій, пищевыхъ продуктовъ и т. д., которые постигаетъ та же участь, что и устрицъ, — напомнимъ только о томъ, какимъ образомъ ограничиваютъ производство предметовъ, необходимыхъ для всѣхъ. Цѣлыя арміи углекоповъ съ удовольствіемъ стали бы добывать каждый день уголь и отсылать его тѣмъ, кто дрожитъ отъ холода; но очень часто, по крайней мѣрѣ треть, а не то и двѣ трети этой арміи не могутъ работать больше трехъ дней въ недѣлю, потому что хозяевамъ нужно поддерживать высокія цѣны на уголь. Тысячи ткачей не могутъ работать на своихъ станкахъ, въ то время какъ ихъ жены и дѣти ходятъ въ лохмотьяхъ, по той же причинѣ; а между тѣмъ три четверти европейскаго населенія не имѣетъ одежды, достойной этого имени.

Сотни доменныхъ печей, тысячи мануфактуръ остаются постоянно въ бездѣйствіи или работаютъ лишь половину времени, все ради того же повышенія цѣнъ, и въ каждой образованной націи мы находимъ постоянно около милліона, а иногда и до двухъ милліоновъ людей, остающихся безъ работы: ищущихъ работы, но лишенныхъ возможности ее получить.

Милліоны людей съ радостью принялись бы превращать невоздѣланныя, или плохо воздѣланныя, земли въ богатыя поля, способныя дать роскошныя жатвы. Одного года разумнаго труда было бы уже достаточно, чтобы увеличить впятеро производительность земель, которыя теперь даютъ только жалкій урожай. Но смѣлые начинатели, готовые взяться за это дѣло, осуждены на бездѣйствіе, потому что тѣ, кто владѣетъ землей, копями, мануфактурами, предпочитаютъ помѣщать свои капиталы — капиталы, украденные у общества — въ турецкіе или египетскіе займы, или въ акціи золотыхъ пріисковъ въ Патагоніи, такъ какъ имъ выгоднѣе заставлять работать на себя египетскихъ феллаховъ, итальянцевъ, вынужденныхъ покинуть свою страну, или китайскихъ кули!

Во всемъ этомъ мы видимъ сознательное и непосредственное ограниченіе производства, но есть и другое ограниченіе, косвенное и безсознательное, которое состоитъ въ томъ, чтобы тратить человѣческій трудъ на производство предметовъ совершенно безполезныхъ, или служащихъ исключительно для удовлетворенія безсмысленнаго тщеславія богачей.

До чего доходитъ это косвенное ограниченіе, невозможно исчислить даже приблизительно. Но всѣ мы знаемъ и видимъ воочію, сколько силъ человѣческихъ тратится совершенно попусту, тогда какъ онѣ могли бы послужить для производства необходимыхъ вещей, а въ особенности, для приготовленія орудій, нужныхъ для будущаго улучшен-

наго производства. Достаточно будетъ указать на милліарды, растрачиваемые Европой на вооруженія — съ единственной цѣлью завоеванія новыхъ рынковъ, или для того, чтобы покорить сосѣдей своему экономическому вліянію и облегчить эксплуатацію внутри страны; достаточно будетъ указать на милліоны, выплачиваемые ежегодно всевозможнымъ чиновникамъ, роль которыхъ заключается въ поддержаніи господства немногихъ надъ экономической жизнью всего народа; милліоны, тратящіеся на судей, на тюрьмы, на жандармовъ, на весь механизмъ, называемый правосудіемъ, въ то время какъ извѣстно, что стоитъ только хоть немного облегчить бѣдность въ большихъ городахъ, чтобы преступность уже уменьшилась въ значительныхъ размѣрахъ; наконецъ, милліоны, употребляющіеся на распространенія путемъ печати вредныхъ идей и ложныхъ извѣстій въ интересахъ какой-нибудь партіи, какого-нибудь политическаго дѣятеля, или какой-нибудь компаніи эксплуататоровъ.

Но и это еще не все. Подсчитайте только количество труда, который каждогодно тратится совершенно попусту — здѣсь, на содержаніе конюшни, псарни или дворни богача, тамъ — на удовлетвореніе капризовъ свѣтскихъ барынь и стремленія къ роскоши развращеннаго высшаго общества, вездѣ — на то, чтобы при помощи рекламы заставить васъ купить вещь совершенно ненужную, или навязать покупателямъ товаръ дурного качества, или даже на производство предметовъ положительно вредныхъ, но выгодныхъ для предпринимателя. Потраченнаго такимъ образомъ понапрасну труда несомнѣнно хватило бы на то, чтобы удвоить производство полезныхъ предметовъ, или же чтобы снабдить машинами и орудіями много фабрикъ и заводовъ, а эти послѣдніе скоро наводнили бы магазины продуктами, въ которыхъ двѣ трети населенія нуждаются въ настоящее время.

Словомъ, несомнѣнно, что даже изъ числа тѣхъ, кто въ каждой данной странѣ занимается производительнымъ трудомъ, четверть, по крайней мѣрѣ, всегда остается безъ работы въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году, а трудъ второй четверти — если даже не половины — идетъ не на что иное, какъ на развлеченіе богачей и на эксплуатацію публики.

Такимъ образомъ, если мы примемъ во вниманіе, съ одной стороны, ту быстроту, съ какою цивилизованные народы увеличиваютъ свои производительныя силы, а съ другой — ограниченіе, прямое или косвенное, которому подвергается производство вслѣдствіе современныхъ условій, то мы должны заключить, что сколько-нибудь разумная хозяйственная организація дала бы образованнымъ народамъ возможность накопить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столько полезныхъ продуктовъ, что имъ пришлось бы, наконецъ, сказать себѣ: „Довольно! Довольно съ насъ угля, довольно хлѣба, довольно одежды! Отдохнемъ и подумаемъ, куда еще приложить свои силы, какъ лучше употребить остающійся у насъ досугъ!“

Нѣтъ, довольство для всѣхъ — не мечта. Оно, можетъ-быть, было мечтой тогда, когда человѣку едва удавалось, цѣною страшнаго труда, получить двадцать пудовъ ржи съ десятины, когда онъ выдѣлывалъ собственными руками нужныя для земледѣлія и промышленности орудія. Но оно перестало быть мечтой съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который, съ помощью небольшого количества желѣза и нѣсколькихъ фунтовъ угля, доставляетъ ему послушную и удобную силу, способную привести въ движеніе самую сложную машину.

Но для того, чтобы это довольство перешло въ дѣйствительность, нужно, чтобы весь этотъ огромный капиталъ — города, дома, распаханныя поля, заводы, пути сообщенія, воспитаніе — перестало

считаться частною собственностью, которою захвативший ее распоряжается по своему усмотрѣнію.

Нужно, чтобы все это богатство орудій производства, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенное, построенное, выдѣланное, изобрѣтенное нашими предками, стало общею собственностью, чтобы общество, съ помощью своего коллективнаго ума, могло извлечь изъ него наибольшую выгоду для всѣхъ.

Для этого нужна экспропріація. А потому, довольство для всѣхъ — наша цѣль; экспропріація — наше средство.

II

Экспропріація, т. е. возвратъ обществу того, что ему принадлежитъ по праву, — такова задача, поставленная исторіей передъ нами, людьми конца девятнадцатаго вѣка. Все то, что служитъ для обезпеченія благосостоянія общества, должно быть возвращено обществу.

Но эта задача не можетъ быть разрѣшена законодательнымъ путемъ. Никто въ такое рѣшеніе и не вѣритъ: какъ бѣдный, такъ и богатый, понимаютъ, что ни современныя правительства, ни правительства, могущія явиться вслѣдствіе какой-нибудь политической революціи, не окажутся способными найти нужный выходъ. Всѣми чувствуется необходимость соціальной революціи, и какъ богатые, такъ и бѣдные не скрываютъ отъ себя, что эта революція близка, что она можетъ разразиться не сегодня, — завтра.

За послѣдніе полвѣка соотвѣтственная подготовка — эволюція — уже совершилась въ умахъ, но подъ давленіемъ меньшинства, т. е. имущихъ классовъ, она не могла воплотиться въ дѣйствительность; ей приходится поэтому устранить препятствія силой и осуществиться въ революціи.

Откуда придетъ революція? Какими признаками

будетъ отмѣчено ея начало? На эти вопросы никто не можетъ отвѣтить; мы находимся здѣсь въ полной неизвѣстности. Но всѣ, кто сколько-нибудь наблюдаетъ и размышляетъ, всѣ — какъ рабочіе, такъ и эксплуататоры, какъ революціонеры, такъ и охранители — чувствуютъ одно: что эта революція близка.

Что-же мы сдѣлаемъ, когда она, наконецъ, разразится?

Мы всѣ такъ много начитались о драматической сторонѣ прошлыхъ революцій и такъ мало знаемъ ихъ дѣйствительно-революціонную работу, что многіе изъ насъ видятъ въ этихъ движеніяхъ только внѣшнюю обстановку, борьбу первыхъ дней, баррикады. Но эта борьба на улицѣ, эти первыя стычки длятся недолго и скоро заканчиваются побѣдой или пораженіемъ народа; и именно послѣ побѣды народа надъ его прежними правителями начинается настоящая революціонная работа.

Неспособные и безсильные, атакованные со всѣхъ сторонъ, эти правители быстро уносятся вихремъ возстанія, если возстаніе имѣетъ дѣйствительно народный характеръ. Въ 1848 году, буржуазная монархія во Франціи погибла въ нѣсколько дней, и когда Луи-Филиппъ уѣзжалъ въ извощичьей каретѣ изъ Парижа, Парижъ забылъ уже и думать о бывшемъ королѣ. Правительство Тьера исчезло, 18 марта 1871 года, въ нѣсколько часовъ, оставляя Парижъ хозяиномъ своей собственной судьбы. А между тѣмъ движенія 1848 и 1871 года были только городскими возстаніями; при настоящей же народной революціи разложеніе всего государственнаго строя совершается съ поразительной быстротою во всей странѣ. Правители начинаютъ съ того, что бѣгутъ, а затѣмъ уже начинаютъ устраивать заговоры, чтобы обезпечить себѣ возможность возврата.

Какъ только прежнее правительство расшаталось,

армія перестаетъ, въ виду растущей волны народнаго возстанія, повиноваться своимъ вождямъ; эти послѣдніе, впрочемъ, также благоразумно стушевываются. Войско стоитъ, сложа руки, или же, поднявъ приклады вверхъ, присоединяется къ возставшимъ. Полиція не знаетъ, что дѣлать — бросаться ли съ кулаками на толпу или кричать: „да здравствуетъ Коммуна!", — и расходится благоразумно по домамъ, „поджидая новаго начальства". Крупные буржуа укладываютъ свои пожитки и уѣзжаютъ куда-нибудь въ безопасныя мѣста. Народъ же остается. Таково бываетъ начало всякой революціи.

И вотъ, напримѣръ, Коммуна провозглашена въ нѣсколькихъ большихъ городахъ. Тысячи людей толпятся на улицахъ и собираются по вечерамъ въ импровизированныхъ клубахъ для рѣшенія вопроса „что дѣлать?" для горячаго обсужденія общественныхъ дѣлъ. Ими интересуются теперь всѣ; даже тѣ, кто еще вчера были совершенно равнодушны, теперь оказываются чуть ли не самыми ретивыми. Повсюду видно очень много усердія, много самаго горячаго желанія обезпечить за собою побѣду. Совершаются дѣянія самаго высокаго самопожертвованія. Народъ рвется впередъ: — куда бы то ни было, лишь бы впередъ.

Все это прекрасно, все это очень возвышенно. Но это еще не революція. Напротивъ, работа революціонера только теперь и начинается.

Нѣтъ сомнѣнія, что будутъ при этомъ и акты мести. Разные Ватрены и Тома поплатятся за свою непопулярность. Но это будетъ только одна изъ случайностей борьбы, а вовсе еще не революція.*)

---

*) Ватренъ былъ надсмотрщикъ, ненавидимый рабочими и убитый въ восьмидесятыхъ годахъ. Тома былъ генералъ, убитый 18 марта 1871 года. Это была единственная казнь, совершенная народомъ въ этотъ день провозглашенія Коммуны.

Правительственные соціалисты, радикалы, непризнанные геніи журнализма, напыщенные ораторы — какъ буржуа, такъ и рабочіе — бросятся, конечно, въ Городскую Думу, чтобы занять опустѣвшія тамъ мѣста. Одни нацѣпятъ на себя всякихъ побрякушекъ, будутъ смотрѣться въ министерскія зеркала и учиться отдавать приказанія съ величіемъ, подобающимъ ихъ новому сану: красный поясъ, военная фуражка и величественныя движенія руки необходимы имъ, чтобы внушить къ себѣ почтеніе со стороны бывшаго товарища по редакціи или по мастерской. Другіе зароются въ бумагахъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ понять въ нихъ что-нибудь, и примутся сочинять законы и издавать указы, полные громкихъ фразъ, которыхъ никто, впрочемъ, не станетъ исполнять, именно потому, что теперь — время революціи.

Чтобы придать себѣ недостающую имъ представительность, они найдутъ себѣ подходящіе чины въ прежнихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и назовутъ себя „Временнымъ Правительствомъ", или „Комитетомъ Общественнаго Спасенія", или Головою, Комендантомъ Городской Думы, Начальникомъ Охраны и т. п. Другихъ выберутъ, или провозгласятъ безъ выборовъ, членами Парламента или Городского Совѣта, и вотъ они соберутся, съ подобающей торжественностью, въ Палатѣ или въ Думѣ. И тутъ окажутся, согнанными въ кучу, люди, принадлежащіе по крайней мѣрѣ къ десятку различныхъ школъ и направленій, — направленій, которыя вовсе не обусловливаются, какъ это часто говорятъ, однимъ личнымъ соперничествомъ, а соотвѣтствуютъ дѣйствительно различнымъ способамъ пониманія задачъ, послѣдствій, глубины предстоящей революціи. Поссибилисты („возможники"), коллективисты, радикалы, якобинцы, бланкисты будутъ согнаны въ одну кучу и неизбѣжно должны будутъ проводить время въ безвыходныхъ, неразрѣшимыхъ, все обо-

стряющихся спорахъ; съ честными людьми смѣшаются властолюбцы, которые мечтаютъ только о собственномъ господствѣ и глубоко презираютъ толпу, изъ которой вышли сами. Всѣ они придутъ съ прямо-противоположными взглядами и будутъ вынуждены заключать между собою яко-бы союзы для образованія большинства, много на день или на два, спорить безъ конца, обзывать другъ друга реакціонерами, деспотами и мошенниками. Имъ нельзя будетъ согласиться ни на одной серьезной мѣрѣ, имъ придется страстно увлекаться спорами изъ-за мелочей, и не смогутъ они создать ничего, кромѣ напыщенныхъ прокламацій. И всѣ-то они, при этомъ, будутъ принимать себя въ серьезъ, тогда какъ настоящая сила движенія была и будетъ оставаться на улицѣ, въ толпѣ.

Все это, можетъ быть, очень интересно для любителей театральныхъ представленій, но все это еще не революція. При всемъ этомъ ничего еще не сдѣлано!

Между тѣмъ народъ страдаетъ. Машины на фабрикахъ не работаютъ, мастерскія закрываются, капиталистъ прячется въ свою уютную норку, заказовъ нѣтъ, торговля не идетъ. Рабочій теряетъ даже тотъ ничтожный заработокъ, какой имѣлъ прежде; а цѣны на жизненные припасы растутъ и растутъ.

Но онъ ждетъ съ геройскимъ самоотверженіемъ, которымъ всегда отличается народъ въ рѣшительныя минуты, когда онъ доходитъ до великаго. „Мы отдаемъ на службу республикѣ три мѣсяца нужды“, заявили парижскіе рабочіе въ февралѣ 1848 года, когда республика была провозглашена во Франціи, — въ то время, какъ господа „представители народа“ и члены временнаго правительства всѣ, до послѣдняго служителя, аккуратно получали свое жалованье! Народъ страдаетъ. Но со свойственною ему дѣтскою довѣрчивостью, съ

добродушіемъ массы, вѣрящей въ своихъ вождей, онъ ждетъ, чтобы имъ занялись тамъ, наверху — въ Палатѣ, въ Думѣ, въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія.

Но тамъ думаютъ обо всемъ, кромѣ народныхъ страданій. Когда въ 1793 году голодъ свирѣпствовалъ во Франціи, грозя судьбамъ революціи; когда народъ былъ доведенъ до послѣдней степени нищеты, въ то время какъ по Елисейскимъ полямъ разъѣзжали въ великолѣпныхъ колясхахъ барыни въ роскошныхъ туалетахъ, Робеспьеръ настаивалъ въ Якобинскомъ клубѣ на чемъ? — на обсужденіи его мемуара объ англійской конституціи! Когда въ 1848 году, рабочій сидѣлъ безъ куска хлѣба вслѣдствіе всеобщей остановки промышленности, Временное правительство и Палата препирались о пенсіяхъ военнымъ офицерамъ и о работахъ въ тюрьмахъ, и даже не подумали спросить себя, чѣмъ живетъ народъ въ такую пору безработицы. И если можно упрекнуть въ чемъ-нибудь Парижскую Коммуну, родившуюся въ такихъ скверныхъ условіяхъ, подъ пушками пруссаковъ, и просуществовавшую всего семьдесятъ дней, то и ее придется упрекнуть въ томъ, что она не поняла, что безъ сытыхъ солдатъ нельзя одержать побѣду и что на тридцать су въ день (полтинникъ) въ осажденномъ Парижѣ нельзя рабочему сражаться на укрѣпленіяхъ и въ то-же время кормить свою семью.

Народъ страдаетъ и спрашиваетъ: „что дѣлать, чтобы выйти изъ этого положенія?“

III

Намъ кажется, что на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ:

Признать и заявить во всеуслышаніе, что всякій, каковъ бы ни былъ въ прошломъ его ярлыкъ, какъ бы онъ ни былъ силенъ или слабъ, способенъ

или неспособенъ, имѣетъ, прежде всего, *право на жизнь*, и что общество должно дѣлить между всѣми тѣ средства существованія, которыми оно располагаетъ. Это нужно признать, провозгласить, и дѣйствовать соотвѣтственно этому.

Нужно сдѣлать такъ, чтобы съ перваго же дня революціи народъ понялъ, что для него наступила новая пора; что съ этого дня никому уже больше не придется ночевать подъ мостами, когда рядомъ стоятъ пышные дворцы, никому не придется голодать, покуда есть въ городѣ съѣстные припасы; никому не придется дрожать отъ холода, когда рядомъ стоятъ мѣховые магазины. Пусть все принадлежитъ всѣмъ, какъ въ принципѣ, такъ и въ дѣйствительности, и пусть, наконецъ, въ исторіи произойдетъ хоть одна революція, которая позаботится о *нуждахъ* народа, прежде чѣмъ отчитывать ему проповѣдь о его *обязанностяхъ*.

Но указами этого сдѣлать нельзя. Добиться этого можно только, если народъ на дѣлѣ, непосредственно, завладѣетъ всѣмъ, что нужно для жизни; это единственный, дѣйствительно-*научный* способъ дѣйствія, и единственно понятный народной массѣ и для нея желательный.

Нужно завладѣть, во имя возставшаго народа, хлѣбными складами, магазинами платья, жилыми домами. Ничего не надо тратить зря, а тотчасъ же слѣдуетъ организоваться такъ, чтобы пополнять то, что будетъ израсходовано. Словомъ, прежде всего сдѣлать все возможное, чтобы удовлетворить всѣ потребности, и сейчасъ же начать производство, но уже не ради барышей кому бы то ни было, а для того, чтобы обезпечить жизнь и дальнѣйшее развитіе всего общества.

Не нужно намъ больше этихъ двусмысленныхъ фразъ, въ родѣ „права на трудъ“, которыми заманивали народъ въ 1848 году и хотятъ заманивать еще и теперь. Пора быть посмѣлѣе и прямо зая-

вить, что довольство для всѣхъ, сдѣлавшееся въ наше время возможнымъ, *должно* осуществиться во что бы то ни стало.

Когда въ 1848 году рабочіе требовали права на трудъ, правительство устраивало національныя мастерскія и заставляло людей работать въ этихъ мастерскихъ за два франка въ день! Когда они требовали организаціи труда, имъ отвѣчали: „Подождите, друзья мои, правительство займется этимъ, а пока — вотъ вамъ два франка. Отдохни, суровый рабочій, трудившійся всю свою жизнь!“ А пока, прицѣливали пушки, собирали отовсюду войска и дезорганизовывали самихъ рабочихъ тысячами средствъ, которыя буржуа знаютъ очень хорошо. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день имъ заявили: „отправляйтесь колонизовать Африку или мы васъ разстрѣляемъ!“

Совсѣмъ иной результатъ получится, если рабочіе будутъ требовать *права на довольство.* Они заявятъ тѣмъ самымъ о своемъ правѣ завладѣть всѣмъ общественнымъ богатствомъ, завладѣть домами и расположиться тамъ сообразно потребностямъ каждой семьи, захватить накопленные съѣстные припасы и распорядиться ими такъ, чтобы послѣ слишкомъ долгаго голоданія узнать, наконецъ, довольство. Они заявятъ такимъ образомъ о своемъ правѣ на всѣ богатства — продуктъ труда прошлыхъ и настоящихъ поколѣній, и распорядятся ими такъ, чтобы познакомиться, наконецъ, съ высшими наслажденіями искусства и науки, слишкомъ долго бывшими достояніемъ однихъ буржуа.

И заявляя о своемъ правѣ на довольство, они — и это еще важнѣе — провозгласятъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое право рѣшать, что должно представлять собою это довольство, какіе продукты нужно производить для его обезпеченія и что можно оставить, какъ потерявшее всякую цѣну.

Право на довольство, это — возможность жить

по-человѣчески и воспитывать дѣтей такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ равныхъ членовъ общества, стоящаго болѣе высоко, чѣмъ наше; тогда какъ право на трудъ, это — право оставаться всегда наемнымъ рабомъ, управляемымъ и эксплуатируемымъ завтрашнимъ буржуа. Право на довольство, это— соціальная революція; право на трудъ, это, самое большее — промышленная каторга.

Уже давно пора рабочему провозгласить, наконецъ, свое право на общее наслѣдіе и завладѣть этимъ наслѣдіемъ.

Анархическій коммунизмъ.

Всякое общество, покончившее съ частной собственностью, должно будетъ, по нашему мнѣнію, организоваться на началахъ анархическаго коммунизма. Анархизмъ неизбѣжно ведетъ къ коммунизму, а коммунизмъ — къ анархизму, причемъ и тотъ, и другой представляютъ собою не что иное, какъ выраженіе одного и того же стремленія, преобладающаго въ современныхъ обществахъ — стремленія къ равенству.

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращиваемый ею хлѣбъ и выдѣлываемую дома шерстяную одежду плодами своего личнаго труда. Правда, даже и тогда такой взглядъ былъ не совсѣмъ вѣренъ: уже тогда существовали мосты и дороги, устроенные сообща, были луга, осушенные общими силами, общинныя пастбища и загороди, поддерживавшіяся общими усиліями. Всякое усовершенствованіе въ ткацкомъ станкѣ или въ способѣ окраски холста шло на пользу всѣмъ; и крестьянская семья не могла существовать иначе какъ при условіи, что ей, не въ томъ, такъ въ другомъ, будетъ оказана мірская поддержка.

Но въ настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою въ промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всѣхъ остальныхъ, — искать долю каждаго въ современномъ производствѣ оказывается совер-

шенно невозможнымъ. Если обработка волокнистыхъ веществъ и ковка металловъ достигли въ образованныхъ странахъ такого удивительнаго совершенства, то онѣ обязаны этимъ одновременному развитію тысячи другихъ, крупныхъ и мелкихъ отраслей промышленности, распространенію желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, навыку и ловкости, пріобрѣтеннымъ милліонами рабочихъ, извѣстному общему уровню развитія всего рабочаго класса и, наконецъ, вообще всѣмъ работамъ, которыя производятся на всемъ земномъ шарѣ.

Итальянцы, умиравшіе отъ холеры при прорытіи Суэзскаго канала или отъ деревенѣлости сочлененій въ Сенъ-Готардскомъ тунелѣ; американцы, погибавшіе отъ пушечныхъ ядеръ въ войнѣ за отмѣну рабства, сдѣлали для развитія хлопчатобумажной промышленности въ Россіи, въ Европѣ и въ Америкѣ не меньше, чѣмъ тѣ дѣвушки и дѣти, которыя чахнутъ на манчестерскихъ или московскихъ фабрикахъ, или тотъ инженеръ, который — большею частью на основаніи догадки кого-нибудь изъ рабочихъ — вноситъ улучшенія въ ткацкіе станки.

Какимъ образомъ опредѣлить, при такихъ условіяхъ, часть, приходящуюся на долю каждаго, въ тѣхъ богатствахъ, созданію которыхъ содѣйствуемъ мы всѣ?

Становясь на эту обобщающую точку зрѣнія, мы не можемъ поэтому согласиться съ коллективистами и не можемъ признать, чтобы вознагражденіе, пропорціональное числу часовъ, употребленныхъ каждымъ на производство этихъ богатствъ, представляло собою идеалъ, или хотя бы даже шагъ впередъ по направленію къ идеалу. Не входя здѣсь въ обсужденіе того, дѣйствительно ли мѣновая цѣнность товаровъ измѣряется въ современномъ обществѣ количествомъ необходимаго для ихъ производства труда, какъ утверждали Адамъ Смитъ и Рикардо, а за ними и Марксъ (мы вернемся къ

этому впослѣдствіи), замѣтимъ только, что въ такомъ обществѣ, гдѣ орудія производства считаются общею собственностью, идеалъ коллективистовъ уже окажется неосуществимымъ. Разъ только общество приметъ за основаніе принципъ общественнаго владѣнія, ему неизбѣжно придется отказаться и отъ всякой формы наемнаго труда.

Мы твердо убѣждены въ томъ, что смягченный индивидуализмъ коллективистовъ не сможетъ удержаться рядомъ съ коммунизмомъ, хотя бы неполнымъ, но уже выраженнымъ въ общемъ владѣніи землею и орудіями производства. Новая форма владѣнія собственностью потребуетъ и новой формы распредѣленія того, что будетъ выработано на общей землѣ, общими орудіями труда. При новой формѣ производства невозможна старая форма потребленія, точно такъ же какъ при ней невозможны и старыя формы политической организаціи.

Наемный трудъ есть результатъ присвоенія земли и орудій производства нѣсколькими лицами. Онъ былъ необходимымъ условіемъ развитія капиталистическаго производства и долженъ умереть вмѣстѣ съ нимъ, даже если бы его попытались замаскировать подъ именемъ „рабочихъ чековъ". Общая собственность на орудія производства неизбѣжно приведетъ и къ пользованію сообща продуктами общаго труда.

Мы думаемъ, кромѣ того, не только что коммунизмъ желателенъ, но что современныя общества, основанныя на индивидуализмѣ, сами *неизбѣжно должны двигаться по направленію къ коммунизму.*

Развитіе индивидуализма въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ — т. е. усиливающееся стремленіе каждой отдѣльной личности обезпечить себя, помимо всѣхъ остальныхъ, — объясняется, главнымъ образомъ, стремленіемъ человѣка оградить себя отъ власти капитала и государства. Нѣкото-

рое время, большинство людей думали, а тѣ, кто служилъ выразителями мыслей большинства, проповѣдовали, что, обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможетъ вполнѣ освободиться и отъ государства, и отъ капитала. „Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купить все, что мнѣ нужно, въ томъ числѣ и свободу.“ Но оказалось, что тутъ крылась глубокая ошибка. Современная исторія заставляетъ каждаго признать, что деньгами ни свободы, ни даже личнаго, продолжительнаго и стойкаго обезпеченія нельзя купить; что безъ сотрудничества всѣхъ, отдѣльный человѣкъ безсиленъ, какъ бы ни были его сундуки полны золотомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ этимъ индивидуалистическимъ теченіемъ, мы находимъ во всей современной исторіи, съ одной стороны стремленіе удержать остатки древняго коммунизма, а съ другой — возстановить коммунистическія начала въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ общественной жизни.

Какъ только общинамъ десятаго, одиннадцатаго и двѣнадцатато вѣка удалось освободиться отъ власти свѣтскихъ или духовныхъ владѣтелей, въ нихъ тотчасъ же стали сильно развиваться начала общаго труда и общаго потребленія.

Городъ — именно городъ, а не частныя лица („Господинъ Великій Новгородъ“ въ Россіи) — снаряжалъ корабли и посылалъ караваны для торговли съ отдаленными странами, и барыши отъ торговли доставались не отдѣльнымъ купцамъ, а опять-таки всѣмъ — городу; городъ же покупалъ и нужные для жителей припасы. Слѣды этихъ учрежденій сохранились кое-гдѣ до самаго девятнадцатаго вѣка (до 1845 года), и вездѣ народъ свято сохраняетъ воспоминаніе о нихъ въ своихъ преданіяхъ.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще борется за сохраненіе послѣднихъ слѣдовъ

этого коммунизма, да и то удается ей только до тѣхъ поръ, пока государство не броситъ на чашку вѣсовъ свой тяжелый мечъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду возникаютъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ новыя организаціи, основанныя на томъ же принципѣ: *каждому по его потребностямъ*, потому что безъ извѣстной доли коммунизма современныя общества вовсе не могли бы существовать. Несмотря на узко-эгоистическій характеръ, который придаетъ умамъ людей нашего времени товарное производство, коммунистическое направленіе обнаруживается постоянно и проникаетъ въ наши отношенія во всевозможныхъ видахъ.

Не такъ давно еще, когда черезъ рѣку строили мостъ, то съ каждаго проѣзжаго и прохожаго взыскивали „мостовое"; теперь же мосты — общественная собственность, и каждый пользуется ими, сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платятъ столько-то съ версты, сохранилась только на Востокѣ. Музеи, общественныя библіотеки, даровыя школы, общіе обѣды для дѣтей, парки и сады, открытые для всѣхъ, доступныя для всѣхъ, вымощенныя и освѣщенныя улицы, проведенная въ дома вода (причемъ замѣтно стремленіе вовсе не считать въ точности, сколько ея расходуется въ каждомъ домѣ), все это учрежденія, основанныя на принципѣ: „берите сколько вамъ нужно."

Конки и желѣзныя дороги уже вводятъ мѣсячные и годовые билеты, сколько бы разъ въ году или каждый день вы не ѣздили взадъ и впередъ; а недавно въ цѣлой странѣ, въ Венгріи (а за нею и въ Россіи), ввели на желѣзныхъ дорогахъ зонный тарифъ, дающій возможность проѣхать за одну и ту же цѣну, какъ пятьсотъ, такъ и семьсотъ верстъ. Отъ этого недалеко и до установленія одной общей платы за проѣздъ въ такой то области, какъ въ почтовомъ тарифѣ. Во всѣхъ этихъ и во множе-

ствѣ другихъ учрежденій (гостиницы, пансіоны и т. дал.), господствующее направленіе состоитъ въ томъ, чтобы не измѣрять потребленія. Одному нужно проѣхать тысячу верстъ, другому только семьсотъ. Одинъ съѣдаетъ три фунта хлѣба, другой только два... Это — чисто личныя потребности, и нѣтъ никакого основанія заставлять перваго платить въ полтора раза болѣе, только потому, что его потребность въ полтора раза больше. И такое уравниваніе обнаруживается даже въ нашемъ индивидуалистическомъ обществѣ.

Кромѣ того, замѣчается стремленіе, хотя еще и слабое, поставить потребности личности выше оцѣнки услугъ, которыя она оказала или окажетъ когда-нибудь обществу. Общество разсматривается такимъ образомъ какъ цѣлое, каждая часть котораго такъ тѣсно связана со всѣми другими, что услуга, оказанная кому-нибудь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ — услуга, оказанная всѣмъ.

Когда вы приходите въ общественную библіотеку — только не въ парижскую, а напримѣръ въ лондонскую или берлинскую, — библіотекарь не спрашиваетъ васъ, прежде чѣмъ дать вамъ нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесятъ книгъ, какія услуги вы оказали обществу? Онъ просто даетъ вамъ книги, а въ случаѣ надобности даже поможетъ вамъ найти книгу въ каталогѣ, если вы не умѣете сдѣлать этого сами. Точно такъ же, за извѣстный вступительный взносъ — причемъ вкладъ въ видѣ труда нерѣдко даже предпочитается денежному взносу — научныя общества открываютъ вамъ свои музеи, сады, библіотеки, лабораторіи. ежегодныя празднества, — каждому члену безразлично, будь онъ Дарвинъ, или простой любитель.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, если вы работаете надъ какимъ-нибудь изобрѣтеніемъ, вы можете отправиться въ особую мастерскую, гдѣ вамъ отведутъ мѣсто, дадутъ столярный верстакъ или ста-

нокъ и всѣ необходимые инструменты, всѣ приборы, — лишь бы только вы умѣли ими владѣть, — и предоставятъ вамъ работать сколько хотите. — „Вотъ вамъ нужные инструменты, привлеките къ своему дѣлу друзей, если найдете нужнымъ, соединитесь съ товарищами другихъ ремеслъ — или работайте въ одиночку, если вамъ это больше нравится, — изобрѣтайте воздухоплавательный снарядъ, или не изобрѣтайте ровно ничего — это ваше дѣло. У васъ есть своя идея, и этого достаточно“.

Точно такъ же добровольцы, принадлежащіе къ обществу спасанія на водахъ, не спрашиваютъ объ ихъ званіи и заслугахъ у матросовъ тонущаго корабля; они пускаются въ море во время бури, рискуютъ свою жизнь среди разъяренныхъ волнъ и нерѣдко погибаютъ сами, ради спасенія людей, имъ совершенно неизвѣстныхъ. Да и къ чему имъ знать ихъ? „Въ нашихъ услугахъ нуждаются; тамъ находятся человѣческія существа, взывающія о помощи — этого достаточно: въ этомъ уже заключается ихъ право на спасеніе. Идемъ же спасать ихъ!“

Таково направленіе — истинно коммунистическое — проявляющееся повсюду, во всевозможныхъ формахъ, въ самой средѣ нашего общества, исповѣдующаго индивидуализмъ.

Но пусть завтра какое-нибудь бѣдствіе, напримѣръ осада города непріятелемъ, постигнетъ одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ — страшно эгоистичныхъ въ обыкновенное время, — и этотъ самый городъ рѣшитъ, что, прежде всего, нужно удовлетворить потребности дѣтей и стариковъ, не справляясь съ услугами, которыя они оказали, или окажутъ обществу; что нужно накормить прежде всего именно ихъ, и что нужно заботиться обо всѣхъ сражающихся, независимо отъ ума или храбрости, которые проявитъ тотъ или другой изъ нихъ; а затѣмъ тысячи женщинъ и мужчинъ бу-

дутъ наперерывъ проявлять свое самопожертвованіе въ уходѣ за раненными.

Итакъ, это стремленіе существуетъ. Оно становится все болѣе замѣтнымъ, по мѣрѣ того, какъ удовлетворяются наиболѣе настоятельныя потребности каждаго, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ производительная сила человѣчества; еще болѣе дѣлается оно замѣтнымъ всякій разъ, когда на мѣсто мелочныхъ заботъ нашей ежедневной жизни выступаетъ какая-нибудь общая идея.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что когда орудія производства перейдутъ въ собственность всѣхъ, — когда работа будетъ производиться сообща, а трудъ, который займетъ въ обществѣ принадлежащее ему по праву почетное мѣсто, будетъ давать гораздо больше продуктовъ, чѣмъ требуется, — что это стремленіе (сильное уже и теперь) расширитъ область своего приложенія и сдѣлается основнымъ началомъ общественной жизни?

Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, а такъ же и въ виду практическихъ соображеній относительно экспропріаціи, о которой будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, мы думаемъ, что какъ только революція сломитъ силу, поддерживающую современный порядокъ, нашею первою обязанностью будетъ немедленное осуществленіе коммунизма.

Но нашъ коммунизмъ не есть коммунизмъ фаланстера или коммунизмъ нѣмецкихъ теоретиковъ-государственниковъ. Это — коммунизмъ анархическій, коммунизмъ безъ правительства, коммунизмъ свободныхъ людей. Это синтезъ двухъ цѣлей, преслѣдовавшихся человѣчествомъ во всѣ времена — свободы экономической и свободы политической.

II

Принимая „анархію“ какъ идеалъ политической организаціи, мы опять-таки лишь формулируемъ другое очевидное стремленіе человѣчества. Всякій разъ, когда развитіе европейскихъ обществъ давало имъ возможность сбросить съ себя ярмо власти, общество такъ и дѣлало, и немедленно пыталось установить такую систему взаимныхъ отношеній, которая основывалась бы на началахъ личной свободы. И мы видимъ въ исторіи, что тѣ времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени, путемъ мѣстныхъ или общихъ возстаній, были вмѣстѣ съ тѣмъ временами неожиданно быстраго развитія хозяйственнаго и политическаго.

Мы видимъ это во времена независимыхъ городовъ, настолько двинувшихъ человѣчество впередъ, въ какіе-нибудь двѣсти или триста лѣтъ, въ наукахъ, искусствѣ, ремеслахъ, архитектурѣ, что раньше того времени, за пять, десять вѣковъ не совершалось такого прогресса; видимъ на крестьянскомъ возстаніи, совершившемъ Реформацію и грозившемъ уничтожить папскую власть, на свободномъ (въ теченіе нѣкотораго времени) обществѣ, создавшемся по ту сторону атлантическаго океана, въ Америкѣ, недовольными элементами старой Европы.

И если мы присмотримся къ современному развитію образованныхъ народовъ, то мы ясно увидимъ, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе растетъ движеніе съ цѣлью ограничить область дѣйствія правительства и предоставить личности все бо̀льшую и бо̀льшую свободу. Въ этомъ именно направленіи совершается современное развитіе, хотя ему и мѣшаетъ весь хламъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, учрежденій и предразсудковъ. Какъ всякая эволюція, она только ждетъ революціи, чтобы разрушить сто-

ящія ей на пути ветхія постройки и свободно проявиться въ новомъ, возрожденномъ обществѣ.

Долго люди пытались разрѣшить неразрѣшимую задачу: „найти такое правительство, которое могло бы заставить личность повиноваться, причемъ само не выходило бы изъ повиновенія обществу“. Теперь же человѣчество старается освободиться вовсе отъ правительства и удовлетворять свои потребности путемъ свободнаго соглашенія между личностями и группами, стремящимися къ одной цѣли. Независимость каждой территоріальной, земельной единицы, т. е. деревни, города, области, страны, становится настоятельною потребностью; взаимное соглашеніе замѣняетъ собою понемногу законодательство и направляетъ отдѣльные частные интересы къ одной общей цѣли, независимо отъ государственныхъ границъ,

Всѣ отправленія, которыя недавно еще считались исключительно принадлежностью государства. теперь оспариваются у него: безъ его вмѣшательства люди устраиваются легче и удобнѣе. И, разсматривая успѣхи, сдѣланные уже въ этомъ направленіи, мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что человѣчество стремится свести дѣятельность правительства къ нулю и уничтожить государство — это олицетвореніе несправедливости, притѣсненія и всевозможныхъ монополій въ рукахъ капиталистовъ.

Мы уже можемъ предвидѣть такое общество, въ которомъ личность, не связанная законами, будетъ руководиться исключительно привычками общественности, которая сама есть слѣдствіе испытываемой каждымъ изъ насъ потребности искать поддержки, сотрудничества и сочувствія у другихъ людей.

Представленіе объ обществѣ безъ государства вызоветъ, конечно, по меньшей мѣрѣ, столько же возраженій, какъ и представленіе о такомъ хозяйственномъ строѣ, въ которомъ отсутствуетъ част-

ный капиталъ. Мы всѣ выросли на цѣлой кучѣ предразсудковъ относительно государства, играющаго роль Провидѣнія въ отношеніяхъ людей между собою. Все наше воспитаніе, начиная съ преподаванія римскихъ преданій, извѣстныхъ подъ названіемъ римской исторіи, и кончая византійскими законами Юстиніана, которые изучаются подъ названіемъ римскаго права, а также всевозможными науками „о правѣ", преподаваемыми въ нашихъ университетахъ, — все пріучаетъ насъ вѣрить въ правительство и въ достоинства вездѣсущаго и всемогущаго государства.

Цѣлыя философскія системы были выработаны и стали предметомъ преподаванія, съ цѣлью поддержанія этого предразсудка. Съ тою же цѣлью были созданы различныя теоріи права. Вся политика основана на этомъ началѣ, и каждый политическій дѣятель, къ какой бы партіи онъ не принадлежалъ, всегда обращается къ народу со словами: „Дайте *мнѣ* въ руки власть, и я васъ избавлю отъ гнетущихъ васъ бѣдствій: я имѣю возможность это сдѣлать!"

Отъ колыбели до могилы, всѣ наши дѣйствія управляются этими же началами повиновенія государству и всемогущества правительствъ. Откройте любую книгу по общественной наукѣ (соціологіи), или по юриспруденціи, и вы увидите, что правительство, его организація и его дѣйствія всегда занимаютъ въ этихъ книгахъ такое важное мѣсто, что мы, учащіеся по нимъ, привыкаемъ думать, будто внѣ правительства и государственныхъ людей ничего не существуетъ.

То же самое повторяется на всѣ лады и въ газетахъ. Цѣлые столбцы посвящаются парламентскимъ преніямъ и политическимъ козням, въ то время какъ вся огромная ежедневная жизнь народа, идущая своимъ путемъ внѣ государственной рамки, едва затрогивается въ нѣсколькихъ стро-

кахъ, — и то только по поводу какого-нибудь экономическаго явленія, или по поводу какого-нибудь новаго закона, или же по случаю какого-нибудь происшествія, сообщеннаго полиціею. И когда вы читаете эти газеты, вы совершенно забываете думать о безчисленномъ множествѣ существъ — т. е., собственно говоря, обо всемъ человѣчествѣ, — которыя растутъ и умираютъ, страдаютъ, трудятся и потребляютъ, думаютъ и творятъ, помимо этихъ навязчивыхъ людей, которыхъ мы до того возвеличили, что ихъ тѣнь, разросшаяся благодаря нашему невѣжеству, заслонила собою все человѣчество.

А между тѣмъ, какъ только мы перейдемъ отъ печатной бумаги къ самой жизни, какъ только мы взглянемъ на окружающее насъ общество, мы будемъ поражены тѣмъ, что правительство играетъ такую незначительную роль. Еще Бальзакъ замѣтилъ, что милліоны крестьянъ живутъ всю свою жизнь, не зная относительно государства ничего, кромѣ того, что они вынуждены платить ему большіе налоги. Милліоны торговыхъ и всякихъ другихъ сдѣлокъ совершаются ежедневно безъ всякаго вмѣшательства правительства, и самыя крупныя изъ нихъ — коммерческія и биржевыя сдѣлки — заключаются такъ неформально, что правительство и не могло бы вмѣшаться въ нихъ, если бы одна изъ сторонъ возъимѣла намѣреніе не исполнить принятаго обязательства. Поговорите съ любымъ человѣкомъ, свѣдущимъ въ коммерческихъ дѣлахъ, и онъ вамъ скажетъ, что торговыя операціи, происходящія ежедневно между коммерсантами, были бы совершенно невозможны, если бы громадное большинство изъ нихъ не основывалось на взаимномъ довѣріи. Простая привычка держать слово, боязнь потерять кредитъ, оказываются болѣе чѣмъ достаточными для поддержанія той относительной честности, которая называется коммерческою честностью. Даже такіе люди, которые безъ всякаго

зазрѣнія совѣсти станутъ отравлять своихъ покупателей негоднымъ товаромъ, считаютъ долгомъ чести исполнять свои обязательства по отношенію къ другимъ купцамъ. Но если эта относительная честность могла развиться, даже при теперешнихъ условіяхъ, когда обогащеніе составляетъ единственный двигатель и единственную цѣль, то можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что ея развитіе пойдетъ несравненно быстрѣе, какъ только присвоеніе чужого труда перестанетъ служить основою общественной жизни?

Другой поразительный фактъ, очень характерный для современной жизни, еще краснорѣчивѣе говоритъ въ томъ же направленіи. Это — постоянное увеличеніе области предпріятій, основанныхъ на частномъ починѣ и необычайное развитіе свободныхъ союзовъ для всевозможныхъ цѣлей. Мы остановимся на этомъ подробнѣе въ главахъ, посвященныхъ *свободному соглашенію*; здѣсь же достаточно будетъ сказать, что этого рода факты такъ многочисленны и такъ обычны, что самою существенною чертою второй половины нашего вѣка слѣдуетъ признать развитіе вольныхъ союзовъ, хотя соціалистическіе и политическіе писатели не замѣчаютъ ихъ и предпочитаютъ постоянно говорить намъ о благодѣтельной роли правительства въ будущемъ.

Эти свободныя, до безконечности разнообразныя организаціи, представляютъ собою настолько естественное явленіе; онѣ растутъ такъ быстро, группируются такъ легко и составляютъ такой неизбѣжный результатъ постояннаго возрастанія потребностей образованнаго человѣка; и наконецъ, онѣ такъ легко и выгодно замѣняютъ собою правительственное вмѣшательство, что мы неизбѣжно должны признать въ нихъ явленіе, котораго значеніе въ жизни обществъ неизбѣжно должно расти съ каждымъ годомъ.

Если такіе вольные союзы еще не распространились на всѣ общественныя и жизненныя явленія, то это зависитъ только отъ того, что они встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ бѣдности рабочихъ, въ дѣленіи современнаго общества на касты, въ частной собственности — и въ особенности — въ государствѣ. Уничтожьте эти препятствія и вы увидите, что они быстро покроютъ все необозримое поле дѣятельности образованныхъ людей.

Исторія послѣдняго пятидесятилѣтія служитъ также живымъ доказательствомъ того, что никакое конституціонное правительство не способно къ исполненію тѣхъ отправленій, которыя государство захватило въ свои руки. На девятнадцатый вѣкъ будутъ когда-нибудь указывать, какъ на эпоху крушенія парламентаризма.

Это безсиліе такъ очевидно для всѣхъ, ошибки парламентаризма и прирожденные недостатки такъназываемаго представительнаго правленія настолько бросаются въ глаза, что тѣ немногіе мыслители, которые занялись критикою этой формы правленія (Дж. Ст. Милль, Лавердэ), были лишь выразителями общаго недовольства. Не нелѣпо ли, въ самомъ дѣлѣ, избрать нѣсколькихъ человѣкъ и сказать имъ: „Пишите для насъ законы относительно всѣхъ проявленій нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете объ этихъ проявленіяхъ"? Люди начинаютъ понимать, что такъ называемое „правленіе большинства" на дѣлѣ значитъ — отдать всѣ дѣла страны въ руки тѣхъ немногихъ, которыми составляется большинство во всякой Палатѣ, — т. е. въ руки „болотныхъ жабъ", какъ ихъ называли во время французской революціи, или людей, которые не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, а пристаютъ то къ „правой" то къ „лѣвой" партіи, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ и съ кого можно больше сорвать. Конституціонное правленіе конечно было шагомъ впередъ противъ

неограниченнаго правленія дворцовыхъ партій, но человѣчество не можетъ закиснуть на немъ: оно ищетъ уже новыхъ выходовъ — и находитъ ихъ.

Всемірный почтовый союзъ, общества желѣзныхъ дорогъ, различныя ученыя общества представляютъ собою примѣры предпріятій, основанныхъ на свободномъ соглашеніи, замѣнившемъ собою законъ.

Въ настоящее время, когда какія-нибудь группы, разсѣянныя въ различныхъ концахъ земного шара, хотятъ организоваться съ какою-нибудь цѣлью, они уже не выбираютъ интернаціональнаго парламента изъ „пригодныхъ на всякое дѣло депутатовъ“ и не говорятъ имъ: „Дайте намъ законъ и мы будемъ вамъ повиноваться.“ Если нѣтъ возможности сговориться прямо, или при помощи переписки, онѣ посылаютъ на конгрессъ людей, спеціально изучившихъ данный вопросъ, которымъ говорятъ: „Постарайтесь сговориться относительно того-то и того-то и возвращайтесь къ намъ — не съ готовыми законами въ карманѣ — они намъ не нужны, — а съ *проектомъ соглашенія*, которое мы можемъ принять, но можемъ и не принять.“

Такъ дѣлаютъ, между прочимъ, вотъ уже полъ вѣка, англійскіе рабочіе союзы. Они ничего не привозятъ со своихъ съѣздовъ, кромѣ *предложеній*, которыя разсматриваются каждымъ союзомъ порознь и либо принимаются имъ, либо отвергаются. Точно такъ же поступаютъ и крупныя промышленныя компаніи, ученыя общества и всевозможные союзы, покрывающіе цѣлою сѣтью Европу и Соединенные Штаты. Такъ же станетъ поступать и общество, освободившееся отъ государственной власти. Чтобы отнять землю, фабрики и заводы у тѣхъ, кто ими владѣетъ теперь, парламенты окажутся совершенно негодными. Покуда общество было основано на крѣпостномъ правѣ, оно могло мириться съ неограниченной монархіей; а когда оно основалось на наемномъ трудѣ и эксплуатаціи массъ капита-

листами, оно нашло лучшій оплотъ эксплуатаціи въ парламентаризмѣ. Но общество свободное, взявшее въ свои руки общее наслѣдіе, — землю, фабрики, капиталы — должно будетъ искать новой политической организаціи, соотвѣтствующей новой хозяйственной жизни — организаціи, основанной на свободномъ союзѣ и вольной федераціи.

Каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни.

Экспропріація.

Разсказываютъ, что въ 1848 году, когда революція заставляла Ротшильда дрожать за свое состояніе, онъ выдумалъ слѣдующую штуку. — „Хорошо, сказалъ онъ, допустимъ, что мое богатство нажито на счетъ другихъ. Но если его раздѣлить поровну между всѣми жителями Европы, то на каждаго придется не больше одного пяти-франковика (двухъ рублей). Чтожъ, я согласенъ выдать каждому его пятифранковикъ, если онъ его потребуетъ.“

Объявивши это и распубликовавши свои слова, богачъ сталъ спокойно разгуливать по улицамъ Франкфурта. Раза три или четыре къ нему подходили люди и просили вернуть имъ ихъ пятифранковики, что̀ онъ и дѣлалъ, съ дьявольски-насмѣшливой улыбкой. Фокусъ, такимъ образомъ, удался, и потомство милліонера продолжаетъ до сихъ поръ владѣть своими милліонами.

Почти такъ же разсуждаютъ и тѣ буржуазные мудрецы, которые говорятъ намъ: „А, экспропріація! Понимаю! Это значитъ, взять у каждаго пальто, сложить ихъ всѣ въ кучу, а затѣмъ пусть каждый беретъ себѣ пальто изъ кучи и дерется за самое лучшее со всѣми остальными!“ Но въ дѣйствительности, эта болтовня — не болѣе, какъ глупая шутка.

Мы вовсе не хотимъ складывать въ кучу всѣ пальто, чтобы потомъ распредѣлять ихъ (хотя

даже и при такой системѣ тѣ, которые дрожатъ теперь отъ холода безъ одежды, — все-таки остались бы въ выигрышѣ). Точно такъ же мы вовсе не хотимъ и дѣлить деньги Ротшильда. Мы хотимъ устроить такъ, чтобы каждому родящемуся на свѣтъ человѣческому существу было обезпечено, во-первыхъ, то что оно выучится какому-нибудь производительному труду и пріобрѣтетъ въ немъ навыкъ, а во-вторыхъ, то что оно сможетъ заниматься этимъ трудомъ, не спрашивая на то разрѣшенія у какого-нибудь собственника или хозяина, и не отдавая львиной доли всего своего труда людямъ, захватившимъ въ свои руки землю и машины.

Что же касается до различныхъ богатствъ, находящихся во владѣніи Ротшильдовъ или Ванлербильтовъ, то они только помогутъ намъ лучше организовать наше производство сообща.

Когда крестьянинъ сможетъ пахать землю, не отдавая царю и помѣщику половину жатвы, когда всѣ машины, нужныя для того, чтобы вспахать и удобрить землю будутъ въ изобиліи, въ распоряженіи самого пахаря; когда фабричный рабочій будетъ производить для общества, а не для тѣхъ, кто пользуется его бѣдностью, — тогда рабочіе перестанутъ ходить впроголодь, въ лохмотьяхъ; и ни Ротшильдовъ, ни другихъ эксплуататоровъ больше не будетъ. Разъ никто не будетъ вынужденъ продавать свою рабочую силу за такую плату, которая представляетъ лишь часть того, что онъ выработалъ, — тогда и Ротшильдамъ неоткуда взяться.

— „Ну, хорошо,“ — скажутъ намъ. „Но вѣдь къ вамъ могутъ явиться Ротшильды извнѣ. Можете ли вы помѣшать человѣку нажить милліоны гдѣ-нибудь въ Китаѣ, а затѣмъ пріѣхать и поселиться у васъ? Можете ли вы помѣшать ему окружить себя наемными слугами и рабочими, эксплуатировать ихъ и обогащаться на ихъ счетъ?

„Не можете же вы произвести революцію на всемъ земномъ шарѣ въ одно время. Что же тогда? Ужъ не станете ли вы устраивать пограничныя таможни и обыскивать пріѣзжающихъ, чтобъ конфисковать ввозимыя ими деньги? Жандармы-анархисты, стрѣляющіе по путешественникамъ — вотъ будетъ любопытное зрѣлище!“

Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ одна крупная ошибка: люди не задаются вопросомъ о томъ, откуда происходитъ состояніе богачей? А между тѣмъ, стоитъ только немного подумать, чтобы увидать, что богатство однихъ зависитъ исключительно отъ бѣдности другихъ. Тамъ, гдѣ не будетъ бѣдныхъ, не будетъ и эксплуатирующихъ ихъ богачей. Только изъ нищеты народа и создаются богатства.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, средніе вѣка, въ ту пору, когда начали зарождаться крупныя состоянія. Какой-нибудь феодальный баронъ (а въ Россіи — бояринъ или князь) захватывалъ тогда цѣлую плодородную, незаселенную область. Но пока эта земля не была заселена, онъ совсѣмъ не былъ богатъ; земля ничего ему не приносила и имѣла для него не больше цѣны, чѣмъ какія-нибудь помѣстья на лунѣ. — Что же дѣлалъ нашъ баронъ, чтобъ обогатиться? — Онъ искалъ крестьянъ, бѣдноту.

Но если бы у каждаго крестьянина былъ клочекъ земли, не обложенный никакими податями, если бы у него были, кромѣ того, нужныя орудія и скотъ, то кто же пошелъ бы работать на земли барона? Каждый несомнѣнно остался бы работать у себя, и баронъ оставался бы ни причемъ. Но въ дѣйствительности, баронъ находилъ цѣлыя селенія бѣдняковъ, раззоренныхъ войнами, засухами, чумой, падежами, не имѣвшихъ ни лошади, ни плуга (желѣзо въ средніе вѣка было дорого, дороги были и рабочія лошади).

Вездѣ были такіе бѣдняки, искавшіе возможности

устроиться гдѣ-нибудь получше и бродившіе ради этого по дорогамъ. И вотъ они видѣли гдѣ-нибудь на перекресткѣ, на границѣ владѣній нашего барона, столбъ, на которомъ обозначено было различными крестами и другими понятными для нихъ знаками, что крестьянинъ, который поселится на этой землѣ, получитъ, кромѣ земли, соху, лѣсъ для избы, лошадь и сѣмена, никому ничего не платя столько-то лѣтъ. Число этихъ годовъ, скажемъ девять лѣтъ — и бывало отмѣчено на столбѣ девятью крестами, и крестьянинъ хорошо понималъ, что̀ значатъ эти кресты.

И вотъ бѣднота шла селиться на земляхъ барона. Они прокладывали дороги, осушали болота, строили деревни, обзаводились скотомъ и сперва никакихъ податей не платили. Затѣмъ, черезъ девять лѣтъ, баронъ заставлялъ ихъ заключить съ нимъ арендный договоръ, а еще черезъ пять — заставлялъ платить себѣ оброкъ потяжеле, а тамъ опять увеличивалъ его, покуда у крестьянъ хватало силъ платить; и крестьянинъ соглашался на новыя условія, потому что лучшихъ онъ не могъ найти нигдѣ. И вотъ мало по малу, особенно при содѣйствіи законовъ, которые писались баронами, нищета крестьянина становилась источникомъ обогащенія помѣщика, и не одного только помѣщика, а еще и цѣлаго роя ростовщиковъ, которые набрасывались на деревню и все болѣе плодились по мѣрѣ того, какъ крестьянину становилось тяжелѣе платить. А тамъ, глядишь, крестьянинъ становился и крѣпостнымъ барона, и уже никуда не смѣлъ уйти съ земли.

Такъ было въ Средніе вѣка. Но не происходитъ ли то же самое и теперь? Если бы были свободныя земли, которыя крестьянинъ могъ бы свободно обрабатывать, развѣ онъ сталъ бы платить барину по сто рублей за десятину въ вѣчность? Развѣ онъ сталъ бы платить непосильную арендную плату, отнимающую у него треть, а не то и больше

всей его жатвы? Развѣ онъ согласился бы сдѣлаться половникомъ, т. е. отдавать собственнику половину своего урожая?

Но у него ничего нѣтъ,—а потому онъ и соглашается на все, лишь бы ему позволили кормиться съ земли, и своимъ потомъ и кровью онъ обогащаетъ помѣщика. Изъ мужичьей бѣдности — изъ нищеты — растутъ княжескіе, графскіе и купеческіе капиталы, въ нашемъ двадцатомъ вѣкѣ, точно также, какъ и въ Средніе Вѣка.

II

Помѣщикъ богатѣетъ отъ мужичьей бѣдности; и точно также, отъ чужой бѣдности богатѣетъ хозяинъ фабрики и завода.

Вотъ, напримѣръ, буржуй, который тѣмъ или инымъ путемъ оказался обладателемъ суммы въ двѣсти тысячъ рублей. Онъ можетъ, конечно, проживать ихъ по двадцати тысячъ въ годъ, что при нынѣшней безумной роскоши, въ сущности не особенно много. Но тогда, черезъ десять лѣтъ у него ничего не останется. Поэтому, въ качествѣ человѣка „практическаго", онъ предпочитаетъ сохранить свой капиталъ въ цѣлости и, кромѣ того, создать себѣ порядочный ежегодный доходецъ.

Добиться этого, въ нашемъ теперешнемъ обществѣ — очень просто, именно потому, что города и деревни кишатъ рабочимъ людомъ, которому не на что прожить даже одного мѣсяца, даже и недѣли. И вотъ нашъ буржуа находитъ подходящаго инжинера и строитъ заводъ. Банкиры охотно даютъ ему взаймы еще двѣсти тысячъ рублей — особенно если онъ пользуется репутаціей продувного человѣка, — и съ помощью этого капитала онъ уже получаетъ возможность заставить работать на себя, ну хоть четыреста рабочихъ.

Но если бы кругомъ его, въ каждомъ городѣ и деревнѣ люди имѣли обезпеченное существованіе,

— кто-же пошелъ бы работать къ нашему буржуа? Никто не согласился бы работать на него за рубль въ день, когда всякій знаетъ, что если продать товаръ, сработанный въ одинъ день, за него можно получить три или даже пять рублей. Къ несчастью, какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, бѣдные кварталы городовъ и сосѣднія деревни полны голодающихъ семей, и не успѣетъ заводъ отстроиться, какъ рабочіе уже сбѣгаются со всѣхъ сторонъ. „Прими насъ, батюшка, Христа ради; ужъ мы рады на тебя стараться, а намъ лишь бы подати заплатить да ребятишекъ прокормить.“ Ихъ было нужно, можетъ быть, триста, а явилась цѣлая тысяча. И, какъ только заводъ начнетъ работать, хозяинъ — если онъ только не совершенный дуракъ — будетъ получать съ каждаго работающаго у него рабочаго около двухъ или трехъ сотъ рублей ежегодно. У него составится, такимъ образомъ, порядочный доходецъ, и если онъ выбралъ выгодную отрасль производства, и обладаетъ при этомъ нѣкоторою ловкостью, то онъ будетъ расширять понемногу свой заводъ, удвоитъ число обираемыхъ имъ рабочихъ и еще увеличитъ свой доходъ.

Тогда онъ станетъ почтеннымъ лицомъ въ городѣ и сможетъ принимать у себя другихъ такихъ же почтенныхъ, чиновниковъ, а не то и губернатора; потомъ онъ постарается соединить свое состояніе съ другимъ большимъ состояніемъ, обвѣнчавшись съ богатою невѣстою, выхлопочетъ выгодныя мѣстишки для своихъ дѣтей, и, наконецъ, получитъ какой-нибудь заказъ отъ государства: ну, хоть поставку гнилыхъ сапогъ для войска или гнилой муки для мѣстной тюрьмы. Тутъ онъ уже совсѣмъ округлитъ свой капиталъ, а если на его счастье случится война, или пройдетъ просто слухъ о войнѣ, онъ уже не упуститъ случая: либо окажется подрядчикомъ, либо совершитъ какое-нибудь крупное биржевое мошенничество, и станетъ тузомъ.

Девять-десятыхъ тѣхъ коллосальныхъ богатствъ, которыя мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ (какъ показалъ Генри Джорджъ въ своей книгѣ „Соціальные Вопросы") какому-нибудь крупному мошенничеству, совершенному съ помощью государства. Въ Европѣ, во всѣхъ нашихъ монархіяхъ и республикахъ, девять-десятыхъ состояній имѣютъ то же происхожденіе: сдѣлаться милліонеромъ можно только такимъ путемъ.

Вся наука обогащенія сводится къ этому: найти бѣдняковъ, платить имъ треть или четверть того, что они смогутъ сработать и накопить такимъ образомъ состояніе; затѣмъ увеличить его посредствомъ какой-нибудь крупной операціи при помощи государства.

Стоитъ ли говорить послѣ этого о тѣхъ небольшихъ состояніяхъ, которыя экономисты приписываютъ „сбереженіямъ", тогда какъ въ дѣйствительности „сбереженія" сами по себѣ не приносятъ ничего, если только сбереженныя деньги не употребляются на эксплуатацію бѣдняковъ.

Вотъ, напримѣръ, сапожникъ. Допустимъ, что его трудъ хорошо оплачивается, что у него всегда есть выгодные заказы и что, цѣною ряда лишеній, ему удается откладывать по рублю въ день или двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Допустимъ, что ему никогда не случается болѣть, что, несмотря на свою страсть къ сбереженію, онъ хорошо питается, что онъ не женатъ, или что у него нѣтъ дѣтей, что онъ не умретъ въ концѣ концовъ отъ чахотки — допустимъ все, что вамъ угодно! Мечтать — такъ мечтать! И все-таки, къ пятидесяти годамъ онъ не накопитъ даже девяти тысячъ рублей, и съ этимъ запасомъ ему нечѣмъ будетъ прожить, когда онъ состарится и больше не сможетъ работать. Нѣтъ, большія состоянія, очевидно, наживаются не такъ.

Но представимъ себѣ другой случай. Какъ только нашъ сапожникъ накопитъ немного денегъ, онъ сейчасъ же снесетъ ихъ въ сберегательную кассу, которая дастъ ихъ взаймы какому-нибудь буржуа, — предпринимателю по эксплуатаціи бѣдняковъ. Затѣмъ, этотъ сапожникъ возьметъ себѣ ученика — сына какого-нибудь бѣдняка, который будетъ считать себя счастливымъ, если мальчикъ выучится черезъ пять лѣтъ ремеслу и сможетъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Ученикъ будетъ доставлять нашему сапожнику доходецъ и, если только у него будутъ заказы, онъ возьметъ еще и второго и третьяго ученика. Позднѣе онъ найметъ рабочихъ, — бѣдняковъ, которые будутъ очень рады получать рубль или полтинникъ въ день, за работу, которая стоитъ трехъ или четырехъ рублей. И если нашему сапожнику „повезетъ", т. е. если онъ окажется достаточно ловкимъ, его рабочіе и ученики будутъ доставлять ему около десяти рублей въ день дохода, помимо его собственнаго труда. Тогда онъ сможетъ расширить свое предпріятіе, начнетъ мало по малу обогащаться и не будетъ вынужденъ экономить на необходимой пищѣ. И, въ концѣ концовъ, онъ оставитъ своему сыну маленькое наслѣдство.

Вотъ что и называется „быть экономнымъ, сдѣлать сбереженія". Въ сущности все это значитъ просто — умѣть наживаться трудомъ тѣхъ, кому ѣсть нечего.

Торговля, на первый взглядъ, кажется исключеніемъ изъ этого правила. — „Вотъ напримѣръ", скажутъ намъ, „человѣкъ, который покупаетъ чай въ Китаѣ, привозитъ его во Францію и такимъ образомъ получаетъ тридцать процентовъ прибыли на свой капиталъ; онъ никого не эксплуатируетъ."

А между тѣмъ, въ сущности, и въ торговлѣ все то же. Если бы нашъ торговецъ переносилъ чай на

своей собственной спинѣ, тогда — другое дѣло! Въ былыя времена, въ началѣ Среднихъ Вѣковъ торговля именно такъ и велась. Поэтому такихъ чудовищныхъ состояній, какъ въ наше время, и нельзя было нажить: послѣ труднаго и опаснаго путешествія, купцу едва-едва удавалось отложить небольшой барышъ. Люди занимались торговлей не столько ради барыша, сколько ради любви къ путешествіямъ и къ приключеніямъ.

Теперь же дѣло происходитъ гораздо проще. Купецъ, обладающій капиталомъ, можетъ обогащаться, не трогаясь съ мѣста. Онъ поручаетъ по телеграфу коммиссіонеру купить сто тоннъ чая, зафрахтовываетъ корабль и черезъ нѣсколько недѣль — или черезъ три мѣсяца, если путешествіе совершается на парусномъ суднѣ — корабль привозитъ ему его товаръ. Онъ не рискуетъ даже возможными приключеніями въ путешествіи; такъ какъ и товаръ его и корабль застрахованы. Если онъ затратилъ пятьдесятъ тысячъ рублей, онъ получитъ теперь шестьдесятъ и, повторяя тѣ-же операціи раза три въ годъ, будетъ жить себѣ бариномъ. Рискъ, опасность будетъ только тогда, когда онъ захочетъ спекулировать на какомъ-нибудь новомъ товарѣ: тогда онъ можетъ или сразу удвоить свое состояніе или разомъ все потерять.

Но спрашивается, гдѣ же онъ нашелъ людей, которые за ничтожный матросскій заработокъ рѣшились пуститься въ плаваніе, совершить путешествіе въ Китай и обратно, рѣшились столько работать, утомляться, рисковать жизнью? Какъ могъ онъ найти въ докахъ разгрузчиковъ и нагрузчиковъ, которые работали на него, какъ волы, и которымъ онъ платилъ ровно столько, сколько нужно было, чтобы они не умерли съ голоду? Какъ это все ему удалось? Отвѣтъ простъ. — Только благодаря тому, что бѣдноты вездѣ не оберешься! Пойдите въ любую гавань, обойдите тамъ кабаки, посмо-

трите на босяковъ, которые приходятъ туда наниматься и дерутся у воротъ лондонскихъ доковъ, осаждая ихъ съ ранняго утра, чтобы только получить возможность работать на корабляхъ. Посмотрите на этихъ моряковъ, которые радуются, когда послѣ цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ ожиданія имъ удается наняться въ дальнее плаваніе! Всю свою жизнь они провели, переходя съ одного корабля на другой, и будутъ путешествовать еще на многихъ корабляхъ, пока, наконецъ, не погибнутъ гдѣ-нибудь въ морѣ.

Войдите въ ихъ хижины, посмотрите на ихъ женъ и дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, живущихъ неизвѣстно какъ, въ ожиданіи возвращенія отца — и вы узнаете, какъ и почему богатѣетъ купецъ.

Возьмите примѣры откуда хотите и сколько хотите; подумайте сами надъ происхожденіемъ всѣхъ состояній, крупныхъ и мелкихъ, — чему бы они ни были обязаны своимъ происхожденіемъ: торговлѣ, банковымъ операціямъ, промышленности или владѣнію землею — и вы увидите, что повсюду богатство однихъ основывается на бѣдности другихъ. А разъ оно такъ, то анархическому обществу нечего будетъ бояться неизвѣстнаго Ротшильда, который явился бы вдругъ и поселился въ его средѣ. Если каждый членъ общества будетъ знать, что послѣ нѣсколькихъ часовъ производительнаго труда, онъ будетъ имѣть право пользоваться всѣми наслажденіями, доставляемыми цивилизаціей, всѣми удовольствіями, которыя даетъ человѣку наука и искусство, онъ не станетъ продавать за ничтожную плату свою рабочую силу. Для обогащенія такого Ротшильда не найдется нужной бѣдноты. Его деньги будутъ не больше какъ куски металла, пригодные для разныхъ подѣлокъ, но плодиться и рожать новые золотые и серебрянные кружки, они больше не смогутъ.

* *
*

Этотъ отвѣтъ на возраженіе опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы экспропріаціи. Экспропріировать, — взять назадъ въ руки общества — нужно *все то*, что даетъ возможность кому бы то ни было — банкиру, промышленнику или землевладѣльцу — присвоивать себѣ чужой трудъ. Оно просто и понятно.

Мы вовсе не хотимъ отнимать у каждаго его пальто, но мы хотимъ отдать въ руки рабочихъ *все*, — рѣшительно все, что даетъ возможность кому бы то ни было ихъ эксплуатировать. И мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы никто не нуждался ни въ чемъ и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было *ни одного* человѣка, который былъ бы *вынужденъ* продавать свою рабочую силу, чтобы обезпечить существованіе свое и своихъ дѣтей.

Вотъ что мы понимаемъ подъ экспропріаціей и вотъ какъ мы смотримъ на наши обязанности во время революціи — революціи, до которой мы надѣемся дожить, не черезъ сто лѣтъ, а въ *недалекомъ* будущемъ.

III

Анархическія идеи вообще и идея экспропріаціи въ частности встрѣчаютъ среди людей независимыхъ и среди людей, которые не считаютъ праздность высшею цѣлью жизни, гораздо больше сочувствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. „Но берегитесь,“ часто говорятъ намъ такіе друзья; „не заходите слишкомъ далеко; человѣчество не мѣняется въ одинъ день, и не слѣдуетъ слишкомъ торопиться съ вашими планами экспропріаціи и анархіи. Вы рискуете такимъ образомъ не добиться никакихъ прочныхъ результатовъ.“

По отношенію къ экспропріаціи, если мы чего боимся, то уже во всякомъ случаѣ не того, чтобы — люди зашли слишкомъ далеко. Мы боимся наоборотъ, что экспропріація произойдетъ въ слиш-

комъ незначительныхъ размѣрахъ для того, чтобы быть прочною; что революціонный порывъ остановится на полъ-дорогѣ, что онъ размѣняется на мелочи, на полумѣры. Полумѣры же никого не удовлетворятъ, а только произведутъ въ обществѣ очень сильное потрясеніе и нарушатъ его обычное теченіе, но окажутся, въ сущности, мертворожденными, какъ всѣ полумѣры, и, не вызвавъ ничего кромѣ всеобщаго недовольства, приведутъ неизбѣжно къ торжеству реакціи.

Дѣло въ томъ, что въ нашемъ обществѣ существуютъ извѣстныя установившіяся отношенія, которыя совершенно невозможно измѣнять по частямъ. Всѣ части того механизма, который представляетъ собою наше хозяйственное устройство, такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно дотронуться до одной изъ нихъ, не затронувъ вмѣстѣ съ тѣмъ всего остальнаго. Въ этомъ убѣдятся революціонеры при первой же попыткѣ экспропріировать что бы то ни было.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности происходитъ такая частичная, ограниченная экспропріація; что экспропріируютъ, напримѣръ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, не касаясь фабрикъ — какъ предлагалъ нѣкогда Генри Джорджъ; или представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь городѣ экспропріируютъ дома, не обращая въ то же время въ общую собственность съѣстныхъ припасовъ; или же, что въ какой-нибудь мѣстности экспропріируютъ фабрики, не трогая крупной поземельной собственности. Результатъ будетъ всегда одинъ и тотъ же: огромное потрясеніе во всей хозяйственной жизни, при отсутствіи возможности перестроить эту хозяйственную жизнь на новыхъ началахъ; пріостановка въ промышленности и обмѣнѣ, безъ возвращенія къ принципамъ справедливости; невозможность для общества возстановить гармонію цѣлаго.

Если крестьянинъ освободится отъ барина, а въ то же время промышленность не освободится отъ власти капиталиста, купца и банкира, то результата не получится никакого. Крестьянинъ страдаетъ въ настоящее время не только оттого, что ему приходится платить аренду собственнику земли, но и отъ всей совокупности современныхъ условій: отъ подати, которую съ него взимаетъ фабрикантъ, продающій ему за рубль заступъ, который стоитъ — сравнительно съ работой крестьянина — не больше полтинника; отъ налоговъ, которые взимаетъ съ него государство, существованіе котораго невозможно безъ цѣлой толпы чиновниковъ; страдаетъ онъ отъ издержекъ на содержаніе войска, которое нужно государству потому, что капиталисты всѣхъ народовъ ведутъ между собою непрерывную войну за рынки, и что изъ-за права обирать ту или другую часть Азіи или Африки каждый день можетъ вспыхнуть война. Крестьянинъ страдаетъ въ Западной Европѣ отъ обезлюденія деревень, изъ которыхъ молодежь уходитъ въ большіе города, куда ее привлекаетъ временно болѣе высокая заработная плата, получаемая на производствѣ предметовъ роскоши, или же удовольствія болѣе живой жизни; онъ страдаетъ, кромѣ того, отъ искусственнаго поощренія промышленности, въ ущербъ сельскому хозяйству; отъ торговой эксплуатаціи другихъ странъ; отъ биржевыхъ спекуляцій, отъ трудности улучшить почву и усовершенствовать свои орудія и т. д. и т. д. Словомъ, земледѣліе страдаетъ не только отъ того что приходится платить аренду (постоянно повышаемую) за землю, но отъ всей совокупности условій существованія нашихъ обществъ, основанныхъ на эксплуатаціи. И если бы даже экспропріація дала возможность каждому обрабатывать землю и пользоваться ея плодами, не платя никому земельной ренты, земледѣліе, хотя и почувствовало бы нѣкоторое временное облегченіе,

но во всякомъ случаѣ, быстро бы вернулось назадъ къ тому же подавленному состоянію, въ какомъ находится теперь. Все пришлось бы начинать сначала, — только къ прежнимъ затрудненіямъ прибавились бы еще новыя.

То же самое и съ промышленностью. Попробуйте завтра передать фабрики въ руки рабочихъ, т. е. сдѣлайте то, что было сдѣлано для нѣкоторыхъ крестьянъ, ставшихъ собственниками земли; попробуйте уничтожить фабрикантовъ, но оставьте землю въ собственности помѣщиковъ, деньги въ собственности банкировъ, биржу — въ собственности торгашей. Сохраните, однимъ словомъ, всю массу тунеядцевъ, живущихъ на счетъ труда рабочаго, и всѣхъ существующихъ посредниковъ, живущихъ съ чужаго труда, а также — сохраните государство съ его безчисленными чиновниками — и вы увидите, что положеніе промышленности нисколько не улучшится. Не находя покупателей въ массѣ крестьянъ, оставшихся бѣдняками, не имѣя сырого матеріала и не обладая возможностью вывозить свои продукты — отчасти вслѣдствіе застоя въ торговлѣ, главное же благодаря тому, что промышленность распространяется повсюду — она неизбѣжно должна прозябать. Фабрики начнутъ закрываться, рабочіе окажутся выброшенными на улицу, и голодныя толпы ихъ будутъ готовы подчиниться первому встрѣчному политическому пройдохѣ, въ родѣ Наполеона III, или даже вернуться къ старому порядку, — лишь бы имъ обезпечили правильную плату за ихъ трудъ.

Или — попробуйте экспропріировать земельныхъ собственниковъ и передать фабрики въ руки рабочихъ, не касаясь при этомъ толпы посредниковъ, которые сбываютъ продукты нашихъ мануфактуръ и спекулируютъ въ крупныхъ городахъ на муку, на хлѣбъ, на мясо — на все! Обмѣнъ тогда пріостановится, продукты перестанутъ двигаться по

странѣ, Парижъ останется безъ хлѣба, а Ліонъ не будетъ находить сбыта для своего шелка — и реакція воцарится опять съ ужасающей силой, на трупахъ рабочихъ, опустошая картечью города и деревни, среди оргій, казней и ссылокъ, какъ это и было въ 1815-мъ, 1848-мъ и 1871-мъ годахъ.

Въ нашемъ обществѣ все такъ тѣсно связано между собою, что невозможно коснуться одной какой-нибудь отрасли хозяйства, безъ того чтобы это не отозвалось на всѣхъ остальныхъ. Какъ только частная собственность будетъ уничтожена въ одной какой-нибудь формѣ — поземельной или промышленной — ее нужно будетъ уничтожить и во всѣхъ остальныхъ. Самый успѣхъ революціи сдѣлаетъ это необходимымъ.

Впрочемъ, мы не могли бы ограничиться частичной экспропріаціей, даже если бы хотѣли этого. Какъ только самый *принципъ* „священной собственности" будетъ поколебленъ, никакіе теоретики не смогутъ помѣшать ея исчезновенію подъ ударами ея взбунтовавшихся рабовъ — земледѣльческихъ, промышленныхъ, желѣзно-дорожныхъ, торговыхъ. Если какой-нибудь большой городъ, напримѣръ Парижъ, возьметъ въ свою собственность дома или фабрики, то онъ, самою силою вещей будетъ вынужденъ отвергнуть и права банкировъ на взиманіе съ Парижа пятидесяти милліоновъ годового налога, въ видѣ процентовъ на прошлые займы. Точно также, вступивши въ сношенія съ земледѣльческими рабочими, ему придется побудить ихъ освободиться отъ поземельныхъ собственниковъ. Придется экспропріировать землю, хотя бы въ окрестностяхъ Парижа. Чтобы кормиться и работать, городу придется также экспропріировать желѣзныя дороги; и наконецъ, чтобы пищевые продукты не тратились зря, и чтобы не оставаться во власти спекуляторовъ на хлѣбъ — какъ это случилось съ коммуной 1793 года — самимъ гражданамъ Парижа при-

дется заняться устройствомъ запасныхъ магазиновъ и распредѣленіемъ хлѣба и всякой пищи.

* *
*

Нѣкоторые соціалисты, однако, попытались ввести еще одно различіе. — „Хорошо“, говорили они, „пусть экспропріируютъ землю, угольныя копи, фабрики и заводы. Это — орудія производства и они должны по справедливости разсматриваться какъ общая собственность. Но, кромѣ этого, существуютъ еще предметы потребленія: пища, одежда, жилище, которые должны остаться въ частной собственности.“

Народный здравый смыслъ быстро порѣшилъ съ этимъ слишкомъ тонкимъ различіемъ. Во первыхъ, мы не дикари и не можемъ жить въ лѣсу, въ убѣжищѣ изъ вѣтвей; для работающаго европейца нужна комната, нуженъ домъ, нужна кровать, нужна печка. Для того, кто ничего не производитъ, кровать, комната, домъ — это среда для бездѣлья. Но для человѣка работающаго, отопленная и освѣщенная комната является такимъ же средствомъ прозводства, какъ какой-нибудь инструментъ или машина. Это — мѣсто, гдѣ возстановляются его мускулы и нервы, которые онъ завтра будетъ тратить на работѣ. Отдыхъ производителя это — подготовленіе машины къ дѣйствію.

По отношенію же къ пищѣ, это еще очевиднѣе. Тѣмъ якобы-экономистамъ, о которыхъ мы говоримъ, никогда не приходило въ голову утверждать, что уголь, сгорающій въ машинѣ не входитъ въ число предметовъ, столь же необходимыхъ для производства, какъ и сырой хлопокъ или желѣзная руда. Почему же пища, безъ которой человѣческая машина не способна ни на малѣйшее усиліе, исключается изъ предметовъ необходимыхъ для производителя? Что это? Остатокъ религіозной метафизики?

Обильный и утонченный обѣдъ богача, конечно,

представляетъ собою потребленіе предметовъ роскоши. Но обѣдъ производителя есть такое же необходимое условіе производства, какъ и сжигаемый паровою машиною уголь.

То же самое и по отношенію къ одеждѣ. Если бы экономисты, устанавливающіе это различіе между орудіями производства и предметами потребленія, ходили въ костюмѣ новогвинейскихъ дикарей, тогда это было бы еще понятно. Но людямъ, которые сами не могутъ написать ни строчки, не надѣвши рубашки, совсѣмъ не пригоже устанавливать такое рѣзкое различіе между рубашкою и перомъ. И если богатые туалеты ихъ женъ дѣйствительно предметы роскоши, то тѣмъ не менѣе существуетъ извѣстное количество полотна, бумажной и шерстяной ткани, безъ которыхъ производитель не можетъ производить. Блуза и обувь, безъ которыхъ рабочему нельзя идти на работу, одежда, которую онъ одѣнетъ по окончаніи своего рабочаго дня, и фуражка, которая у него на головѣ, такъ же необходимы ему, какъ молотъ или наковальня.

Къ счастію, народъ понимаетъ революцію именно такъ. Какъ только ему удастся смести различныя правительства, онъ прежде всего постарается обезпечить себѣ здоровое помѣщеніе, достаточное питаніе и достаточную одежду, не платя никому за это никакой дани. И онъ будетъ правъ. Его способъ дѣйствія будетъ несомнѣнно болѣе „научнымъ", чѣмъ пріемъ ученыхъ экономистовъ, устанавливающихъ такія тонкія различія между орудіями производства и предметами потребленія. Народъ пойметъ, что революція должна начаться именно съ этого и положитъ такимъ образомъ основаніе единственной экономической наукѣ, которая дѣйствительно сможетъ претендовать на названіе науки и которую можно будетъ опредѣлить какъ *изученіе потребностей человѣчества и средствъ къ ихъ удовлетворенію, безъ лишней траты силъ.*

Жизненные припасы.

Если будущая революція будетъ, дѣйствительно, революціей соціальной, она будетъ отличаться отъ предыдущихъ движеній не только по своимъ цѣлямъ, но и по своимъ пріемамъ. Новая цѣль потребуетъ и новыхъ средствъ.

Мы видѣли три крупныхъ народныхъ движенія во Франціи въ теченіе этого вѣка; они различались между собою во многихъ отношеніяхъ, но всѣ три имѣли одну общую черту. Всякій разъ народъ смѣло боролся ради сверженія стараго порядка, проливалъ свою драгоцѣнную кровь, но затѣмъ, употребивъ на это всѣ силы, отступалъ самъ на задній планъ. Тогда образовывалось правительство изъ людей болѣе или менѣе честныхъ, которое и брало на себя задачу, или организовать Республику, какъ въ 1793 году, или организовать трудъ, какъ въ 1848, или организовать свободную коммуну, какъ въ 1871.

Проникнутое насквозь якобинскими идеями, это правительство заботилось, прежде всего, о вопросахъ политическихъ: о перестройкѣ правительственнаго механизма, объ улучшеніяхъ въ составѣ чиновниковъ, объ отдѣленіи Церкви отъ Государства, о политическихъ правахъ и т. под. Правда, рабочіе клубы зорко слѣдили за новыми правителями и часто заставляли ихъ дѣйствовать по своему; но даже и въ этихъ клубахъ — все равно, ораторствовали ли тамъ буржуа или рабочіе —

преобладало буржуазное направленіе: въ нихъ говорилось очень много о политическихъ вопросахъ, и оставлялся въ сторонѣ вопросъ о хлѣбѣ.

Великія идеи, перевернувшія міръ, были высказаны въ эти революціонныя эпохи; впервые произнесены были слова, до сихъ поръ еще, черезъ сто лѣтъ, заставляющія биться наши сердца. Но въ рабочихъ кварталахъ народъ продолжалъ голодать!

Какъ только вспыхивала революція, работа неизбѣжно пріостанавливалась. Движеніе товаровъ прекращалось, капиталы скрывались. Фабриканту это было не важно; если онъ и не наживался съ чужой бѣдности, то жилъ на свою ренту; но рабочему приходилось перебиваться изо дня на день. Голодъ закрадывался въ его конуру.

Народъ начиналъ бѣдствовать, и нужда, которую онъ терпѣлъ, становилась даже сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было при старыхъ порядкахъ.

„Это жирондисты морятъ насъ съ голоду", говорили, въ 1793 году, рабочіе въ предмѣстьяхъ. Жирондистовъ гильотинировали и власть переходила въ руки Горы, въ руки Парижской Коммуны — Маратистовъ. Эти послѣдніе, дѣйствительно, заботились о хлѣбѣ и употребляли героическія усилія, чтобы прокормить Парижъ. Въ Ліонѣ, Руше и Колло д'Эрбуа устроили запасные магазины, но они располагали слишкомъ незначительными средствами, чтобы наполнить ихъ. Городскіе Совѣты дѣлали все возможное, чтобы достать хлѣба; торговцевъ, которые прятали муку, вѣшали — а хлѣба все таки не было!

Тогда взваливали вину на королевскихъ заговорщиковъ. Ихъ гильотинировали — по двѣнадцати, по пятнадцати человѣкъ въ день — служанокъ и герцогинь, — особенно служанокъ, такъ какъ герцогини были въ Кобленцѣ. Но еслибы даже гильотинировали по ста герцоговъ и графовъ въ день, то и это ничему бы не помогло.

Нужда все росла. Что могла помочь лишняя тысяча труповъ, когда для того, чтобы жить, нужно было получать плату за трудъ, а этой платы не было?

Тогда народъ начиналъ разочаровываться. — „Хороша ваша революція!“ нашептывали рабочимъ господа реакціонеры. „Такой нищеты прежде никогда не было!“ И вотъ, мало по малу, богачи пріободрялись, выходили изъ своихъ убѣжищъ и еще болѣе раздражали бѣдняковъ видомъ своей роскоши. „Невозможные“, т. е. богатые щеголи, наряженные въ самые невѣроятные наряды, появлялись на улицѣ, смѣло вызывая революціонеровъ и твердили рабочимъ: „Полно, наконецъ, заниматься глупостями! Ну, что̀ вы выиграли отъ Революціи? Пора все это бросить!“

Сердце сжималось у революціонеровъ. — „Опять революція погибла!“ говорили они между собой и уходили въ свои норы, предоставляя событіямъ идти своимъ чередомъ.

Тогда являлась реакція, открытая и высокомѣрная, и совершала свой государственный переворотъ. Революція была убита, оставалось только растоптать ея трупъ. И чего только не дѣлали съ этимъ трупомъ! Кровь лилась ручьями, бѣлый терроръ рубилъ головы уже тысячами, наполнялъ тюрьмы, а оргіи богачей начинались, еще болѣе буйныя и вызывающія, чѣмъ когда-либо.

Таковъ былъ ходъ всѣхъ французскихъ революцій. Въ 1848-мъ году парижскій рабочій отдавалъ въ распоряженіе республики „три мѣсяца нужды“, а когда черезъ три мѣсяца ему уже не было возможности больше терпѣть, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе — и это усиліе было затоплено въ потокахъ крови.

Въ 1871 году Коммуна гибла отъ отсутствія борцовъ за нее. Она не забыла провозгласить отдѣленіе Церкви отъ Государства, но слишкомъ

поздно позаботилась о томъ, чтобы обезпечить для всѣхъ хлѣбъ. Въ самый разгаръ борьбы, богатые господа въ Парижѣ потѣшались надъ коммунарами, говоря имъ: „Чтожъ, идите, глупые вы люди, защищать стѣны и рисковать жизнью за тридцать су (полтинникъ) въ день, пока мы будемъ себѣ кутить по моднымъ ресторанамъ!“ Только въ послѣдніе дни эта ошибка была понята и начали устраивать вольныя столовыя на средства Коммуны; но тогда уже было поздно: версальцы уже вступали въ парижскія укрѣпленія.

— „Хлѣба! Хлѣба, прежде всего! Революціи нуженъ хлѣбъ!“

Пусть занимается кто хочетъ разсылкой громкихъ циркуляровъ съ трескучими фразами! Пусть кто хочетъ надѣваетъ на себя сколько угодно галуновъ! Пусть кто хочетъ разсуждаетъ о политическихъ правахъ!...

Наше дѣло будетъ устроить такъ, чтобы съ первыхъ же дней революціи и во все время пока она будетъ продолжаться, на пространствѣ, охваченномъ возстаніемъ, не было ни одного человѣка, страдающаго отъ недостатка хлѣба, ни одной женщины, которой пришлось бы ждать своей очереди у булочныхъ, пока ей бросятъ, какъ милостыню, кусокъ хлѣба изъ отрубей, ни одного ребенка, у котораго бы не было того, чего требуетъ его слабый организмъ.

Задачею буржуазіи было разсуждать во время революцій о великихъ принципахъ, или, вѣрнѣе, о великихъ обманахъ. Задача же народа будетъ въ томъ, чтобы хлѣбъ обезпечить всѣмъ и каждому. Въ то время какъ буржуа и обуржуазившіеся рабочіе будутъ играть въ великихъ людей въ своихъ говорильняхъ, пока „практическіе люди“ будутъ вести безконечныя разсужденія о формахъ правленія, — намъ, „утопистамъ“, придется позаботиться о хлѣбѣ насущномъ.

Да, мы имѣемъ дерзость утверждать, что всякій долженъ и можетъ быть сытымъ, и что Революція побѣдитъ именно тѣмъ, что обезпечитъ хлѣбъ для всѣхъ.

II

Что мы „утописты" — это всѣмъ извѣстно. Мы, дѣйствительно, настолько утописты, что рѣшаемся утверждать, что революція должна и можетъ обезпечить каждому помѣщеніе, одежду и хлѣбъ, — и это, конечно, очень не нравится всѣмъ — краснымъ и синимъ — буржуа, которые отлично знаютъ, что если народъ будетъ сытъ, то справиться съ нимъ будетъ очень трудно.

Да, мы упорно настаиваемъ на этомъ: возставшему народу нужно обезпечить хлѣбъ, и вопросъ о хлѣбѣ долженъ быть поставленъ прежде всего. Если онъ разрѣшится въ интересахъ народа, революція окажется на вѣрномъ пути, потому что для рѣшенія вопроса о пропитаніи необходимо будетъ признать принципъ равенства, помимо котораго никакого рѣшенія быть не можетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что будущая революція разразится — какъ было съ революціей 1848 года — во время какого-нибудь крупнаго промышленнаго кризиса. За послѣдніе тридцать лѣтъ, промышленность все время перебивается кое-какъ между тучныхъ и голодныхъ лѣтъ, и это положеніе можетъ только ухудшиться; все способствуетъ этому: — конкурренція молодыхъ странъ, выступающихъ на сцену въ борьбѣ за старые рынки, войны, все-растущіе налоги и государственные долги, неувѣренность въ будущемъ, крупныя предпріятія въ отдаленныхъ странахъ...

Милліоны европейскихъ рабочихъ постоянно находятся безъ работы, и въ тотъ моментъ, когда революція вспыхнетъ и начнетъ распространяться,

какъ огонь вспыхнувшій въ порохѣ, общее положеніе промышленности можетъ только ухудшиться. Какъ только въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ появятся баррикады, число рабочихъ безъ работы удвоится. Что же дѣлать, чтобы прокормить всю эту массу людей?

Не знаю, задавались ли когда-нибудь этимъ вопросомъ, во всей его неумолимости, такъ называемые „практическіе" люди? Но мы знаемъ навѣрное, что они хотятъ сохранить *наемный трудъ*, а потому, по всей вѣроятности, для доставленія хлѣба безработнымъ, они станутъ проповѣдывать какія-нибудь „національныя мастерскія", или „общественныя работы".

Національныя мастерскія открывали уже въ 1789 и 1793 году; къ тому же средству прибѣгли въ 1848 году; затѣмъ Наполеону III удалось, въ теченіе восемнадцати лѣтъ сдерживать парижскій пролетаріатъ, занимая его перестройкой Парижа, — чему Парижъ обязанъ своимъ двухмилліоннымъ долгомъ и городскимъ налогомъ въ 90 франковъ съ человѣка. Тѣмъ же прекраснымъ средствомъ для „обузданія звѣря" пользовались еще въ Римѣ и даже въ Египтѣ, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ; наконецъ всѣ деспоты, короли и императоры, во всѣ времена, отлично умѣли во-время бросить народу кусокъ хлѣба, чтобы воспользоваться передышкой и, тѣмъ временемъ, снова взяться за хлыстъ. Совершенно естественно поэтому, что „практическіе" люди будутъ проповѣдывать тотъ же самый излюбленный способъ, лишь бы сохранить наемный трудъ. Стоитъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, ломать себѣ голову, когда подъ руками есть средство, которымъ пользовались еще египетскіе фараоны!

Но если только революція вступитъ на этотъ путь — она погибла.

Когда въ 1848-мъ году открыли, 27 февраля,

національныя мастерскія, въ Парижѣ было всего восемь тысячъ рабочихъ безъ работы. Черезъ двѣ недѣли ихъ уже было 49.000 и было бы, вѣроятно, скоро сто тысячъ, не считая тѣхъ, которые сбѣгались въ Парижъ изъ провинціи.

Но въ 1848-мъ году промышленность и торговля не занимали во Франціи и половины того количества рабочихъ рукъ, которое онѣ занимаютъ теперь. Извѣстно, съ другой стороны, что во всякой революціи страдаютъ больше всего именно обмѣнъ и промышленность. Подумайте только, сколько рабочихъ работаютъ, прямо или косвенно, для вывоза, сколько рабочихъ рукъ занято въ производствѣ предметовъ роскоши, имѣющихъ сбытъ среди меньшинства буржуазіи.

Революція въ Европѣ, это — немедленное прекращеніе работы по крайней мѣрѣ половины всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Это — милліоны рабочихъ, выброшенныхъ на улицу вмѣстѣ со своими семьями.

И вотъ этому-то поистинѣ ужасному положенію хотятъ помочь національными мастерскими, т. е. созданіемъ новыхъ промышленныхъ предпріятій для доставленія работы безработнымъ.

Нѣтъ сомнѣнія, — и это говорилъ еще Прудонъ, — что малѣйшій захватъ частной собственности произведетъ полную дезорганизацію всего нашего строя, основаннаго на частной собственности, частныхъ предпріятіяхъ и наемномъ трудѣ. Прятать голову, какъ страусъ, жить иллюзіями, воображать, что во время революціи фабрики будутъ работать по старому, и что къ нимъ будутъ приливать заказы по старому — просто постыдно. Ничего этого не будетъ, и общество будетъ *вынуждено* взять въ свои руки все производство, въ цѣломъ, и перестроить его соотвѣтственно *потребностямъ всего населенія.* Но такъ какъ эта перестройка не можетъ совершиться въ одинъ день или даже въ одинъ мѣсяцъ, а потребуетъ годъ или годы для приспособленія къ

новымъ условіямъ — а въ это время милліоны людей будутъ лишены всякихъ средствъ къ существованію, — то является вопросъ: Что дѣлать?

При такихъ условіяхъ возможно только одно, дѣйствительно *практическое* рѣшеніе вопроса. Оно состоитъ въ томъ, чтобы признать всю трудность предстоящей задачи и, вмѣсто того, чтобы поддерживать положеніе вещей, которое сама революція сдѣлаетъ невозможнымъ — заняться перестройкой производства на совершенно новыхъ началахъ.

Чтобы поступить практически, нужно, слѣдовательно, по нашему мнѣнію, чтобы народъ немедленно же завладѣлъ всѣми *продуктами*, имѣющимися въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вспыхнула революція, составилъ имъ опись и чтобы онъ устроился такъ, чтобы ничего не пропадало даромъ, но чтобы всѣ могли воспользоваться имѣющимися накопленными продуктами и такимъ образомъ пережить критическій періодъ. И въ это время, — обезпечивъ существованіе всѣхъ на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ — нужно фабричнымъ рабочимъ доставить сырой матеріалъ, котораго у нихъ нѣтъ въ запасѣ, обезпечить такимъ образомъ ихъ существованіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и направить работу на производство предметовъ, настоятельно необходимыхъ массѣ крестьянъ. Не нужно, въ самомъ дѣлѣ забывать, что хотя Франція производитъ шелка для нѣмецкихъ банкировъ и для императрицъ Россійскихъ и Сандвичевыхъ островов, и хотя Парижъ выдѣлываетъ всевозможныя бездѣлушки для богачей всего міра, у двухъ третей французскихъ крестьянъ нѣтъ ни порядочной лампы для освѣщенія ихъ хижины, ни усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, безъ которыхъ въ настоящее время, путное земледѣліе невозможно.

Наконецъ, нужно будетъ сдѣлать годными для обработки тѣ земли, которыя теперь ничего не

производятъ (а такихъ земель еще очень много), и улучшить тѣ, которыя не производятъ даже четверти, даже десятой доли того, что онѣ могли бы производить, если бы ихъ отдать подъ усиленную, огородную и садовую обработку.

Это — единственное практичное рѣшеніе вопроса, которое мы можемъ указать, рѣшеніе, которое волей-неволей придется принять — въ силу самаго хода вещей.

III

Выдающейся, отличительной чертою современнаго капиталистическаго строя является наемный трудъ.

Лицо, или группа лицъ, владѣющихъ нужнымъ капиталомъ, основываютъ промышленное предпріятіе, берутъ на себя доставку сырого матеріала для фабрики или завода, организацію производства, продажу продуктовъ и платятъ рабочимъ извѣстную опредѣленную плату; сами же они получаютъ всю прибыль, подъ тѣмъ предлогомъ, что она представляетъ вознагражденіе за ихъ трудъ управленія, за ихъ рискъ и за колебанія рыночныхъ цѣнъ на данный товаръ.

Такова, въ немногихъ словахъ, вся система *наемнаго труда.*

Чтобы сохранить ее, современные владѣльцы капитала готовы пойти на нѣкоторыя уступки, напримѣръ подѣлить съ рабочими часть прибыли, или устроить подвижную шкалу заработной платы, такъ чтобы плата рабочаго поднималась, когда поднимается доходъ предпріятія. Однимъ словомъ, они готовы согласиться на нѣкоторыя „жертвы", лишь бы только имъ оставили право управлять промышленностью и получать съ нея доходъ.

Коллективизмъ, какъ извѣстно, вноситъ въ этотъ порядокъ существенныя измѣненія, но сохраняетъ,

однако, наемный трудъ. Только на мѣсто частнаго хозяина становится Государство, т. е. выборное правительство — для всей націи, или городское. Во главѣ управленія промышленностью становятся депутаты — представители націи или города и ихъ уполномоченные, — ихъ чиновники. Они же оставляютъ за собою и право расходовать въ интересахъ всѣхъ получаемую прибыль. Кромѣ того, въ этой системѣ коллективизма устанавливается очень тонкое различіе между трудомъ чернорабочаго и трудомъ человѣка, прошедшаго черезъ предварительное обученіе: трудъ перваго представляетъ собою, съ точки зрѣнія коллективиста, трудъ *простой*, тогда какъ ремесленникъ, инженеръ, ученый и т. п. занимаются трудомъ, который коллективисты называютъ трудомъ *сложнымъ*, и поэтому имѣютъ право на болѣе высокую заработную плату. Но всѣ они — чернорабочіе и инженеры, ткачи и ученые — наемники государства, „всѣ — чиновники", какъ сказалъ недавно одинъ изъ коллективистовъ, — чтобы позолотить пилюлю.

Самая большая услуга, которую будущая Революція сможетъ оказать человѣчеству, будетъ заключаться именно въ томъ, чтобы создать такое положеніе вещей, гдѣ всякая форма наемнаго труда станетъ невозможной и неосуществимой, и гдѣ единственнымъ подходящимъ рѣшеніемъ вопроса явится коммунизмъ, т. е. именно отсутствіе наемнаго труда.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы даже допустимъ, что въ спокойный періодъ измѣненіе въ коллективистическомъ направленіи возможно, (въ чемъ мы впрочемъ, даже при этихъ условіяхъ, сильно сомнѣваемся), то въ періодъ революціонный оно сдѣлается невозможнымъ, потому что, послѣ первой же схватки возникнетъ тотчасъ же необходимость прокормить милліоны человѣческихъ существъ. Революція политическая можетъ произойти не внося

нарушеній въ ходъ промышленности, но революція, при которой народъ завладѣваетъ собственностью, неизбѣжно вызоветъ тотчасъ же пріостановку въ обмѣнѣ и производствѣ, и никакихъ милліоновъ государства не хватитъ для обезпеченія заработной платы милліонамъ оставшихся безъ работы рабочихъ.

Повторяемъ: преобразованіе промышленности на новыхъ началахъ (а какъ обширна эта задача — мы увидимъ ниже) не можетъ произойти въ нѣсколько дней, а пролетаріатъ не сможетъ предложить цѣлые годы голодовки къ услугамъ теоретиковъ наемнаго труда. Чтобы пережить эпоху кризиса, онъ потребуетъ того, чего требовалъ всегда въ подобныхъ случаяхъ: обращенія всѣхъ предметовъ потребленія въ общую собственность, распредѣленія ихъ между всѣми.

Сколько бы ни проповѣдовали народу терпѣніе, онъ терпѣть не станетъ, и если все, что нужно для жизни — и хлѣбъ прежде всего — не будетъ обращено въ общую собственность, онъ начнетъ грабить булочныя. И тогда, если народъ будетъ не въ силѣ, его начнутъ разстрѣливать.

Для того, чтобы коллективизмъ могъ сдѣлать попытку практическаго осуществленія, ему нуженъ прежде всего *порядокъ*, дисциплина, повиновеніе. А такъ какъ капиталисты быстро замѣтятъ, что заставить стрѣлять въ народъ людей, называющихъ себя революціонерами, есть самое лучшее средство возбудить въ народѣ вражду къ революціи, то они несомнѣнно будутъ поддерживать защитниковъ „порядка“; даже если они — коллективисты. Они увидятъ въ этомъ средство уничтожить впослѣдствіи и самихъ коллективистовъ.

А разъ „порядокъ возстановленъ“, дальнѣйшія послѣдствія предвидѣть не трудно. Разстрѣливать будутъ не однихъ только „воровъ“: придется доискиваться и до „виновниковъ безпорядковъ“,

возстановить судъ и гильотину, и самые горячіе революціонеры погибнутъ на эшафотѣ. Совершится повтореніе 1793 года.

Вспомнимъ, какимъ образомъ восторжествовала реакція въ прошломъ вѣкѣ. Прежде всего гильотинировали Эбертистовъ, самыхъ ярыхъ — тѣхъ, кого Минье, еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ борьбы, называлъ „анархистами". За ними скоро послѣдовали сторонники Дантона, а когда робеспьеровцы гильотинировали всѣхъ этихъ революціонеровъ, то и имъ самимъ пришла очередь всходить на эшафотъ. И тогда, разочаровавшись во всемъ, и видя, что революція погибла, народъ предоставилъ поле дѣйствія реакціонерамъ.

И вотъ, разъ „порядокъ" будетъ „возстановленъ", коллективисты прежде всего гильотинируютъ анархистовъ, затѣмъ поссибилисты гильотинируютъ коллективистовъ, которые въ свою очередь будутъ гильотинированы реакціонерами. Революцію придется начинать сначала.

* *

Но есть основаніе думать, что вліяніе народа окажется *достаточно* сильнымъ, и что къ тому времени, когда произойдетъ революція, идея анархическаго коммунизма успѣетъ распространиться. Эта идея — не праздное измышленіе: ее подсказалъ намъ самъ народъ, и число коммунистовъ будетъ все расти по мѣрѣ того, какъ невозможность всякаго другого выхода будетъ становиться все болѣе очевидною. Если коммунистическое вліяніе окажется достаточно сильнымъ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ. Вмѣсто того, чтобы грабить булочныя, а на другой день опять голодать, возставшій народъ возьметъ въ свои руки хлѣбные склады, бойни, магазины съѣстныхъ припасовъ — однимъ словомъ всѣ имѣющіеся въ наличности пищевые запасы.

Сейчасъ же найдутся добровольцы, мужчины и женщины, чтобы составить опись, инвентарь всего, находящагося въ магазинахъ и хлѣбныхъ складахъ, и черезъ двадцать четыре часа возставшая Коммуна будетъ знать то, чего Парижъ не знаетъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ статистическіе комитеты, и чего онъ никогда не могъ узнать во время осады, а именно — сколько въ немъ находится съѣстныхъ припасовъ. А черезъ сорокъ восемь часовъ уже будутъ изданы въ милліонахъ экземпляровъ точные списки всѣхъ имѣющихся продуктовъ, указаны мѣста, гдѣ они находятся и способы ихъ распредѣленія.

Въ каждой группѣ домовъ, въ каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ организуются группы добровольцевъ для завѣдыванія съѣстными припасами, и они, конечно, съумѣютъ столковаться между собою и сообщить другъ другу о результатахъ своей работы. Пусть только якобинскіе штыки не вмѣшиваются въ это дѣло, пусть только такъ-называемые „научные“ теоретики не пытаются вносить свою путаницу, или, вѣрнѣе — пусть себѣ запутываютъ мозги сколько угодно, лишь бы у нихъ не было права распоряжаться! Та удивительная способность къ свободной организаціи, которая свойственна въ высокой степени народу — особенно же народу французскому, во всѣхъ его общественныхъ слояхъ, и которой такъ рѣдко даютъ возможность проявиться, — создастъ, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ, и даже въ самый разгаръ революціоннаго возбужденія, цѣлую естественно-выросшую организацію, имѣющую цѣлью доставить каждому необходимые припасы.

Пусть только предоставятъ народу свободу дѣйствія, и черезъ недѣлю распредѣленіе припасовъ будетъ происходить съ удивительною правильностью. Сомнѣваться въ этомъ можетъ только тотъ, кто никогда не видѣлъ рабочаго народа въ дѣйствіи,

кто провелъ всю жизнь уткнувшись въ бумаги. Поговорите же объ организаторскомъ духѣ народа — этого великаго непризнаннаго генія — съ тѣмъ, кто видѣлъ его въ Парижѣ въ дни баррикадъ, во время Коммуны, или въ Лондонѣ, во время большой стачки въ гавани, когда приходилось прокармливать поль-миллiона голодныхъ людей, и они скажутъ вамъ, насколько народъ стоитъ въ этомъ отношенiи выше всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ!

Но если бы даже пришлось пострадать, въ теченiе какихъ-нибудь двухъ недѣль или мѣсяца, отъ нѣкотораго относительнаго безпорядка — то, что же изъ этого? Для массы народа это будетъ, во всякомъ случаѣ, лучше чѣмъ то, что существуетъ теперь; да кромѣ того, во время Революцiи — лишь бы чувствовалось, что революцiя идетъ впередъ, а не топчется на мѣстѣ, — люди обѣдаютъ, не жалуясь на то, кускомъ черстваго хлѣба, въ атмосферѣ ликованiя или вѣрнѣе въ атмосферѣ горячихъ разсужденiй! Во всякомъ случаѣ, то, что создастся само собою, подъ давленiемъ непосредственныхъ потребностей, будетъ несравненно лучше того, что выдумаютъ гдѣ-нибудь въ четырехъ стѣнахъ, за книгами, или въ канцелярiяхъ Городской Думы.

IV

Силою вещей, такимъ образомъ, населенiе большихъ городовъ вынуждено будетъ завладѣть всѣми припасами и, переходя отъ болѣе простого къ болѣе сложному, вынуждено будетъ взять на себя удовлетворенiе потребностей всѣхъ жителей. Чѣмъ скорѣе это сдѣлается, тѣмъ лучше: тѣмъ меньше будетъ нужды и внутренней борьбы.

Но затѣмъ совершенно естественно является вопросъ: на какихъ именно основанiяхъ организу-

ются люди для пользованія сообща этими продуктами?

Для того, чтобы распредѣленіе было справедливо, существуетъ только одинъ способъ — единственный, отвѣчающій чувствамъ справедливости, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно практичный. Это — та система, которая принята и теперь въ поземельныхъ общинахъ всей Европы.

Возьмите крестьянскую общину, гдѣ бы то ни было, даже во Франціи, хотя въ ней якобинцы сдѣлали все возможное, чтобы уничтожить общинные обычаи. Если, напримѣръ, община имѣетъ въ своемъ владѣніи лѣсъ, то, пока мелкаго лѣса достаточно, всякій имѣетъ право брать его *сколько хочетъ*, безъ всякаго другого учета, кромѣ общественнаго мнѣнія своихъ односельчанъ. Что же касается крупнаго лѣса, котораго никогда не бываетъ достаточно, то право каждаго жителя на крупныя лѣсины ограничено, т. е. въ каждомъ случаѣ міръ долженъ рѣшить, сколько деревьевъ можно вырубить на каждый дворъ.

То же самое происходитъ и съ общинными лугами. Пока луговъ достаточно для всей общины, никто не учитываетъ того, сколько съѣли коровы каждаго или сколько коровъ пасется на лугу. Къ дѣлежу или къ ограниченію правъ каждаго жителя, прибѣгаютъ лишь тогда, когда луга оказываются въ недостаточномъ количествѣ. Эта система практикуется во всей Швейцаріи и во многихъ общинахъ Франціи и Германіи — повсюду, гдѣ существуютъ общинные луга.

Если же вы обратитесь къ странамъ Восточной Европы — напримѣръ къ Россіи, гдѣ и крупнаго лѣса достаточно въ лѣсныхъ областяхъ, и земли еще много (напр. въ Сибири), вы увидите, что крестьяне рубятъ и крупныя деревья въ лѣсу въ такомъ количествѣ, какое имъ нужно, и обрабатываютъ столько земли, сколько для нихъ необходимо,

не думая объ еще ограниченіи права на лѣсъ или о дѣлежѣ земли. Но какъ только лѣса или земли становится мало, право каждаго на лѣсъ бываетъ ограничено, а земля дѣлится по потребностямъ каждой семьи.

Однимъ словомъ: пусть каждый беретъ сколько угодно всего, что имѣется въ изобиліи и получаетъ ограниченное количество только того, что приходится считать и дѣлить! На 350 милліоновъ людей, населяющихъ Европу, двѣсти милліоновъ и по сію пору слѣдуютъ этимъ двумъ, вполнѣ естественнымъ пріемамъ.

Замѣтимъ еще одно. Та же самая система господствуетъ и въ большихъ городахъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному продукту, который находится тамъ въ изобиліи: къ проведенной въ дома водѣ.

Пока воды въ водопроводахъ достаточно для всѣхъ домовъ и нечего бояться недостатка, никакой компаніи не приходитъ въ голову издавать законы насчетъ пользованія водою въ каждой семьѣ. Берите, сколько вамъ угодно! Если же является опасеніе, что воды въ Парижѣ не хватитъ, какъ это бываетъ во время сильной жары, компаніи очень хорошо знаютъ, что достаточно выпустить предостереженіе въ нѣсколькихъ строкахъ въ газетахъ, чтобы парижане тотчасъ-же, безъ всякаго закона, сократили свое потребленіе воды и не тратили ее попусту.

Но что сдѣлали бы, если бы воды дѣйствительно не хватило? Тогда прибѣгли бы къ распредѣленію ея въ ограниченныхъ количествахъ. Это — такая естественная, такая понятная мѣра, что во время двухъ осадъ Парижа въ 1871-мъ году два раза требовали ея примѣненія ко всѣмъ жизненнымъ припасамъ. — „Le rationnement!“ „Все по порціямъ“ требовалъ тогда рабочій Парижъ.

Стоитъ ли входить въ подробности, описывать,

какимъ образомъ эта мѣра могла бы дѣйствовать? доказывать, что она — справедлива, несравненно справедливѣе всего, что существуетъ теперь? Эти подробности и эти описанія все равно не убѣдятъ тѣхъ буржуа — и, къ несчастью, не только буржуа, но и обуржуазившихся рабочихъ, — которые смотрятъ на народъ, какъ на стадо дикарей, готовыхъ тотчасъ же перегрызться, какъ только правительство перестанетъ охранять ихъ своимъ бдительнымъ окомъ. Но всякій, кто хоть когда-нибудь видѣлъ, какъ народъ рѣшаетъ свои собственныя дѣла, особенно когда надъ нимъ не тяготитъ палка исправника и податнаго инспектора, ни минуты не усомнится въ томъ, что разъ только ему будетъ вполнѣ предоставлено распредѣленіе продуктовъ, онъ будетъ руководиться въ этомъ дѣлѣ самымъ простымъ чувствомъ справедливости.

Попробуйте сказать въ какомъ-нибудь народномъ собраніи, что жареныхъ рябчиковъ нужно предоставить избалованнымъ бездѣльникамъ изъ аристократіи, а черный хлѣбъ употребить на прокормленіе больныхъ въ больницахъ, и вы увидите, что васъ освищутъ. Но скажите въ томъ же самомъ собраніи, проповѣдуйте на всѣхъ перекресткахъ, что лучшая пища должна быть предоставлена слабымъ и прежде всего больнымъ; скажите, что, если бы во всемъ городѣ было всего десять рябчиковъ и одинъ ящикъ малаги, ихъ слѣдовало бы отнести выздоравливающимъ больнымъ, скажите это только...

Скажите, что за больными слѣдуютъ дѣти. Имъ пусть пойдетъ коровье и козье молоко, если его недостаетъ для всѣхъ. Пусть ребенокъ и старикъ получатъ послѣдній кусокъ мяса, а взрослый здоровый человѣкъ удовольствуется сухимъ хлѣбомъ, если уже дѣло дойдетъ до такой крайности.

Скажите, однимъ словомъ, что если какихъ-нибудь припасовъ не имѣется въ достаточномъ коли-

чествѣ, и ихъ приходится распредѣлять, то послѣднія оставшіяся доли должны быть отданы тѣмъ, кто въ нихъ болѣе всего нуждается; скажите это — и вы увидите, что съ вами всѣ согласятся.

То, чего не понимаютъ сытые господа, отлично понимаетъ и всегда понималъ народъ; но и сами пресыщенные, если они завтра окажутся на улицѣ и придутъ въ соприкосновеніе съ массой, поймутъ это такъ же хорошо.

Теоретики, для которыхъ солдатская казарма и солдатскій котелокъ составляютъ послѣднее слово науки, потребуютъ, вѣроятно, немедленнаго введенія національной кухни и общей чечевичной похлебки, ссылаясь на то, сколько топлива и провизіи можно выгодать въ огромной казарменной кухнѣ, откуда каждый будетъ получать свою порцію похлебки и хлѣба.

Мы, съ своей стороны, не отрицаемъ этихъ преимуществъ. Мы знаемъ, какъ много топлива и труда сберегло человѣчество, отказавшись сначала отъ ручной мельницы, а затѣмъ и отъ печи, гдѣ каждый пекъ свой хлѣбъ. Мы понимаемъ, что было бы экономнѣе сварить сразу щи на сто семействъ, чѣмъ разводить для этого сто отдѣльныхъ огней. Мы знаемъ точно такъ же, что, хотя есть множество различныхъ способовъ приготовленія картофеля, картофель все-таки будетъ нисколько не хуже, если его сварить предварительно въ одномъ котлѣ на всѣ сто семей.

Мы понимаемъ, наконецъ, что разнообразіе кухни состоитъ, главнымъ образомъ, въ индивидуальномъ характерѣ приготовленія блюда каждой хозяйкой, и что, если вся масса картофеля будетъ сварена вмѣстѣ, это нисколько не помѣшаетъ хозяйкамъ приготовить его затѣмъ, каждой по своему вкусу. Точно также изъ одного бульона можно приготовить сто различныхъ суповъ, на сто различныхъ вкусовъ.

Мы знаемъ все это и тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что никто не имѣетъ права заставить хозяйку получать свой картофель вареным, если она предпочитаетъ сварить его въ *своемъ* котелкѣ, на *своемъ* огнѣ, и что лучше сжечь лишнихъ дровъ, чѣмъ заводить казарму, которая противна всякому свободномыслящему человѣку. Главное же, мы хотимъ, чтобы каждый могъ съѣсть свой обѣдъ гдѣ и какъ хочетъ — въ своей семьѣ, съ пріятелями, или же въ общей столовой, если ему это лучше нравится.

На мѣсто ресторановъ, въ которыхъ теперь отравляютъ посѣтителей всякою дрянью, несомнѣнно возникнутъ большія кухни. Въ Парижѣ, хозяйки уже и теперь привыкли покупать бульонъ у мясника и затѣмъ приготовлять изъ нихъ какой хотятъ супъ; точно также въ Лондонѣ хозяйка знаетъ, что она можетъ дать зажарить кусокъ мяса или свой пирогъ съ яблоками или ревенемъ въ булочной, заплативъ за это нѣсколько копѣекъ и сберечь такимъ образомъ и время, и уголь. А когда общія кухни, которыя будутъ въ будущемъ соотвѣтствовать существовавшимъ въ былое время „общественнымъ печамъ", *) перестанутъ быть мѣстомъ обмана, поддѣлки и отравленія посѣтителей, то выработается и привычка брать изъ этихъ кухонь готовыми всѣ существенныя части обѣда, а затѣмъ уже только приготовлять ихъ окончательно по своему вкусу.

Но сдѣлать изъ этого законъ, вмѣнить каждому въ обязанность получать пищу въ готовомъ видѣ, значило бы навязать человѣку девятнадцатаго вѣка порядки, столь же противные ему, какъ и порядки

---

*) Four banal. Во Франціи, до сихъ поръ, въ деревняхъ, гдѣ сохранились общинные порядки, встрѣчается общественная печь, гдѣ хозяева по очереди пекутъ хлѣбъ, другая общественная печь для стирки, общинный пресъ для выдавливанія вина изъ винограда и т. д.

казармъ и монастырей. Такія мысли родятся только въ умахъ людей, въ корнѣ испорченныхъ правомъ командованія надъ другими или духомъ религіознаго подчиненія.

Но кто же будетъ имѣть право пользоваться принадлежащими общинѣ продуктами? Всѣ, или только часть гражданъ? Этотъ вопросъ возникнетъ, конечно, на первыхъ же порахъ. — Пусть только каждый городъ отвѣтитъ на это по своему, — и если народъ, масса, самъ рѣшитъ этотъ вопросъ, мы убѣждены, что его отвѣты будутъ внушены чувствомъ справедливости. Пока различныя отрасли труда не организованы, пока еще продолжается періодъ волненій, и нельзя отличить лѣниваго бездѣльника отъ человѣка не работающаго поневолѣ, — всѣ имѣющіеся въ наличности продукты должны принадлежать всѣмъ безъ исключенія. Тѣ, кто сопротивлялся побѣдѣ народа съ оружіемъ въ рукахъ или устраивалъ противъ него тайные заговоры, сами поспѣшатъ исчезнуть съ возставшей территоріи. Но мы думаемъ, что народъ, — всегда врагъ мести и всегда великодушный, будетъ дѣлиться хлѣбомъ со всѣми тѣми, кто будетъ находиться въ его средѣ — будутъ ли то экспропріаторы или экспропріированные. Революція отъ этого ничего не потеряетъ, а когда работа вновь начнется, недавніе враги встрѣтятся въ однихъ и тѣхъ же мастерскихъ. Обществу, гдѣ трудъ будетъ свободенъ, нечего будетъ бояться тунеядцевъ.

— „Но такимъ образомъ всѣ припасы истощатся въ теченіе мѣсяца“, слышатся уже намъ возраженія нашихъ критиковъ.

„И отлично!“ отвѣтимъ мы. Это только послужитъ доказательствомъ, что пролетарій, въ первый разъ въ жизни ѣлъ до-сыта. Что же касается способовъ пополнить израсходованные припасы, то именно этимъ вопросомъ мы и займемся теперь.

V

Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ обезпечить свое продовольствіе городъ, въ которомъ соціальная революція находится въ полномъ разгарѣ?

Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ, хотя очевидно, что средства, къ которымъ нужно будетъ прибѣгнуть, будутъ зависѣть отъ характера, который приметъ революція въ сосѣднихъ мѣстностяхъ и въ сосѣднихъ странахъ. Если бы вся страна, или, еще лучше, вся Европа, могла произвести соціальную революцію одновременно и сразу перейти къ коммунизму, то вопросъ рѣшился бы такимъ-то образомъ. Если же попытка установленія коммунистическаго строя будетъ сдѣлана изъ всей Европы лишь нѣсколькими городами, тогда придется избрать иные пути. Средства будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Поэтому, прежде чѣмъ идти дальше, бросимъ общій взглядъ на Европу и посмотримъ — вовсе не имѣя въ виду пророчествовать — каковъ можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ чертахъ, ходъ Революціи.

Было бы, конечно, очень желательно, чтобы вся Европа возстала одновременно, чтобы повсюду произошла экспропріація, чтобы повсюду революціонеры руководились принципами коммунизма. Такое общее возстаніе значительно облегчило бы задачу, стоящую передъ нашимъ вѣкомъ.

Но, по всей вѣроятности, этого не будетъ. Что революція охватитъ всю Европу — въ этомъ мы не сомнѣваемся. Если какая-нибудь изъ четырехъ главныхъ континентальныхъ столицъ — Парижъ, Вѣна, Брюссель или Берлинъ — возстанетъ и свергнетъ свое правительство, то можно почти навѣрное сказать, что черезъ нѣсколько недѣль то

же самое сдѣлаютъ и три остальныя. Очень вѣроятно также, что революція не заставитъ себя долго ждать и въ Италіи, и въ Испаніи, и даже въ Лондонѣ и Петербургѣ. Но будетъ ли она имѣть повсюду одинъ и тотъ же характеръ — въ этомъ можно сильно сомнѣваться.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что повсюду будетъ происходить экспропріація, въ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣрахъ и что то, что совершится въ этомъ направленіи въ любой изъ большихъ европейскихъ странъ окажетъ вліяніе на всѣ остальныя. Но начало революціи будетъ очень различно въ различныхъ мѣстностяхъ, точно также какъ и ея дальнѣйшее развитіе не пойдетъ одинаково въ различныхъ странахъ. Въ 1789 — 93 годахъ потребовалось четыре года для того, чтобы французскіе крестьяне могли окончательно избавиться отъ выкупа феодальныхъ правъ, а буржуазія — свергнуть королевскую власть. Будемъ помнить это и будемъ готовы къ тому, что соціальная революція потребуетъ для своего развитія нѣкотораго времени, и что она будетъ развиваться не вездѣ съ одинаковою скоростью.

Что же касается того, приметъ ли она съ самаго же начала во всѣхъ европейскихъ странахъ дѣйствительно соціалистическій характеръ, то въ этомъ тоже можно сомнѣваться. Вспомнимъ, что Германія находится въ самомъ разгарѣ періода единой имперіи, и что ея самыя передовыя партіи мечтаютъ еще объ якобинской республикѣ 1848 года и объ „организаціи труда" Луи Блана, тогда какъ во Франціи народъ требуетъ по крайней мѣрѣ свободныхъ, если не коммунистическихъ Коммунъ.

Что Германія пойдетъ въ будущей революціи дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, это тоже очень вѣроятно. Когда въ восемнадцатомъ вѣкѣ Франція сдѣлала свою буржуазную революцію, она пошла дальше, чѣмъ Англія въ семнадцатомъ

вѣкѣ, потому что, вмѣстѣ съ королевской властью, она уничтожила и власть поземельной аристократіи, которая въ Англіи и теперь еще пользуется громаднѣйшею силою. Но если даже Германія пойдетъ нѣсколько дальше, чѣмъ пошла Франція въ 1848 году, и осуществитъ больше, чѣмъ тогда удалось осуществить во Франціи, то въ началѣ революціи руководящія идеи всетаки будутъ идеями 1848 года, точно также, какъ идеи, которыя будутъ руководить русской революціей, будутъ идеями 1789-го года, видоизмѣненными до извѣстной степени умственными теченіями нашего вѣка.

Не приписывая впрочемъ этимъ догадкамъ бо̀льшаго значенія, чѣмъ онѣ заслуживаютъ, мы можемъ тѣмъ не менѣе сдѣлать изъ нихъ слѣдующій выводъ: революція приметъ въ различныхъ европейскихъ странахъ различный характеръ, и уровень, котораго она достигнетъ по отношенію къ соціализаціи продуктовъ, не будетъ вездѣ одинаковымъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что страны болѣе передовыя должны приспособляться въ своемъ движеніи къ странамъ болѣе отсталымъ, какъ думаютъ нѣкоторые? Нужно ли ждать, пока идея коммунистической революціи созрѣетъ у всѣхъ народовъ? Конечно, нѣтъ! Да если бы мы даже этого хотѣли, это было бы невозможно: исторія не ждетъ запоздавшихъ.

Съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы даже въ одной и той же странѣ революція произошла съ такою стройностью, о какой мечтаютъ нѣкоторые нѣмецкіе и русскіе соціалисты. Очень вѣроятно, что если одинъ или два изъ большихъ городовъ Франціи — Парижъ, Ліонъ, Марсель, Лиль, Сентъ-Этьенъ или Бордо, — провозгласятъ Коммуну, то другіе тотчасъ же послѣдуютъ ихъ примѣру, и то же самое произойдетъ еще въ нѣсколькихъ, менѣе крупныхъ, городахъ. Нѣкоторые каменноугольные и промышленные центры, точно также, вѣроятно,

не замедлятъ отпустить своихъ хозяевъ и организоваться въ свободныя группы.

Но по деревнямъ многія мѣстности еще не дошли до этой ступени развитія: рядомъ съ возставшими общинами будутъ и такія, которыя останутся въ выжидательномъ положеніи и будутъ продолжать жить при индивидуалистическихъ порядкахъ. Но когда крестьяне увидятъ, что ни судебный приставъ, ни сборщикъ податей не являются требовать съ нихъ налоговъ, они не будутъ относиться къ революціонерамъ враждебно (какъ это было при Республикѣ, въ 1848 году), а напротивъ того, извлекутъ все, что смогутъ, изъ новаго положенія и начнутъ сводить свои счеты съ мѣстными эксплуататорами. Со свойственнымъ всѣмъ крестьянскимъ возстаніямъ практическимъ смысломъ (вспомнимъ только, съ какимъ усердіемъ крестьяне, въ 1792-мъ году, обрабатывали земли, отнятыя ими у помѣщиковъ, заграбившихъ мірскія земли), они примутся за обработку земли, своей и отнятой у мѣстныхъ богачей, монастырей и т. д., которая станетъ имъ тѣмъ болѣе дорога̀, что надъ ней не будетъ тяготѣть никакихъ налоговъ и закладныхъ процентовъ.

Что касается внѣшнихъ сношеній съ другими странами, то повсюду въ Европѣ и Америкѣ будетъ царить революція, но революція въ различныхъ видахъ: въ одномъ мѣстѣ унитарная, въ другомъ федералистическая и повсюду, болѣе или менѣе, соціалистическая. Единообразія, конечно, не будетъ и быть не можетъ.

VI

Но вернемся къ нашему возставшему городу и посмотримъ, при какихъ условіяхъ придется ему заботиться о своемъ продовольствіи.

Прежде всего является вопросъ, гдѣ взять нуж-

ные припасы, если вся нація еще не пришла къ коммунистическому строю?

Возьмемъ какой-нибудь большой французскій городъ, хотя бы столицу Франціи. Парижъ потребляетъ ежегодно милліоны пудовъ хлѣба, 350.000 быковъ и коровъ, 200.000 телятъ, 300.000 свиней и больше 2.000.000 барановъ, не считая другой живности. Кромѣ того, ему требуется еще около полумилліона пудовъ масла и до двухъ сотъ милліоновъ яицъ и все остальное въ соотвѣтственныхъ количествахъ.

Мука и хлѣбъ привозятся изъ Франціи, изъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Россіи, изъ Венгріи, изъ Италіи, изъ Египта, изъ Индіи; скотъ — изъ Германіи, Италіи, Испаніи, даже изъ Румыніи и изъ Россіи. Что же касается до бакалейныхъ товаровъ, то нѣтъ страны въ мірѣ, которая не присылала бы въ Парижъ свою дань.

Посмотримъ прежде всего, какимъ образомъ можно будетъ устроить доставку въ Парижъ или во всякій другой большой городъ, тѣхъ припасовъ, которые выращиваются въ французскихъ деревняхъ, и которые крестьяне съ величайшей охотой пустятъ въ обращеніе.

Для государственниковъ этотъ вопросъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Они прежде всего ввели бы сильно централизованное правительство, вооруженное всѣми принудительными средствами: полиціей, арміей, гильотиной. Это правительство распорядилось бы составить списокъ всего, что производится во Франціи, раздѣлило бы всю страну на извѣстное число продовольственныхъ округовъ и *повелѣло бы*, чтобы такой-то продуктъ, въ такомъ-то количествѣ, былъ привезенъ въ опредѣленный день въ опредѣленное мѣсто, на опредѣленную станцію, былъ принятъ такимъ-то чиновникомъ, сложенъ въ такой-то складъ и т. д.

Мы же вполнѣ убѣждены въ томъ, что такое

рѣшеніе вопроса не только не желательно, но и совершенно неосуществимо, что оно не болѣе какъ чистая фантазія, — утопія. Можно мечтать о такомъ порядкѣ вещей, сидя у себя дома, съ перомъ въ рукахъ, но на практикѣ онъ оказывается физически невозможнымъ, такъ какъ совершенно забывается живущій въ человѣкѣ духъ независимости. Послѣдствіемъ такого, яко-бы порядка былъ бы всеобщій бунтъ: не только одна Вандея, но цѣлыхъ три или четыре, — война деревень противъ городовъ, возстаніе всей Франціи противъ того города, который осмѣлился бы навязать ей подобные приказы.*)

Довольно съ насъ якобинскихъ утопій! Посмотримъ, нельзя ли устроиться какъ-нибудь иначе.

Въ 1793-мъ году, деревня морила голодомъ большіе города и убила этимъ революцію. А между тѣмъ извѣстно, что урожай хлѣбовъ во Франціи въ 1792 — 93 годахъ не былъ меньше обыкновеннаго; и есть основанія думать (Мишле), что онъ былъ даже больше. Но, завладѣвъ значительною частью помѣщичьихъ земель и собравъ съ нихъ урожай, деревенская буржуазія не хотѣла продавать свой хлѣбъ за ассигнаціи, которыя Революція пустила въ обращеніе, а держала его у себя въ ожиданіи повышенія цѣнъ или появленія золотой монеты. И никакія, самыя строгія мѣры, принимавшіяся Конвентомъ съ цѣлью *заставить* продавать хлѣбъ, никакія казни не могли ничего подѣлать съ этой стачкой крестьянъ противъ городовъ.

*) Якобинскіе историки разсказываютъ, что Вандейское возстаніе было всецѣло дѣломъ поповъ и королевцевъ. Но правда насчетъ этого далеко еще не выяснена. Несомнѣнно, что Вандейскіе крестьяне поднялись, главнымъ образомъ, противъ военныхъ наборовъ, противъ закона, въ силу котораго общинныя, мірскія земли, имѣвшіяся въ каждой деревнѣ, должны были быть подѣлены поголовно, между одними „лошадными" хозяевами, — вообще противъ города, глупо распоряжавшагося деревней.

Между тѣмъ коммиссары Конвента, какъ извѣстно, не церемонясь, гильотинировали спекулятовъ, а народъ вѣшалъ ихъ на фонаряхъ; и все таки хлѣбъ оставался въ деревняхъ, тогда какъ городское населеніе голодало.

Но что предлагали въ то время крестьянскому населенію въ вознагражденіе за его тяжелый трудъ? Ассигнаціи! Клочки бумаги, цѣна на которые падала съ каждымъ днемъ, на которыхъ стояла цифра въ пятьсотъ ливровъ, когда они въ дѣйствительности не стоили и десяти. За билетъ въ тысячу ливровъ нельзя было купить даже пару сапогъ, и очень понятно, что крестьянинъ не хотѣлъ отдавать трудъ цѣлаго года за кусокъ бумаги, который не далъ бы ему даже возможности купить новую блузу.

И до тѣхъ поръ, пока крестьянину будутъ предлагать не имѣющіе цѣнности клочки бумаги — будутъ ли это ассигнаціи или „трудовые чеки“, — будетъ повторяться то же самое. Припасы будутъ оставаться въ деревняхъ, и городъ ихъ не получитъ, сколько бы не гильотинировали и не топили крестьянъ.

Крестьянину нужно предлагать не бумаги, а такіе предметы, въ которыхъ онъ непосредственно нуждается: вѣялку и косилку, въ которыхъ онъ теперь отказываетъ себѣ, скрѣпя сердце; одежду, которая защитила бы его отъ непогоды; лампу и керосинъ, чтобы замѣнить его лучину; заступъ, грабли, плугъ, — однимъ словомъ все то, чего онъ лишенъ теперь, не потому,чтобы онъ не чувствовалъ потребности въ этомъ, а потому что въ его жизни, полной лишеній и тяжелаго труда, множество предметовъ недоступны для него по своей цѣнѣ.

Пусть городъ примется тотчасъ же за производство того, что необходимо крестьянину, вмѣсто того, чтобы выдѣлывать разныя бездѣлушки для украшенія дамскихъ туалетовъ. Пусть парижскія

швейныя машины шьютъ, вмѣсто приданыхъ для куколъ, рабочія и праздничныя одежды для крестьянина; пусть заводы займутся выдѣлкой земледѣльческихъ машинъ, заступовъ и грабель, вмѣсто того. чтобы ждать, пока англичане пришлютъ эти вещи въ обмѣнъ на французское вино!

Пусть городъ пошлетъ въ деревню не коммиссара, опоясаннаго краснымъ или разноцвѣтнымъ шарфомъ, съ приказомъ везти припасы въ такое-то мѣсто, а пусть пошлетъ туда друзей, братьевъ, которые скажутъ крестьянамъ: „Привозите намъ свои про укты и берите изъ нашихъ складовъ все, что хотите". Тогда жизненные припасы будутъ стекаться въ городъ со всѣхъ сторонъ. Крестьянинъ оставитъ себѣ то, что ему нужно для собственнаго существованія, а остальное отошлетъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ онъ — *въ первый разъ во всей исторіи* — увидитъ не эксплуататоровъ, а братьевъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что это требуетъ полнаго переустройства общества. Для нѣкоторыхъ отраслей несомнѣнно такъ. Но есть множество такихъ отраслей, которыя смогутъ очень быстро приспособиться къ тому, чтобы доставлять крестьянину одежду, часы, мебель, утварь и простыя машины, за которыя теперь городъ заставляетъ такъ дорого платить. Ткачи, портные, сапожники, жестяники, столяры и многіе другіе могутъ безъ всякаго затрудненія оставить производство предметовъ забавы и роскоши, ради труда полезнаго. Нужно только, чтобы люди прониклись мыслью о необходимости такого преобразованія, чтобы они смотрѣли на него какъ на дѣло справедливое и прогрессивное и перестали предаваться любимымъ мечтаніямъ теоретиковъ — о томъ, что „революція должна ограничиться завладѣніемъ прибавочною стоимостью, оставивъ въ прежнемъ видѣ производство и торговлю".

Именно въ этомъ заключается, по нашему мнѣ-

нію, весь вопросъ — въ томъ, чтобы предложить крестьянину въ обмѣнъ на его продукты не клочки бумаги, — что бы ни было на нихъ написано, — а *самые предметы* потребленія, въ которыхъ онъ нуждается. Если это будетъ сдѣлано, жизненные припасы будутъ отовсюду стекаться въ города. Если этого не будетъ — мы будемъ имѣть въ городахъ голодъ со всѣми его послѣдствіями: реакціей и подавленіемъ революціоннаго движенія.

VII

Мы уже видѣли, что всѣ большіе города получаютъ хлѣбъ, муку, мясо, не только изъ провинціи, но и изъ за-границы. Въ Парижъ изъ заграницы присылаются бакалейные товары, пряности, рыба, различные продукты, составляющіе предметъ роскоши, и значительное количество хлѣба и мяса.

Но во время Революціи на заграничный ввозъ нельзя будетъ разсчитывать, или, по крайней мѣрѣ, придется полагаться какъ можно меньше. Если теперь русскій хлѣбъ, итальянскій или индійскій рисъ, а также испанскія и венгерскія вина наполняютъ западно-европейскіе рынки, то это происходитъ не оттого, что въ странахъ, вывозящихъ ихъ, этихъ продуктовъ слишкомъ много, или что они растутъ тамъ сами безъ труда, какъ сорная трава въ полѣ. Въ Россіи, напримѣръ, крестьянинъ работаетъ по шестнадцати часовъ въ сутки и голодаетъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ въ году, чтобы продать свой хлѣбъ на вывозъ и заплатить подати помѣщику и государству. Какъ только хлѣбъ собранъ, полиція уже является въ русскія села и продаетъ у крестьянина послѣднюю корову, послѣднюю лошадь, въ уплату недоимокъ и выкупныхъ платежей — если только крестьянинъ самъ уже не продалъ своего урожая скупщику, на вывозъ за границу. Такимъ образомъ крестьянинъ оставляетъ себѣ хлѣба на девять, на шесть мѣсяцевъ, а

остальное продаетъ, чтобы его корову не продали чиновники за три рубля. А затѣмъ, чтобы прожить до новаго урожая — въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ хорошій годъ и полгода въ плохой годъ— онъ примѣшиваетъ лебеду въ свой хлѣбъ, въ то время какъ въ Лондонѣ лакомятся бисквитами изъ его муки. Теперь хорошо извѣстно изъ самихъ казенныхъ статистикъ, что если бы изъ Европейской Россіи не вывозили ни одного пуда ржи и пшеницы, то ихъ было бы ровно столько, сколько нужно на прокормленіе населенія.

Но какъ только произойдетъ революція въ Россіи, русскій крестьянинъ оставитъ свой хлѣбъ для себя и для своихъ дѣтей. Итальянскіе и венгерскіе крестьяне сдѣлаютъ то же самое и будемъ надѣяться, что этому примѣру послѣдуютъ и индусы. Даже въ Америкѣ производство пшеницы сократится, если только и тамъ начнется рабочее движеніе. Слѣдовательно на привозъ хлѣба и кукурузы изъ заграницы плохой будетъ разсчетъ.

Вся наша буржуазная цивилизація основана на эксплуатаціи низшихъ расъ и странъ съ отсталою промышленностью, и первымъ благодѣяніемъ революціи будетъ то, что она позволитъ освободиться этимъ, такъ-называемымъ, низшимъ расамъ, отъ ихъ, яко-бы цивилизованныхъ благодѣтелей. Но это освобожденіе будетъ имѣть послѣдствіемъ значительное уменьшеніе притока жизненныхъ припасовъ въ большіе западно-европейскіе города.

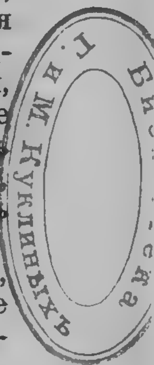
* * *

Относительно внутреннихъ дѣлъ, предсказать что-нибудь оказывается труднѣе.

Съ одной стороны, крестьянинъ несомнѣнно воспользуется революціей, чтобы распрямить свою спину, согнутую надъ землею. Вмѣсто того, чтобы работать по четырнадцати и шестнадцати часовъ, какъ теперь, онъ совершенно справедливо захочетъ

отдыхать половину этого времени, что можетъ повести къ уменьшенію производства главныхъ жизненныхъ продуктовъ — хлѣба и мяса.

Но съ другой стороны, производство, наоборотъ, усилится отъ того, что крестьянину не придется больше работать на тунеядцевъ. Будутъ расчищены новыя земли, будутъ пущены въ ходъ новыя, болѣе совершенныя машины. — „Никогда еще земля не была такъ хорошо вспахана, какъ въ 1792 году, когда крестьянинъ получилъ ту землю, которой такъ давно желалъ," говоритъ Мишле въ своей исторіи Великой Революціи.

Черезъ очень короткій промежутокъ времени, когда усовершенствованныя машины и химическое и всякое другое удобреніе станутъ доступны общинамъ, каждый крестьянинъ сможетъ вести усовершенствованную, усиленную, интенсивную культуру. Но въ началѣ есть основаніе думать, что, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ, произойдетъ уменьшеніе количества земледѣльческихъ продуктовъ.

Благоразумнѣе поэтому предполагать, что привозъ продуктовъ, какъ изъ мѣстностей внутри страны, такъ и изъ заграницы, въ общемъ уменьшится.

Какъ же пополнить этотъ недостатокъ?

Очень просто: Замѣнить недостающее собственными силами! Нечего искать въ туманѣ разрѣшенія вопроса, когда оно такъ просто.

Большіе города должны заняться обработкой земли, подобно деревнямъ. Нужно вернуться къ тому, что называется въ біологіи „интеграціей функцій". Послѣ того какъ установлено раздѣленіе труда, приходится „интегрировать", соединять; таковъ ходъ вещей во всей природѣ.

Впрочемъ, помимо всякой философіи, самое теченіе событій несомнѣнно приведетъ къ этому. Если только Парижъ узнаетъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ долженъ остаться безъ хлѣба, онъ займется обработкой земли.

Но откуда взять землю? — Въ землѣ недостатка не будетъ. Большіе города, а Парижъ въ особенности — окружены парками богатыхъ собственниковъ, милліонами десятинъ, которые только и ждутъ того, чтобы разумный трудъ земледѣльца превратилъ ихъ въ плодородныя поля, гораздо болѣе плодородныя, чѣмъ южно-русскія степи, покрытыя черноземомъ, но выжженыя солнцемъ.

Рабочія руки? Но чѣмъ же будутъ заниматься два милліона парижанъ, когда имъ не нужно будетъ больше наряжать и занимать русскихъ князей, румынскихъ бояръ и женъ берлинскихъ финансистовъ?

Благодаря созданнымъ нашимъ вѣкомъ машинамъ, благодаря уму и техническимъ знаніямъ рабочихъ, опытныхъ въ дѣлѣ пользованія усовершенствованными орудіями, имѣя къ своимъ услугамъ изобрѣтателей, химиковъ, ботаниковъ, профессоровъ въ Jardin des Plantes и огородниковъ изъ Gennevilliers,*) пользуясь всѣми средствама для увеличенія числа существующихъ машинъ и испробованія новыхъ; наконецъ, благодаря организаторскому духу, энергіи и предпріимчивости парижскаго населенія — земледѣльческій трудъ парижской анархической коммуны будетъ совершенно иной, чѣмъ работа современныхъ крестьянъ гдѣ-нибудь въ Арденнахъ.

Паръ, электричество, солнечная теплота и сила вѣтра очень скоро будутъ пущены въ дѣло. Паровые плуги, машины для очистки земли отъ камней быстро выполнятъ всю подготовительную работу, и земля, размягченная и удобренная, будетъ только ждать разумнаго труда человѣка — особенно женщины — чтобы покрыться тщательно выращенными расте-

*) Gennevilliers — громадныя поля около Парижа, орошаемыя водою изъ водосточныхъ трубъ, на которыхъ тысячи огородниковъ разводятъ всевозможныя овощи, сбываемыя въ Парижѣ и вывозимыя даже въ Англію.

ніями, которыхъ будутъ снимать по три и по четыре жатвы въ годъ.

Учась садоводству, подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ, имѣя возможность пробовать на спеціально отведенныхъ мѣстахъ всевозможные способы обработки, соперничая между собою для достиженія наилучшихъ результатовъ и при этомъ черпая въ физическомъ трудѣ — не въ непосильномъ и чрезмѣрномъ трудѣ — тѣ силы, которыхъ такъ часто не хватаетъ жителямъ большихъ городовъ, мужчины, женщины и дѣти съ радостью займутся полевыми работами, которыя перестанутъ быть каторжнымъ трудомъ и превратятся въ удовольствіе, въ праздникъ, въ обновленіе человѣческаго существа.

„Безплодныхъ земель нѣтъ! Чего стоитъ человѣкъ, того стоитъ земля!“ — таково послѣднее слово современнаго земледѣлія. Земля даетъ все, чего отъ нея потребуютъ; нужно только требовать умѣючи.

На практикѣ, даже такой небольшой территоріи, какъ два округа — Сены и Сены съ Уазой — было бы достаточно для того, чтобы пополнить недостачи, вызванныя революціей, даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Парижъ.

Коммунистическая община, если она рѣшительно станетъ на путь экспропріаціи, несомнѣнно приведетъ насъ къ этому соединенію земледѣлія съ промышленностью, — къ тому, что человѣкъ будетъ заниматься и тѣмъ и другимъ одновременно.

Пусть только она вступитъ на этотъ путь: съ голоду она уже навѣрное не погибнетъ! Опасность лежитъ вовсе не въ этомъ: она лежитъ въ умственной трусости, въ предразсудкахъ, въ полумѣрахъ.

Опасность тамъ, гдѣ ее видѣлъ Дантонъ, когда говорилъ Франціи: „Смѣлости, смѣлости, больше смѣлости!“ — особенно смѣлости умственной, за которой не замедлитъ послѣдовать и смѣлость воли.

Жилища.

Всякій, кто внимательно присматривался къ настроенію умовъ у рабочихъ, несомнѣнно замѣтилъ, что есть одинъ важный вопросъ, по которому во Франціи мало по малу устанавливается общее соглашеніе. Это — вопросъ о жилыхъ домахъ. Въ большихъ французскихъ городахъ (и даже во многихъ маленькихъ) рабочіе приходятъ понемногу къ убѣжденію, что жилые дома, въ дѣйствительности, нисколько не составляютъ собственности тѣхъ, кого государство признаетъ ихъ собственниками, а на дѣлѣ должны бы принадлежать всѣмъ жителямъ города. Такой поворотъ въ умахъ несомнѣнно совершается, такъ что увѣрить народъ въ справедливости права собственности на жилые дома теперь уже трудно.

Не собственникъ строилъ домъ; его строили, украшали и отдѣлывали сотни рабочихъ, которыхъ голодъ толкалъ на работу, а необходимость существовать заставляла довольствоваться жалкимъ заработкомъ.

Деньги, затраченныя этимъ, якобы, собственникомъ, точно также не были продуктомъ его труда. Онъ накопилъ ихъ такъ, какъ накопляется всякое богатство, т. е. уплачивая рабочимъ всего двѣ трети или даже половину того, что ими сработано.

Наконецъ — и здѣсь нелѣпость права собственника всего очевиднѣе — цѣнность дома зависитъ

отъ дохода, который получитъ съ него хозяинъ дома; доходъ же зависитъ отъ того, что данный домъ выстроенъ въ городѣ съ мощеными улицами, освѣщенномъ газомъ, имѣющемъ правильныя сообщенія съ другими городами; что въ этомъ городѣ находятся различныя промышленныя заведенія, и существуютъ учрежденія, служащія наукѣ и искусству; что въ немъ есть мосты, набережныя, конки, которые доставляютъ жителямъ множество удобствъ; совершенно неизвѣстныхъ въ деревнѣ, есть театры, музеи, гулянья, которые служатъ источниками удовольствія; однимъ словомъ, доходъ дома зависитъ отъ того, что двадцать или тридцать поколѣній работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать этотъ городъ обитаемымъ, здоровымъ и красивымъ центромъ промышленной и умственной жизни.

Въ нѣкоторыхъ кварталахъ Парижа каждый домъ стоитъ милліонъ или болѣе рублей, не потому, чтобы въ его стѣнахъ заключалось на милліонъ работы, а потому, что онъ находится именно въ Парижѣ, что въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ поколѣнія рабочихъ, артистовъ, мыслителей, ученыхъ и литераторовъ содѣйствовали тому, чтобы сдѣлать Парижъ тѣмъ, что онъ представляетъ теперь, т. е. промышленнымъ, торговымъ, политическимъ, артистическимъ и научнымъ центромъ; потому что у этого города есть прошлое, что его улицы извѣстны, благодаря литературѣ, какъ въ провинціи, такъ и за границей, что онъ — продуктъ труда восемнадцати вѣковъ, пятидесяти поколѣній всей французской націи. То же самое справедливо относительно всякой другой столицы.

Кто же имѣетъ право, въ такомъ случаѣ, присвоить себѣ хотя бы малѣйшій клочекъ этой земли, или самую ничтожную изъ этихъ построекъ, не совершая тѣмъ самымъ вопіющей несправедливости? Кто имѣетъ право продавать кому бы то ни было хотя бы малѣйшую долю этого общаго наслѣдія?

Какъ мы уже говорили, среди рабочихъ въ этомъ отношенiи устанавливается мало по малу соглашенiе, и идея дарового жилища обнаружилась уже во время первой осады Парижа (нѣмцами въ 1871-мъ году), когда населенiе требовало, чтобы съ него были прямо сложены всѣ долги хозяевамъ квартиръ. Та же мысль проявилась и во время Коммуны 1871 года, когда рабочiе ждали отъ Совѣта Коммуны рѣшительныхъ мѣръ съ цѣлью упраздненiя квартирной платы. И когда снова вспыхнетъ революцiя, та же самая мысль будетъ первой заботой бѣдняка.

Въ революцiонное ли, въ мирное ли время — рабочему всегда нуженъ кровъ, нужно жилище. Но какъ бы плохо и какъ бы нездорово это жилище не было, всегда есть хозяинъ, который можетъ его оттуда выгнать. Правда, во время революцiи въ распоряженiи хозяина не будетъ судебнаго пристава, не будетъ полицейскихъ, которые выбросятъ вашъ скарбъ на улицу. Но кто знаетъ, — не захочетъ ли завтра новое правительство — какимъ бы революцiоннымъ оно себя не заявляло — вновь возстановить эту силу и вновь отдать ее въ распоряженiе домохозяина? Правда, Коммуна объявила уничтоженiе всѣхъ долговъ за квартиры по 1-ое апрѣля — но только по 1-ое апрѣля!*) А затѣмъ опять-таки пришлось бы платить, несмотря на то, что въ Парижѣ все было перевернуто вверхъ дномъ, что промышленность прiостановилась, и у революцiонера не было ничего кромѣ тридцати су (пятидесяти копѣекъ) въ день, выплачиваемыхъ ему Коммуной!

А между тѣмъ нужно, чтобы рабочiй зналъ, что если онъ не платитъ за квартиру, то не только

---

*) Декретъ отъ 30-го марта; въ силу этого закона прощались платежи, слѣдовавшiе съ квартирантовъ въ октябрѣ 1870-го года, а также 1-го января и 1-го апрѣля 1871-го года.

изъ попущенія. Нужно, чтобы онъ зналъ, что даровое жилище признано за нимъ, какъ право, — что оно установлено общимъ согласіемъ, какъ право, открыто провозглашенное народомъ.

Неужели же мы будемъ ожидать, чтобы эта мѣра, всецѣло отвѣчающая чувству справедливости всякаго честнаго человѣка, была принята тѣми соціалистами, которые войдутъ вмѣстѣ съ буржуа въ новое временное правительство? Долго прождали бы мы такимъ образомъ — до самаго возврата реакціи!

Вотъ почему искренніе революціонеры, которые откажутся отъ всякихъ оффиціальныхъ шарфовъ и фуражекъ съ галунами, отъ всякихъ знаковъ власти и подчиненія — и останутся среди народа, какъ часть его, будутъ вмѣстѣ съ народомъ работать для того, чтобы экспропріація домовъ стала совершившимся фактомъ. Они постараются создать движеніе въ этомъ направленіи и примѣнить эту мѣру на практикѣ; т. е., когда эти мысли созрѣютъ, народъ произведетъ экспропріацію домовъ, наперекоръ всѣмъ теоріямъ вознагражденія собственниковъ и тому подобной чепухѣ, которою всякіе охотники до теорій постараются затормазить дѣло.

Въ тотъ день, когда экспропріація домовъ совершится, — рабочій пойметъ, что дѣйствительно настали новыя времена, что ему уже не придется склонять голову передъ богатыми и сильными, что Равенство открыто провозглашено, что Революція совершается на дѣлѣ, а не остается простою перемѣною государственныхъ театральныхъ декорацій, какъ это не разъ бывало раньше.

II

Если только мысль о необходимости отобрать дома созрѣетъ въ народѣ, ея осуществленіе на практикѣ вовсе не встрѣтитъ тѣхъ непреодолимыхъ

препятствій, которыми насъ обыкновенно пугаютъ.

Правда, люди, которые нарядятся въ мундиры и займутъ вакантныя мѣста въ министерствахъ и въ Городской Думѣ, постараются увеличить число такихъ препятствій. Они начнутъ толковать о вознагражденіи собственниковъ, о необходимости точнѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній и начнутъ составлять длиннѣйшіе доклады — такіе длинные, что дѣло могло бы протянуться до того времени, пока подавленный нуждою и безработицею народъ, не видя ничего впереди и потерявъ всякую вѣру въ революцію, не предоставитъ полной свободы дѣйствія реакціонерамъ.

Объ этотъ подводный камень, дѣйствительно, можетъ разбиться вся живая сила. Но если народъ не поддастся на этого рода увѣщанія, если онъ пойметъ, что новый строй жизни требуетъ новыхъ средствъ, и возьметъ дѣло въ свои руки — тогда экспропріація сможетъ осуществиться безъ особыхъ затрудненій.

„Но какъ именно? Какимъ образомъ можно ее осуществить?“ спросятъ у насъ. — Мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ, но съ одной предварительной оговоркой. Мы не хотимъ рисовать плановъ экспропріаціи въ ихъ мельчайшихъ подробностяхъ; мы знаемъ заранѣе, что жизнь опередитъ все, что могутъ предложить въ настоящее время личности или группы. Она, какъ мы уже говорили, сдѣлаетъ дѣло лучше и проще, чѣмъ всѣ наши заранѣе прописанныя программы.

Поэтому, когда мы намѣчаемъ способъ, которымъ *можно было бы* осуществить экспропріацію безъ государственнаго вмѣшательства, мы хотимъ только отвѣтить тѣмъ, кто заранѣе объявляетъ это невозможнымъ. Но мы предупреждаемъ, что ни въ какомъ случаѣ не имѣемъ въ виду проповѣдывать тотъ или другой способъ организаціи дѣла какъ наилучшій. Все, чего мы хотимъ, это — показать,

что экспропріація *можетъ* быть дѣломъ народной инициативы и *не можетъ* быть ничѣмъ другимъ.

По всей вѣроятности, съ самыхъ первыхъ шаговъ народной экспропріаціи создадутся въ каждомъ кварталѣ, въ каждой улицѣ, въ каждой группѣ домовъ, группы добровольцевъ, которые предложатъ свои услуги для собиранія нужныхъ справокъ о числѣ свободныхъ квартиръ, о такихъ квартирахъ, въ которыхъ тѣснятся большія семьи, о квартирахъ нездоровыхъ и квартирахъ слишкомъ просторныхъ для живущихъ въ нихъ, а слѣдовательно могущихъ быть занятыми тѣми, кто тѣснится въ лачугахъ. Въ нѣсколько дней эти добровольцы составятъ для данной улицы или для даннаго квартала полные списки этихъ квартиръ, здоровыхъ и нездоровыхъ, тѣсныхъ и просторныхъ, жилищъ, которыя служатъ источниками заразъ и жилищъ роскошныхъ.

Они сообщатъ другъ другу эти списки и черезъ короткій промежутокъ времени составятся такимъ образомъ полныя статистическія таблицы. Ложныя статистическія свѣдѣнія можно сочинять, сидя въ канцеляріи, но статистика правдивая и полная можетъ быть только дѣломъ каждой отдѣльной личности; и въ этомъ нужно, слѣдовательно, опять-таки идти отъ простого къ сложному.

Ничего ни откуда не ожидая, эти граждане отправятся, вѣроятно, къ товарищамъ, живущимъ по трущобамъ и скажутъ имъ: „Ну, на этотъ разъ, товарищи, — настоящая революція. Приходите сегодня вечеромъ въ такое-то мѣсто. Тамъ будетъ весь кварталъ: будутъ дѣлить квартиры. Если вы не хотите оставаться въ своей лачугѣ, вы выберите себѣ одну изъ квартиръ въ четыре или пять комнатъ, которыя окажутся свободными. А когда вы переѣдете, это будетъ дѣло конченое и тотъ, кто вздумаетъ васъ оттуда выгонять, будетъ имѣть дѣло съ вооруженнымъ народомъ!“

— „Но, въ такомъ случаѣ, каждый захочетъ имѣть квартиру въ двадцать комнатъ!“ — скажутъ намъ. Вовсе нѣтъ! Хотя бы уже по той простой причинѣ, что малой семьѣ большая квартира не съ руки. Чистить и топить двадцать комнатъ можно только, когда есть куча рабовъ. Но — помимо того — народъ никогда не требовалъ невозможнаго. Напротивъ, всякій разъ, когда мы видимъ, что дѣлается попытка возстановить справедливость между людьми, намъ приходится удивляться здравому смыслу и чувству справедливости народной массы. Слышали-ли мы когда-нибудь во время революціи неисполнимыя требованія народа? Случалось-ли когда-нибудь, чтобы въ Парижѣ, во время выдержанныхъ имъ осадъ, люди дрались изъ за своей порціи хлѣба или дровъ? Наоборотъ, они ждали своей очереди съ терпѣніемъ, которому не могли надивиться корреспонденты иностранныхъ газетъ, а между тѣмъ всѣ знали, что тотъ, кто придетъ послѣднимъ, не получитъ въ этотъ день ни хлѣба, ни топлива.

Конечно, въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ нашемъ обществѣ, живетъ предостаточное количество себялюбивыхъ наклонностей, и мы это отлично знаемъ. Но мы знаемъ точно также и то, что поручить квартирный вопросъ какой-нибудь канцеляріи, было бы лучшимъ средствомъ пробудить и усилить эту жадность. Тогда, дѣйствительно, всѣ дурныя страсти получили бы полный просторъ; всѣ стали бы бороться за то, кому выпадетъ въ канцеляріи наибольшая доля вліянія. Малѣйшее неравенство вызвало бы крики негодованія, малѣйшее преимущество, отданное одному передъ другимъ, заставило бы — и не безъ основанія — кричать о взяткахъ.

Но если самъ народъ возьмется, сгруппировавшись по улицамъ, по кварталамъ, по округамъ, за переселеніе обитателей трущобъ въ слишкомъ про-

сторныя квартиры богатыхъ людей, мелкія неудобства или незначительныя неравенства будутъ приниматься очень легко. Къ хорошимъ инстинктамъ массъ обращались очень рѣдко. Это случалось, впрочемъ, иногда, во время революцій — когда нужно было спасать тонущій корабль — и никогда еще этотъ призывъ не оставался тщетнымъ: рабочій всегда отзывался на него съ самоотверженіемъ.

То же произойдетъ и въ будущей революціи.

Несмотря на все это, будутъ однако, по всей вѣроятности и нѣкоторыя проявленія несправедливости, и избѣжать ихъ невозможно. Въ нашемъ обществѣ есть такіе люди, которыхъ никакое великое событіе не можетъ вывести изъ ихъ эгоистической колеи. Но вопросъ не въ томъ, будутъ ли случаи несправедливости или нѣтъ: вопросъ въ томъ, — какъ уменьшить по возможности ихъ число?

И вотъ на этотъ-то вопросъ вся исторія, весь опытъ человѣчества, точно также, какъ и вся психологія обществъ, отвѣчаютъ, что наилучшее средство, это — поручить дѣло самимъ заинтересованнымъ лицамъ. Только они одни могутъ принять во вниманіе и устроить тысячи различныхъ подробностей, неизбѣжно ускользающихъ отъ какой бы то ни было бюрократической регламентаціи. Всѣ мы знаемъ, какъ сельскія общины дѣлятъ землю между тяглами. Несправедливости бываютъ; но что было бы, если бы этотъ дѣлежъ предоставленъ былъ чиновникамъ? — Онъ просто сталъ бы невозможенъ.

III

Къ тому же рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы квартиры были распредѣлены совершенно поровну. Но тѣ мелкія неудобства, которыя еще придется терпѣть нѣкоторымъ семьямъ, будутъ легко устранимы въ обществѣ, гдѣ происходитъ экспропріація.

Разъ только каменьщики, каменотесы и другіе рабочіе строительнаго дѣла будутъ знать, что ихъ существованіе обезпечено, они съ удовольствіемъ согласятся приняться за привычную для нихъ работу. Они передѣлаютъ большія квартиры, для которыхъ требовалась цѣлая армія прислуги и въ нѣсколько мѣсяцевъ воздвигнутъ дома, гораздо болѣе здоровые чѣмъ тѣ, которые существуютъ теперь. Тѣмъ же, которые устроятся не вполнѣ удобно, анархическая община сможетъ сказать: „Потерпите, товарищи! Здоровые, удобные и красивые дворцы, превосходящіе все, что строили когда-нибудь капиталисты, будутъ скоро воздвигнуты на землѣ нашего свободнаго города. Они будутъ въ распоряженіи тѣхъ, кто въ нихъ наиболѣе нуждается. Анархическая община строитъ не съ цѣлью получать доходъ; зданія, которыя она воздвигаетъ для своихъ гражданъ и которыя составляютъ продуктъ коллективнаго духа, послужатъ образцомъ всему человѣчеству, — и они будутъ принадлежать вамъ!“

Если возставшій народъ экспропріируетъ дома и провозгласитъ принципъ дарового жилища, общую собственность на жилыя помѣщенія и право каждой семьи на здоровую квартиру, это будетъ значить, что революція приняла съ самаго начала коммунистическій характеръ и вступила на такой путь, съ котораго ее свести будетъ не легко. Частной собственности будетъ нанесенъ навсегда смертельный ударъ.

Экспропріація домовъ заключаетъ, такимъ образомъ, въ зародышѣ всю соціальную революцію. Отъ того, какъ она произойдетъ, будетъ зависѣть дальнѣйшій характеръ событій. Или мы откроемъ широкій путь анархическому коммунизму, или мы застрянемъ еще на полъ-вѣка въ государственномъ индивидуализмѣ.

Легко предвидѣть многочисленныя возраженія,

которыя намъ станутъ дѣлать — одни теоретическаго характера, другія — чисто практическія.

Такъ какъ всѣ эти возраженія будутъ клониться къ поддержанію, во что бы то ни стало, несправедливаго порядка вещей, то намъ, конечно, будутъ возражать во имя справедливости. „Не возмутительно ли, скажутъ намъ, что парижане захватятъ всѣ хорошіе дома, а крестьянамъ предоставятъ однѣ лачуги?“ Но не будемъ смущаться этимъ: эти ярые сторонники крайней справедливости забываютъ, благодаря особенному, свойственному имъ, способу разсужденія, о той вопіющей несправедливости, защитниками которой они являются. Они забываютъ, что и въ самомъ Парижѣ рабочій, со своей семьей, задыхается въ трущобѣ, изъ окна которой ему виденъ дворецъ богача. Они забываютъ, что въ слишкомъ густо населенныхъ кварталахъ цѣлыя поколѣнія гибнутъ отъ недостатка воздуха и солнца, и что устраненіе этой несправедливости должно быть первою обязанностью Революціи.

Но не будемъ останавливаться на этихъ не безкорыстныхъ возраженіяхъ. Мы знаемъ, что то неравенство, которое еще будетъ продолжать существовать между Парижемъ и деревней,— неравенство такого рода, что оно будетъ съ каждымъ днемъ уменьшаться. Какъ только крестьянинъ перестанетъ быть вьючнымъ животнымъ фермера, фабриканта, ростовщика и Государства, деревня точно также не замедлитъ устроить себѣ болѣе здоровыя помѣщенія, чѣмъ существующія теперь. Неужели же, для избѣжанія временной и поправимой несправедливости мы удержимъ несправедливость цѣлыхъ вѣковъ?

Не болѣе сильны и такъ-называемыя практическія возраженія.

„Вотъ, напримѣръ,“ говорятъ намъ, „какой-нибудь бѣднякъ, которому удалось, цѣною ряда лишеній

пріобрѣсти домъ, достаточно просторный для него и для его семьи. Онъ вполнѣ счастливъ въ немъ; неужели же вы выгоните его на улицу?“

— Конечно, нѣтъ! Если его дома хватаетъ только для помѣщенія его семьи, пусть себѣ и живетъ въ немъ на здоровье; пусть копается въ своемъ садикѣ! Въ случаѣ надобности наши же молодцы помогутъ ему. Но если въ его домѣ есть квартира, которую онъ сдаетъ какому-нибудь жильцу, то народъ скажетъ этому жильцу: „Вы знаете, товарищъ, что вы больше ничего не должны вашему старику? Живите въ своей квартирѣ и не платите больше ничего: теперь нечего бояться, что полиція вышвырнетъ васъ на улицу; теперь — соціальная революція!“

И если хозяинъ дома занимаетъ одинъ двадцать комнатъ, а въ томъ же кварталѣ есть мать съ пятью дѣтьми, живущая въ одной комнатѣ, то народъ пойдетъ и посмотритъ, не найдется ли среди этихъ двадцати комнатъ нѣсколько такихъ, изъ которыхъ, послѣ нѣкоторыхъ передѣлокъ, могла бы выйти порядочная квартирка для этой матери. Развѣ это не будетъ справедливѣе, чѣмъ оставить ее въ ея трущобѣ, а откормленнаго богача — въ его дворцѣ? Этотъ послѣдній скоро, впрочемъ, привыкнетъ къ своему новому положенію, а его жена будетъ даже очень рада избавиться отъ половины своей квартиры, когда у нея не будетъ больше пяти-шести служанокъ.

— „Но вѣдь это будетъ полный хаосъ!“ кричатъ защитники порядка. „Это значитъ переѣзды безъ конца! Ужъ лучше прямо выгнать всѣхъ на улицу и затѣмъ брать квартиры по жребію!“ Мы увѣрены, однако, что если въ это дѣло не вмѣшается никакое правительство, а все будетъ предоставлено группамъ, свободно образовавшимся съ этою цѣлью, то число переѣздовъ съ квартиры на квартиру будетъ меньше, чѣмъ число людей, которые

теперь переѣзжаютъ въ теченіе одного года вслѣдствіе жадности собственниковъ домовъ.

Во-первыхъ, во всѣхъ большихъ городахъ есть столько свободныхъ квартиръ, что ихъ, можетъ быть, хватило бы для помѣщенія всѣхъ обитателей трущобъ. Что касается дворцовъ и роскошныхъ квартиръ, то многія рабочія семьи даже вовсе не захотятъ ихъ, потому что ими можно пользоваться только тогда, когда для ихъ уборки существуетъ многочисленная прислуга. Ихъ обладателямъ скоро пришлось бы, поэтому, искать себѣ менѣе роскошныхъ помѣщеній, въ которыхъ разныя банкирши сами готовили бы себѣ кушанье. Мало по малу, такимъ образомъ, населеніе размѣстится въ существующихъ квартирахъ, совершенно мирно и по возможности безъ лишнихъ непріятностей, — причемъ не будетъ никакой надобности переселять банкира, подъ конвоемъ, на чердакъ, а обитателя чердака — во дворецъ банкира. Развѣ крестьянскія общины не распредѣляютъ свои поля съ такимъ незначительнымъ безпокойствомъ для владѣтелей отдѣльныхъ дѣлянокъ, что остается только удивляться здравому смыслу и разумности употребляемыхъ для этого пріемовъ? Русская община — какъ доказываютъ цѣлые томы изслѣдованій — производитъ меньше перемѣщеній съ одного участка земли на другой, чѣмъ частная собственность съ ея судебными разбирательствами. Отчего-же жители большого города должны непремѣнно оказаться глупѣе или неспособнѣе къ организаціи, чѣмъ русскіе или индійскіе крестьяне!

Всякая революція, впрочемъ, неизбѣжно предполагаетъ нѣкоторое нарушеніе хода ежедневной жизни, и если кто-нибудь надѣется пережить крупный общественный кризисъ, ни разу не нарушивъ своего обѣда, то ему, конечно, грозитъ разочарованіе. Можно измѣнить форму правленія такъ, чтобы буржуа ни разу не пропустилъ часъ своего

обѣда, но такъ не исправишь вѣкового преступленія общества по отношенію къ его кормильцамъ.

Что извѣстное безпокойство будетъ, это — несомнѣнно; нужно только, чтобы оно не было напраснымъ и чтобы оно было доведено до возможнаго минимума. И опять-таки — напомнимъ объ этомъ еще разъ — для того, чтобы сумма неудобствъ оказалась наименьшей, нужно обратиться не ко всякимъ канцеляріямъ, а къ самимъ заинтересованнымъ лицамъ.

Когда народу приходится подавать голоса за всякихъ пройдохъ, добивающихся чести быть его представителями и претендующихъ на то, что они все знаютъ, все сдѣлаютъ и все устроятъ, онъ, конечно, дѣлаетъ ошибку за ошибкою. Но когда ему приходится организовывать то, что онъ знаетъ и что его непосредственно касается, онъ исполняетъ это лучше всякихъ чиновниковъ. Развѣ мы не видѣли этого во время парижской Коммуны, или во время недавней лондонской стачки въ гавани? И не видимъ ли мы того же самаго ежедневно въ каждой крестьянской общинѣ?

Одежда.

Если дома станутъ общею собственностью города, а въ пользованіе пищевыми продуктами будетъ введено распредѣленіе, то придется сдѣлать и еще одинъ шагъ впередъ. Неизбѣжно явится вопросъ объ одеждѣ и опять-таки единственный способъ разрѣшить его, это — завладѣть, отъ имени народа, всѣми магазинами одежды, открыть настежъ ихъ двери, предоставивъ каждому брать все, что ему нужно. Общая собственность на одежду, право для каждаго брать изъ магазиновъ или изъ мастерскихъ то, въ чемъ онъ нуждается, станетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ приложенія коммунистическаго принципа къ домамъ и съѣстнымъ припасамъ.

Само собою разумѣется, что для этого намъ не будетъ надобности отбирать у всѣхъ гражданъ ихъ пальто, а затѣмъ складывать ихъ въ кучу и тянуть жребій — какъ увѣряютъ наши остроумные и изобрѣтательные критики. Пусть у каждаго остается его пальто — если оно у него есть, и очень вѣроятно, что если даже у него ихъ окажется десять, никто не подумаетъ отнять ихъ у него. Каждый предпочтетъ новую одежду той, которую буржуа уже обносилъ, и новой одежды окажется столько, что не будетъ надобности прибѣгать къ поношеному платью.

Если бы мы собрали свѣдѣнія о количествѣ одежды, сложенной въ магазинахъ большихъ горо-

довъ, то мы, вѣроятно, увидѣли бы, что въ Парижѣ, Ліонѣ, Бордо и Марсели ея находится достаточно для того, чтобы Коммуна могла доставить нужную одежду каждому изъ своихъ гражданъ и гражданокъ. Но если бы готоваго платья не хватило, или если бы часть гражданъ не нашла подходящаго для себя платья, общинныя мастерскія быстро пополнили бы этотъ пробѣлъ. Мы знаемъ, въ самомъ дѣлѣ, съ какою невѣроятною скоростью работаютъ теперь мастерскія, снабженныя усовершенствованными машинами и организованныя для производства въ большихъ размѣрахъ.

— „Но тогда всѣ захотятъ имѣть соболью шубу, и каждая женщина потребуетъ бархатнаго платья!" воскликнутъ, конечно, наши противники.

Искренно говоря, мы этого не думаемъ. Не всякій любитъ бархатъ, и не всякій мечтаетъ о собольей шубѣ. Даже если бы мы теперь предложили каждой изъ парижанокъ выбрать себѣ платье, то навѣрное нашлось бы много такихъ, которыя предпочли бы простую одежду всѣмъ необыкновеннымъ украшеніямъ модныхъ барынь.

Притомъ-же вкусы мѣняются соотвѣтственно данной минутѣ и несомнѣнно, что въ моментъ революціи господствовать будутъ вкусы простые. Общество, какъ и отдѣльныя личности, переживаетъ времена полнаго упадка нравовъ, но у него бываютъ также и минуты героизма. Какъ бы низко оно ни падало въ такія времена, когда оно погрязаетъ, какъ теперь, въ преслѣдованіи мелкихъ и ограниченныхъ личныхъ интересовъ, — въ великія эпохи оно мѣняетъ свою физіономію. У него бываютъ минуты благородства, минуты увлеченія. Искренніе люди пріобрѣтаютъ тогда вліяніе, которое теперь принадлежитъ плутамъ и ловкимъ дѣльцамъ. Совершаются акты самоотверженія, великіе примѣры находятъ себѣ подражателей, даже эгоистамъ совѣстно становится оставаться позади

другихъ и они волею-неволею присоединяются къ общему хору людей великодушныхъ и смѣлыхъ.

Великая революція 1793 года изобилуетъ примѣрами этого рода. Въ такіе-то именно кризисы нравственнаго возрожденія — настолько же естественные для общества, какъ и для отдѣльныхъ личностей — и обнаруживаются тѣ высокіе порывы, которые двигаютъ человѣчество впередъ на пути прогресса.

Мы вовсе не хотимъ преувеличивать вѣроятную роль прекрасныхъ чувствъ и не на нихъ мы основываемъ нашъ общественный идеалъ. Но нисколько не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что подъемъ этихъ чувствъ поможетъ намъ пережить первые, наиболѣе трудные, моменты. Мы не можемъ разсчитывать на продолжительность такихъ порывовъ самоотверженія въ ежедневной жизни, но мы можемъ ожидать ихъ въ началѣ, а это — все, что нужно. Именно въ ту минуту, когда придется расчищать почву отъ навоза, накопленнаго вѣками рабства и угнетенія, именно тогда анархическому обществу и понадобится этотъ подъемъ братскихъ чувствъ. Впослѣдствіи оно сможетъ существовать и не обращаясь ни къ чьему самопожертвованію, потому что оно уже успѣетъ уничтожить угнетеніе и создать новое общество, дающее просторъ всѣмъ чувствамъ солидарности, а экономически — направленное на удовлетвореніе потребностей всѣхъ.

Кромѣ того, если революція приметъ именно то направленіе, о которомъ мы говоримъ, свободный личный починъ поможетъ намъ избѣгнуть всякихъ помѣхъ со стороны эгоистовъ. На каждой улицѣ, въ каждомъ кварталѣ, смогутъ организоваться группы, которыя возьмутъ на себя заботу объ одеждѣ. Онѣ составятъ инвентарь всего, имѣющагося въ возставшемъ городѣ и будутъ приблизительно знать, какими рессурсами онъ въ этомъ отношеніи распо-

лагаетъ. И очень вѣроятно, что граждане примутъ относительно одежды то же правило, какъ и относительно пищевыхъ продуктовъ: „право свободно брать все, что находится въ изобиліи, и распредѣленіе того, что имѣется лишь въ ограниченномъ количествѣ."

Не имѣя возможности доставить каждому гражданину соболью шубу и каждой гражданкѣ — бархатное платье, общество установитъ, вѣроятно, различіе между излишнимъ и необходимымъ, и зачислитъ — по крайней мѣрѣ временно — бархатныя платья и соболій мѣхъ въ число предметовъ излишнихъ, откладывая на будущее вопросъ о томъ, нельзя ли сдѣлать предметомъ всеобщаго потребленія то, что теперь составляетъ предметъ роскоши. Обезпечивъ каждому изъ жителей анархическаго города необходимое, можно будетъ затѣмъ предоставить дѣятельности частныхъ лицъ заботу о томъ, чтобы дать слабымъ и больнымъ то, что временно будетъ считаться предметомъ роскоши, доставить менѣе крѣпкимъ то, что не можетъ быть предметомъ ежедневнаго употребленія всѣхъ.*)

„Но вѣдь это значитъ подвести всѣхъ подъ

---

*) Тутъ, человѣчеству откроется невѣроятно-широкое поприще для изобрѣтенія. Возьмите, напримѣръ, шолкъ. Впродолженіе тысячелѣтій шолкъ (а слѣдовательно и бархатъ) считался предметомъ высокой роскоши. Страны, гдѣ ростетъ шелковица, ограничены извѣстною полосою; уходъ за шелковичнымъ червемъ труденъ, и т. д. Теперь дѣлаютъ шолкъ изъ древесной массы на фабрикахъ; необозримые канадскіе лѣса даютъ шолкъ, и шелка, которые теперь дѣлаются въ Америкѣ изъ древесной массы, до того хороши, что не уступаютъ лучшимъ ліонскимъ шелкамъ, ни въ цвѣтахъ, ни въ упругости ткани, ни въ прочности. Ихъ носятъ уже самыя отчаянныя модницы. — Ну, а на счетъ бриллiантовъ, — есть тысячи и тысячи женщинъ, которыя, узнавши, какъ въ Африкѣ, въ Мафекингѣ, мучаютъ негровъ, чтобы добывать ихъ, навсегда заклялись носить бриллiанты. Но придетъ время — и бриллiанты будутъ добывать въ мастерской.

одинъ уровень, надѣть на всѣхъ сѣрую монашескую одежду!“ скажутъ намъ. „Это — исчезновеніе всѣхъ предметовъ роскоши, всего, что только украшаетъ жизнь!“

— Вовсе нѣтъ! Мы покажемъ ниже, опять-таки основываясь на томъ, что̀ существуетъ теперь, что анархическое общество сможетъ удовлетворить всѣ артистическіе вкусы своихъ гражданъ, не надѣляя ихъ для этого милліонными состояніями.

Пути и средства.

I

Если только какое-нибудь общество, городъ или область твердо рѣшится обезпечить своимъ членамъ все необходимое (а мы увидимъ ниже, какъ понятіе объ этомъ необходимомъ можетъ расшириться до роскоши), ему неизбѣжно придется завладѣть всѣмъ, что служитъ для производства, т. е. землею, машинами, заводами, средствами передвиженія и т. д. Оно непремѣнно экспропріируетъ современныхъ собственниковъ капитала, чтобы передать этотъ капиталъ въ руки общества.

Въ самомъ дѣлѣ, главное зло буржуазнаго строя заключается не только въ томъ, что капиталистъ получаетъ съ каждаго промышленнаго или коммерческаго предпріятія значительную часть барышей, доставляющихъ ему возможность жить не работая: оно лежитъ, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что все производство, взятое въ цѣломъ, идетъ по совершенно ложному пути, такъ какъ его цѣль — отнюдь не обезпеченіе благосостоянія для всѣхъ. Оно ведется наудачу, — ради барышей, а вовсе не ради общественныхъ нуждъ.

Мало того: капиталистское производство и не можетъ быть въ интересахъ всѣхъ. Стремиться къ этому, значитъ требовать отъ капиталиста, чтобы онъ вышелъ изъ своей роли и исполнялъ такое

отправленіе въ обществѣ, котораго онъ *не можетъ* принять на себя, не переставши быть самимъ собою, т. е. частнымъ предпринимателемъ, стремящимся къ собственному обогащенію. Капиталистическая организація, основанная на личномъ интересѣ каждаго предпринимателя, дала обществу все, чего отъ нея можно было ожидать: она увеличила производительную силу рабочаго. Воспользовавшись переворотомъ, произведеннымъ въ техникѣ паромъ, быстрымъ развитіемъ химіи и механики, а также всѣми открытіями нашего вѣка, капиталистъ постарался, въ своихъ собственныхъ интересахъ, развить производительность человѣческаго труда; и достигъ онъ этого въ очень значительной степени. Но было бы вполнѣ неразумно, возлагать на него какую-нибудь другую миссію. Желать, напримѣръ, чтобы онъ употребилъ эту увеличенную производительность труда на пользу всего общества, значило бы требовать отъ него благотворительности, а капиталистическое предпріятіе не можетъ быть основано на благотворительности.

Дать полное распространеніе, во всѣхъ отросляхъ, этой высокой производительности труда, существующей въ настоящее время лишь въ нѣкоторыхъ отросляхъ промышленности, — теперь уже дѣло общества. А для того, чтобы общество могло обезпечить благосостояніе всѣмъ своимъ членамъ, оно очевидно должно завладѣть всѣми средствами производства.

Политико-экономы отвѣтятъ намъ, можетъ быть, (какъ они часто это дѣлаютъ), указывая на сравнительное благосостояніе нѣкоторыхъ категорій рабочихъ — молодыхъ, сильныхъ и обладающихъ спеціальными знаніями, въ извѣстныхъ отросляхъ промышленности. Намъ всегда съ гордостью указываютъ на это меньшинство. Но можетъ ли даже это благосостояніе — привилегія немногихъ, — считаться за ними обезпеченнымъ? Завтра, благо-

даря безпечности, непредусмотрительности или корыстолюбію хозяина, эти привилегированные рабочіе будутъ, можетъ быть, выброшены на улицу и заплатятъ цѣлыми мѣсяцами и годами нужды и лишеній за то временное довольство, которымъ они пользовались раньше. Сколько разъ мы видѣли, что даже крупныя отрасли промышленности (производство тканей, желѣза, сахара и проч.), не говоря уже о производствахъ болѣе эфемерныхъ отраслей, одна за другою пріостанавливались и медленно влачили свое существованіе, то вслѣдствіе различныхъ спекуляцій, то вслѣдствіе естественныхъ перемѣщеній труда, то благодаря создаваемой самими же капиталистами конкурренціи. Всѣ главныя отрасли выдѣлки тканей и механики пережили недавно (въ 1886 — 1889 году) такой кризисъ; что же сказать, въ такомъ случаѣ, о тѣхъ производствахъ, для которыхъ періодическая пріостановка работъ является вообще необходимостью?

А что сказать о цѣнѣ, какою покупается это сравнительное благосостояніе нѣкоторыхъ категорій рабочихъ? Вѣдь оно достигается благодаря раззоренію земледѣлія, безсовѣстной эксплуатаціи крестьянина и бѣдности народныхъ массъ. Рядомъ съ этимъ незначительнымъ меньшинствомъ, пользующимся нѣкоторымъ довольствомъ, сколько человѣческихъ существъ живутъ изо дня въ день, безъ обезпеченнаго заработка, готовые направиться всюду, гдѣ только въ нихъ окажется надобность! Сколько крестьянъ работаютъ по четырнадцати часовъ въ день изъ-за самаго скуднаго пропитанія! Капиталъ вызываетъ обезлюденіе деревень, раззоряетъ колоніи и страны съ мало-развитою промышленностью, осуждаетъ громадное большинство рабочихъ на отсутствіе всякаго техническаго образованія, на невозможность получить даже плохонькое знаніе своего ремесла. Цвѣтущее состояніе одной от-

расли промышленности постоянно покупается раззореніемъ десяти другихъ.

И это не случайность: это — *необходимое условіе капиталистическаго строя.* Чтобы нѣкоторые разряды рабочихъ могли получать въ настоящее время порядочное жалованье, *нужно,* чтобы крестьянинъ былъ какъ бы вьючнымъ животнымъ общества; *нужно,* чтобы населеніе деревни оставляло ее и уходило въ города; нужно, чтобы мелкія ремесла скоплялись въ бѣдныхъ предмѣстьяхъ большихъ городовъ и выдѣлывали тамъ, почти за ничто, множество предметовъ, за которые покупатель, получающій скудную заработную плату, и не можетъ платить больше. Для того, чтобы плохое сукно находило себѣ сбытъ у скудно-оплачиваемыхъ рабочихъ, портной долженъ довольствоваться заработкомъ, едва дающимъ ему возможность не умереть съ голоду. Нужно, точно также, чтобы отсталыя восточныя страны эксплуатировались западными, негры — европейцами, итальянскіе землекопы — англичанами и т. д., чтобы въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ отрасляхъ промышленности рабочій могъ пользоваться, при капиталистическомъ строѣ, нѣкоторымъ, хотя бы ограниченнымъ, благосостояніемъ.

Зло современнаго строя заключается, слѣдовательно, не въ томъ, что „прибавочная стоимость" производства идетъ капиталисту, какъ говорили Родбертусъ и Марксъ, вслѣдъ за Томсономъ, — съуживая такимъ образомъ соціалистическую идею и ея общее пониманіе капиталистическаго строя. Сама прибавочная стоимость является слѣдствіемъ болѣе глубокихъ причинъ. Зло заключается въ томъ, что вообще можетъ быть какая бы то ни было „прибавочная стоимость", вмѣсто простого излишка, не потребленнаго даннымъ поколѣніемъ; потому что для существованія этой „прибавочной стоимости" нужно, чтобы мужчины, женщины и

дѣти были вынуждены потреблять меньше, чѣмъ они производятъ; чтобы голодъ и невозможность найти другое приложенiе своихъ силъ вынуждали ихъ продавать свою рабочую силу за малую долю того, что она производитъ и особенно того, что она можетъ произвести.

И это зло будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока все, что необходимо для производства, останется собственностью немногихъ. Пока человѣкъ будетъ вынужденъ платить дань собственнику, чтобы имѣть право обрабатывать землю или пустить въ ходъ какую-нибудь машину, а собственникъ сможетъ производить не наибольшее количество нужныхъ для существованiя предметовъ, а то, что обѣщаетъ ему наибольшiе барыши, — до тѣхъ поръ благосостоянiе будетъ обезпечено лишь ничтожному меньшинству, и то лишь временно, и всякiй разъ цѣною раззоренiя другой части общества. Въ самомъ дѣлѣ, вовсе не достаточно еще раздѣлить поровну прибыль, получаемую тѣмъ или другимъ частнымъ предпрiятiемъ, если при этомъ, для полученiя прибыли нужно непремѣнно эксплуатировать тысячи другихъ рабочихъ. То, къ чему нужно стремиться, это — *производить съ наименьшей возможной тратой человѣческихъ силъ наибольшую сумму продуктовъ, наиболѣе необходимыхъ для благосостоянiя всѣхъ.*

Частный собственникъ не можетъ рѣшить этой задачи, и вотъ почему все общество, въ цѣломъ, будетъ вынуждено, во имя этой необходимости, экспропрiировать все то, что составляетъ его богатство и что можетъ обезпечить всѣмъ довольство. Оно должно будетъ завладѣть землей, заводами, копями, путями сообщенiй, домами, магазинами и т. д. и, кромѣ того, заняться изученiемъ того, что именно нужно производить въ интересахъ всѣхъ, какими путями, и какими средствами для этого нужно пользоваться.

II

Сколько часовъ въ день придется работать человѣку для того, чтобы обезпечить своей семьѣ обильную пищу, удобное жилище и необходимую одежду? Соціалисты часто задавались этимъ вопросомъ и приходили обыкновенно къ заключенію, что для этого достаточно было бы четырехъ или пяти часовъ въ день — при условіи, конечно, если всѣ будутъ работать. Еще въ концѣ прошлаго вѣка Франклинъ останавливался на пятичасовомъ рабочемъ днѣ, и если потребности удобствъ возросли съ тѣхъ поръ, то возросла также — въ гораздо бо̀льшей степени — и производительность труда.

Ниже, говоря о земледѣліи, мы увидимъ, что̀ можетъ дать человѣку земля, если онъ будетъ обрабатывать ее разумно, вмѣсто того, чтобы бросать сѣмя наугадъ въ плохо распаханную землю, какъ это дѣлается теперь. Въ большихъ фермахъ американскаго Запада, устроенныхъ на гораздо менѣе плодородной землѣ, чѣмъ обработанная земля цивилизованныхъ странъ, съ десятины получается всего отъ $6\frac{1}{2}$ до $9\frac{1}{2}$ четвертей пшеницы, т. е. половина того, что даютъ фермы европейскія и восточно-американскія. И все таки, благодаря машинамъ, которыя даютъ возможность двумъ человѣкамъ вспахать въ день двѣ съ половиною десятины, сто человѣкъ успѣваютъ производить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все, что нужно для обезпеченія хлѣбомъ, на годъ, десяти тысячъ человѣкъ.

Изъ этого видно, что каждому было бы достаточно, при такихъ условіяхъ проработать въ теченіе тридцати часовъ, т. е. *шести полу-дней по пяти часовъ каждый*, чтобы имѣть хлѣба на цѣлый годъ, а тридцати полу-дней было бы достаточно, чтобы обезпечить хлѣбомъ семью въ пять человѣкъ.

Эти данныя, взятыя изъ современной намъ жизни, доказываютъ, что при усиленной обработкѣ земли, меньше чѣмъ шестидесяти полу-дней было бы довольно, чтобы доставить цѣлой семьѣ хлѣбъ, овощи и даже фрукты, нынѣ составляющіе предметъ роскоши.

Если, съ другой стороны, мы посмотримъ, во сколько обходятся въ настоящее время дома, выстраиваемые въ большихъ городахъ для рабочихъ, то мы увидимъ, что для того, чтобы имѣть въ англійскомъ городѣ отдѣльный домикъ, въ родѣ тѣхъ, которые строятъ въ Англіи для рабочихъ, потребовалось бы не больше, чѣмъ отъ 1400 до 1800 пятичасовыхъ рабочихъ дней. А такъ какъ подобный домъ держится, въ среднемъ, около пятидесяти лѣтъ, то изъ этого слѣдуетъ, что отъ 28 до 36 полу-дней въ годъ достаточно было бы для того, чтобы доставить семьѣ здоровое помѣщеніе, довольно красивое и снабженное всѣми необходимыми удобствами. Между тѣмъ, нанимая такую же квартиру у хозяина, рабочій отдаетъ за нее теперь отъ 75 до 100 полныхъ рабочихъ дней въ годъ, въ теченіе всей своей жизни.

Замѣтимъ, что эти цифры представляютъ максимумъ стоимости рабочаго жилища въ Англіи, при всѣхъ недостаткахъ нашей общественной организаціи. Въ Бельгіи, напримѣръ, дома для рабочихъ выстраивались по гораздо болѣе низкимъ цѣнамъ. Въ общемъ выводѣ можно сказать, что въ хорошо устроенномъ обществѣ, тридцати или сорока полу-дней въ годъ достаточно было бы для того, чтобы устроить вполнѣ удобныя и красивыя жилища.

Остается одежда. Здѣсь разсчетъ сдѣлать почти невозможно, потому что барышъ, получаемый при продажѣ одежды, цѣлою кучею посредниковъ, ускользаетъ отъ всякой оцѣнки. Возьмите, напримѣръ, сукно и подсчитайте все, что получаютъ на каждой штукѣ сукна собственникъ луга, собствен-

никъ барановъ, продавецъ шерсти и различные посредники между ними, затѣмъ компаніи желѣзныхъ дорогъ, хозяева прядильныхъ и суконныхъ фабрикъ, хозяева портняжныхъ заведеній и продавцы готоваго платья, — и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, сколько переплачивается съ каждой одежды цѣлой кучѣ разныхъ буржуа. Вотъ почему совершенно невозможно опредѣлить, сколько рабочихъ дней представляетъ собою пальто, которое вы покупаете, скажемъ за двадцать пять рублей въ большомъ магазинѣ.

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: это — что современныя машины даютъ возможность производить положительно невѣроятныя количества матерій. Чтобы показать это, достаточно будетъ нѣскольких примѣровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ на 751 хлопчатобумажной фабрикѣ (прядильной и ткацкой) 175.000 рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, производятъ до 3.000.000.000 аршинъ бумажныхъ тканей и кромѣ того значительное количество пряжи. Одна только бумажная матерія представляетъ собою въ среднемъ около 14.500 аршинъ въ 300 рабочихъ дней въ $9^1/_2$ часовъ каждый, т. е. 52 аршина въ десять часовъ. Если мы приемъ, что каждая семья потребляетъ въ годъ 260 аршинъ миткалю и ситца (что будетъ очень много), то это будетъ соотвѣтствовать пятидесяти часамъ работы, т. е. *десяти полу-днямъ по пяти часовъ каждый.* А кромѣ того, сюда входила бы и пряжа для полученія нитокъ для шитья, для тканья сукна и для выдѣлки шерстяныхъ матерій, перемѣшанныхъ съ бумагою.

Что касается результатовъ, достигаемыхъ въ одномъ ткацкомъ ремеслѣ, то изъ оффиціальной статистики Соединенныхъ Штатовъ мы узнаемъ, что въ то время какъ въ 1870 году рабочій работалъ по 13 и 14 часовъ въ день и производилъ 12.350 аршинъ бѣлой бумажной матеріи въ годъ,

шестнадцать лѣтъ спустя (въ 1886 г.), онъ вырабатывалъ уже 36.000 аршинъ, работая только по 55 часовъ въ недѣлю. Даже цвѣтныхъ бумажныхъ тканей получалось въ годъ, считая тканье и окраску, 37.900 аршинъ въ 2.669 часовъ труда, т. е. приблизительно 14 аршинъ въ часъ. Такимъ образомъ, для того, чтобы получить нужные 260 аршинъ бѣлой и цвѣтной бумажной ткани, достаточно было бы работать меньше *двадцати часовъ въ годъ*.

Нужно замѣтить при этомъ, что сырой хлопокъ доставляется на фабрику почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ получается съ поля, и что въ эти же двадцать часовъ совершаются всѣ превращенія, черезъ которыя хлопокъ долженъ пройти, прежде чѣмъ сдѣлаться матеріей. Но для того, чтобы *купить* эти 260 аршинъ въ лавкѣ, хорошо оплачиваемому рабочему пришлось бы отдать, *по крайней мѣрѣ*, отъ 10 до 15 рабочихъ дней, по 10 часовъ каждый, т. е. отъ 100 до 150 часовъ. Что же касается англійскаго крестьянина, то ему пришлось бы трудиться цѣлый мѣсяцъ, чтобы доставить себѣ эту роскошь.

Уже изъ этого примѣра видно, что пятьдесятъ полу-дней работы въ годъ могли бы, въ хорошо организованномъ обществѣ, дать возможность всей семьѣ одѣваться лучше, чѣмъ одѣвается теперь мелкая буржуазія.

Такимъ образомъ, намъ понадобилось всего шестьдесятъ полу-дней труда по 5 часовъ для того, чтобы получить продукты земледѣльческаго труда, сорокъ — для жилища, и пятьдесятъ — для одежды, что составляетъ только половину года, такъ какъ за вычетомъ праздниковъ, годъ представляетъ собою триста рабочихъ дней.

Остается еще полтораста рабочихъ полу-дней, которые можно употребить для добыванія другихъ необходимыхъ предметовъ: вина, сахара, кофе или чаю, мебели, средствъ передвиженія и проч.

Всѣ эти разсчеты, конечно, сдѣланы приблизительно, но ихъ можно обосновать еще и иначе. Если мы сочтемъ, сколько есть въ каждой цивилизованной націи людей, ничего не производящихъ, затѣмъ — людей, занятыхъ въ производствахъ вредныхъ, осужденныхъ на исчезновеніе, и наконецъ — безполезныхъ посредниковъ, то мы увидимъ, что въ каждой такой націи число производителей въ собственномъ смыслѣ слова легко могло бы быть вдвое больше. А если бы, вмѣсто каждыхъ десяти человѣкъ, производствомъ необходимыхъ предметовъ занимались бы двадцать, и если бы общество больше заботилось объ экономіи человѣческихъ силъ, то эти двадцать человѣкъ могли бы работать по пяти часовъ въ день, нисколько не уменьшая этимъ размѣровъ производства. Если только уменьшить напрасную трату человѣческихъ силъ на службѣ у богатыхъ семей и на государственной службѣ, гдѣ насчитывается одинъ чиновникъ на десять жителей, и употребить эти силы на увеличеніе производства всей націи, то продолжительность работы упала бы до четырехъ или даже трехъ часовъ въ день — при условіи, конечно, если мы удовлетворимся существующими размѣрами производства.

Вотъ почему, основываясь на всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами соображеніяхъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій выводъ.

Вообразите себѣ общество, состоящее изъ нѣсколькихъ милліоновъ жителей, занимающихся какъ земледѣліемъ, такъ и разнообразными отраслями промышленности — напримѣръ Парижъ съ департаментомъ Сены и Уазы. Представьте себѣ, что въ этомъ обществѣ всѣ дѣти выучиваются, какъ умственному, такъ и физическому труду. Допустимъ, наконецъ, что всѣ взрослые люди, за исключеніемъ женщинъ, занятыхъ воспитаніемъ дѣтей, обязуются работать по *пяти часовъ въ день*,

отъ двадцати или двадцати двухъ лѣтъ до сорока пяти или пятидесяти, и что они занимаются дѣломъ по своему выбору, въ любой изъ тѣхъ отраслей человѣческаго труда, которыя считаются *необходимыми.* Такое общество могло бы, взамѣнъ, обезпечить благосостояніе всѣмъ своимъ членамъ, т. е. доставить имъ довольство гораздо болѣе дѣйствительное, чѣмъ то, которымъ пользуется теперь буржуазія. И каждый рабочій такого общества располагалъ бы, кромѣ того, по крайней мѣрѣ пятью свободными часами въ день, которые онъ могъ бы посвящать наукѣ, искусству и тѣмъ личнымъ потребностямъ, которыя не вошли бы въ разрядъ *необходимаго*; причемъ впослѣдствіи, когда производительность человѣческаго труда еще увеличилась бы, въ разрядъ необходимаго можно было бы ввести и то, что теперь считается недоступнымъ предметомъ роскоши.

Потребности, составляющія роскошь.

I

Человѣкъ не можетъ жить только для того, чтобы ѣсть, пить и имѣть пристанище. Какъ только его насущныя потребности будутъ удовлетворены, въ немъ пробудятся еще съ большею силою тѣ потребности, которыя мы могли бы назвать художественными. Такихъ потребностей можно насчитать почти столько же, сколько существуетъ различныхъ людей; и чѣмъ образованнѣе общество, чѣмъ развитѣе въ немъ личность, тѣмъ разнообразнѣе эти желанія.

Даже и теперь намъ случается встрѣчать людей, отказывающихъ себѣ въ необходимомъ, ради того, чтобы пріобрѣсти какой-нибудь пустякъ и доставить себѣ какое-нибудь удовольствіе, или же умственное или матеріальное наслажденіе, Съ христіанской, аскетической точки зрѣнія, это стремленіе къ роскоши можно осуждать, но въ дѣйствительности именно эти мелочи нарушаютъ однообразіе жизни и дѣлаютъ ее привлекательной. Стòитъ ли жить и переносить неизбѣжныя жизненныя горести, если человѣкъ никогда не можетъ доставить себѣ, помимо своей ежедневной работы, ни одного удовольствія, никогда не можетъ удовлетворить свой личный вкусъ?

Конечно, теперь, когда мы стремимся къ соціальной революціи, мы хотимъ, прежде всего, обез-

печить всѣмъ хлѣбъ; мы хотимъ измѣнить этотъ возмутительный порядокъ вещей, при которомъ намъ каждый день приходится видѣть сильныхъ и здоровыхъ работниковъ, сидящихъ безъ дѣла, только потому, что нѣтъ хозяина, желающаго эксплуатировать ихъ, — „порядокъ", при которомъ кучи женщинъ и дѣтей проводятъ ночи безъ крова, и цѣлыя семьи вынуждены бываютъ питаться сухимъ хлѣбомъ, — порядокъ, при которомъ и дѣти, и мужчины, и женщины умираютъ, если даже и не прямо отъ недостатка пищи, то отъ недостатка ухода. Именно для того, чтобы положить конецъ этой возмутительпой несправедливости, мы и стремимся къ революціи.

Но мы ждемъ отъ революціи еще и другого. Мы видимъ, что, вынужденный къ тяжелой борьбѣ за существованіе, рабочій осужденъ навсегда оставаться чуждымъ всѣмъ высшимъ наслажденіямъ, доступнымъ человѣку: наукѣ, особенно научному открытію, и искусству, особенно артистическому творчеству. Именно для того, чтобы всѣмъ дать доступъ къ этимъ наслажденіямъ, которыя извѣстны теперь лишь немногимъ, для того, чтобы доставить каждому досугъ и возможность умственнаго развитія, революція и должна обезпечить каждому хлѣбъ насущный. Послѣ хлѣба, досугъ является ея высшею цѣлью.

Конечно, теперь, когда сотни тысячъ человѣческихъ существъ нуждаются въ хлѣбѣ, топливѣ, одеждѣ и жилищѣ, роскошь есть преступленіе, потому что, для того, чтобы она могла существовать, дѣти рабочихъ должны умирать съ голоду. Но въ обществѣ, гдѣ всѣ будутъ сыты, стремленіе къ тому, что мы называемъ роскошью, проявится еще сильнѣе чѣмъ теперь. А такъ какъ всѣ люди не могутъ и не должны быть похожи другъ на друга (разнообразіе вкусовъ и потребностей есть главное условіе человѣческаго развитія), то всегда

найдутся люди, — и это вполнѣ желательно, — потребности которыхъ будутъ, въ томъ или другомъ направленіи, подниматься выше средняго уровня.

Не всякому, напримѣръ, можетъ быть нуженъ телескопъ, потому что даже тогда, когда образованіе получитъ широкое распространеніе, найдутся люди, которые предпочтутъ работу съ микроскопомъ изученію звѣзднаго неба. Одинъ любитъ статуи, другой — картины; одному страстно хочется имѣть хорошее піанино, тогда какъ другой удовлетворяется шарманкой. Крестьянинъ теперь украшаетъ свою комнату лубочными картинками, но если бы его вкусъ развился, онъ захотѣлъ бы имѣть хорошія гравюры. Правда, въ настоящее время человѣкъ не можетъ удовлетворить своихъ артистическихъ потребностей, если онъ не унаслѣдовалъ большого состоянія; но при усиленномъ трудѣ, и если, кромѣ того, онъ пріобрѣлъ такой запасъ знаній, который даетъ ему возможность избрать какую-нибудь свободную профессію, — онъ все таки можетъ *надѣяться* хоть когда-нибудь, болѣе или менѣе удовлетворить свои художественныя наклонности. Поэтому, нашъ коммунистическій идеалъ часто обвиняютъ въ томъ, что онъ заботится только объ удовлетвореніи матеріальныхъ потребностей человѣка и забываетъ его художественныя склонности. „Вы, можетъ быть, доставите всѣмъ хлѣбъ“, говорятъ намъ, „но въ вашихъ общественныхъ складахъ не будетъ ни хорошихъ картинъ, ни оптическихъ инструментовъ, ни изящной мебели, ни украшеній — однимъ словомъ, ни одного изъ безчисленныхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію безконечнаго разнообразія человѣческихъ вкусовъ. Вы уничтожаете, такимъ образомъ, всякую возможность пріобрѣсти что бы то ни было помимо того хлѣба и мяса, которые общество сможетъ доставить всѣмъ, да того сѣраго полотна,

въ которое вы одѣнете всѣхъ вашихъ гражданокъ."

Съ этимъ возраженіемъ приходится встрѣчаться всѣмъ коммунистическимъ теоріямъ; но его никогда не могли понять основатели коммунистскихъ общинъ, устраивавшихся въ американскихъ степяхъ. Они думали, что если общинѣ удалось запасти достаточно сукна, чтобы одѣть всѣхъ своихъ членовъ, да выстроить концертную залу, въ которой „братья" могутъ отъ времени до времени болѣе или менѣе плохо сыграть что-нибудь или устроить доморощенный театръ, то этого уже совершенно достаточно. Они забывали, что артистическое чувство существуетъ, какъ у буржуа, такъ и у крестьянина, и что если форма его измѣняется соотвѣтственно культурному уровню, то сущность остается та же. Въ результатѣ выходило то, что хотя эти общины и доставляли всѣмъ пропитаніе, хотя онѣ тщательно устраняли изъ воспитанія все то, что могло послужить къ развитію личности, а иныя даже дѣлали библію единственной позволенной книгой для чтенія, личные вкусы всегда обнаруживались, а съ ними являлось и недовольство: возникали мелкія ссоры по вопросу о покупкѣ рояля, или физическихъ инструментовъ, или мелкихъ туалетныхъ украшеній; а вмѣстѣ съ тѣмъ, то, что позволило бы такому обществу развиваться многосторонне, исчезало, такъ какъ такое развитіе невозможно, если подавляется всякій личный вкусъ, всякое артистическое стремленіе, всякое личное особое развитіе.

Но, — пойдетъ ли по этому пути и анархическая община?

Конечно, нѣтъ! Она, конечно, пойметъ, что кромѣ заботъ объ обезпеченіи всего, что необходимо для матеріальнаго существованія, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворять и всѣ запросы человѣческаго ума и чувства.

II

Мы откровенно сознаемся, что когда мы вспоминаемъ объ окружающихъ насъ безконечной нуждѣ и безконечныхъ страданіяхъ, когда мы слышимъ раздирающіе душу голоса рабочихъ, идущихъ по улицѣ съ мольбой о работѣ — намъ становится противно разсуждать о томъ, что̀ сдѣлаетъ такое общество, гдѣ всѣ будутъ сыты, для того, чтобы удовлетворить желанія лицъ, которымъ захочется имѣть севрскій фарфоръ или бархатную одежду. У насъ является желаніе сказать тогда: „Убирайтесь вы съ вашимъ фарфоромъ. Прежде всего обезпечимъ хлѣбъ для всѣхъ; что же касается до вашего фарфора и бархата, то это мы разберемъ потомъ!“

Но все таки необходимо признать, что, помимо пропитанія, человѣкъ имѣетъ еще и другія потребности, — и сила анархизма именно въ томъ и состоитъ, что онъ считается со *всѣми* человѣческими способностями, со *всѣми* стремленіями, не оставляя безъ вниманія ни одного изъ нихъ. Поэтому мы скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ можно было бы устроиться такъ, чтобы обезпечить удовлетвореніе умственныхъ и артистическихъ запросовъ человѣка.

Мы уже видѣли, что, работая по четыре или по пяти часовъ въ день, до 45-ти или 50-ти лѣтъ, люди могутъ легко производить все, что необходимо для доставленія обществу полнаго довольства.

Но въ настоящее время, рабочій день человѣка, привыкшаго работать, состоитъ не изъ пяти часовъ, а изъ десяти, дней триста въ году, и притомъ эта работа продолжается всю жизнь. Его здоровье такимъ образомъ портится, а умъ притупляется. Между тѣмъ, когда человѣкъ можетъ разнообразить свою работу, особенно если онъ можетъ дѣлать такъ, чтобы физическій трудъ чередовался съ ум-

ственнымъ, онъ охотно работаетъ по десяти и по двѣнадцати часовъ, не чувствуя усталости. Оно совершенно естественно. Мы можемъ поэтому сказать, что, если человѣкъ будетъ занятъ въ теченіе четырехъ или пяти часовъ физическимъ трудомъ, необходимымъ для жизни, ему останется еще пять или шесть часовъ, которые онъ сможетъ употребить по своему вкусу; и если онъ соединится съ другими людьми, то эти пять или шесть часовъ дадутъ ему возможность получить, — помимо того, что необходимо для всѣхъ, — еще и то, что удовлетворяетъ его личнымъ вкусамъ.

Прежде всего, онъ выполнитъ — въ видѣ ли земледѣльческаго, въ видѣ ли промышленнаго труда, — тотъ трудъ, который онъ долженъ отдать обществу, какъ свою долю участія въ общемъ потребленіи. Затѣмъ онъ употребитъ вторую половину дня, недѣли или года на удовлетвореніе своихъ артистическихъ или научныхъ потребностей.

Для удовлетворенія этихъ различныхъ вкусовъ и стремленій возникнутъ тысячи различныхъ обществъ. Люди, напримѣръ, желающіе посвящать свой досугъ литературѣ, образуютъ группы писателей, наборщиковъ, типографщиковъ, граверовъ, чертежниковъ, рисовальщиковъ, стремящихся къ одной общей цѣли: къ распространенію дорогихъ имъ идей.

Въ наше время писатель знаетъ, что гдѣ-то есть вьючное животное — рабочій, которому онъ можетъ поручить, за ничтожную плату, печатаніе своихъ произведеній; но онъ совершенно не интересуется тѣмъ, что̀ такое типографское дѣло. Если наборщика отравляютъ свинцовою пылью, а ребенокъ, смотрящій за машиною, гибнетъ отъ малокровія, — то развѣ на ихъ мѣсто не найдется другихъ несчастныхъ?

Но когда больше не будетъ бѣдняковъ, готовыхъ продавать свои руки за ничтожное пропитаніе, когда

вчерашній рабочій будетъ самъ получать полное образованіе и у него будутъ *свои собственныя идеи,* которыя онъ захочетъ передать бумагѣ и сообщить другимъ, тогда литераторамъ и ученымъ поневолѣ придется соединяться между собою для печатанія своихъ прозы и стиховъ.

До тѣхъ поръ, пока писатель будетъ смотрѣть на рабочую блузу и на ручной трудъ какъ на признакъ низшей породы, ему будетъ казаться невозможнымъ, чтобы авторъ самъ набиралъ свою книгу свинцовыми буквами. Самъ онъ, если ему захочется отдохнуть, отправляется теперь въ гимнастическую залу или занимается игрой въ карты. Но когда ручной трудъ потеряетъ свой унизительный характеръ, когда всѣ должны будутъ работать своими руками, такъ какъ имъ не на кого будетъ свалить работу — о, тогда господа писатели, а равно и ихъ почитатели и почитательницы быстро выучатся наборному дѣлу и узнаютъ, какое наслажденіе, собираться всѣмъ вмѣстѣ, — всѣмъ цѣнителямъ даннаго произведенія, — набирать его и вынимать еще свѣжимъ и чистымъ изъ-подъ типографскаго станка. Эти великолѣпныя машины — составляющія орудія пытки для ребенка, который теперь съ утра до ночи смотритъ за ними — сдѣлаются источникомъ наслажденія для тѣхъ, кто будетъ пользоваться ими съ цѣлью распространять мысли любимаго автора.

Потеряетъ ли отъ этого что-нибудь литература? Перестанетъ ли поэтъ быть поэтомъ отъ того, что онъ займется полевыми работами или приложитъ руки къ распространенію своихъ произведеній? Потеряетъ ли романистъ свое знаніе человѣческаго сердца отъ того, что придетъ въ соприкосновеніе съ другими людьми, гдѣ-нибудь на фабрикѣ, въ лѣсу, при проложеніи дороги или въ мастерской? Уже сама постановка этихъ вопросовъ даетъ отвѣтъ на нихъ. — Конечно, нѣтъ!

Можетъ быть нѣкоторыя книги окажутся отъ этого менѣе объемистыми, но за то на меньшемъ числѣ страницъ будетъ высказано больше мыслей. Можетъ быть, печатать будутъ меньше лишняго вздора; но то, что будетъ печататься, будетъ лучше читаться и лучше оцѣниваться. Книга будетъ имѣть въ виду болѣе обширный кругъ читателей — читателей болѣе образованныхъ и болѣе способныхъ о ней судить.

Кромѣ того, печатное искусство, сдѣлавшее такъ мало успѣховъ со времени Гутенберга, находится еще въ періодѣ дѣтства. До сихъ поръ еще требуется два часа, чтобы набрать то, что было написано въ десять минутъ. Поэтому люди ищутъ болѣе быстрыхъ способовъ распространенія человѣческой мысли и, конечно, найдутъ ихъ.*)

И нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы каждый писатель уже долженъ былъ участвовать въ печатаніи своихъ сочиненій, — типографское дѣло сдѣлало бы уже и теперь огромные успѣхи, и мы не удовлетворялись бы до сихъ поръ подвижными буквами XVII-го вѣка!

Можно ли сказать, что все это — одна мечта? Для тѣхъ, кто наблюдаетъ и думаетъ, это, конечно, не такъ. Сама жизнь толкаетъ насъ въ этомъ направленіи.

III.

Можно ли назвать мечтою представленіе о такомъ обществѣ, гдѣ всѣ участвуютъ въ производствѣ, всѣ получаютъ образованіе, дающее имъ возмож-

---

*) Съ тѣхъ поръ, какъ эти строки были написаны, уже выдумана машина, позволяющая писателю, самому дѣлать наборъ. Для писателя, привыкшаго писать на писальной машинѣ, (а въ Америкѣ это становится обычнымъ дѣломъ), нѣтъ абсолютно никакого затрудненія, самому набирать свое произведеніе.

ность заниматься наукою или искусствомъ, и гдѣ люди соединяются между собою, чтобы издавать свои труды, вкладывая въ это дѣло и свою долю физической работы?

Уже теперь научныя, литературныя и другія общества насчитываются тысячами, и эти общества — ничто иное, какъ добровольныя группы, образуемыя людьми, интересующимися той или иной областью знанія и соединяющимися для изданія своихъ произведеній. Авторамъ, сотрудничающимъ въ научныхъ изданіяхъ, не платятъ за работу; самыя изданія не продаются, а разсылаются даромъ во всѣ страны свѣта, другимъ обществамъ, занимающимся тѣми же самыми отраслями науки. Одни члены общества печатаютъ въ этихъ сборникахъ всего одну страницу, резюмирующую какое-нибудь одно наблюденіе; другіе помѣщаютъ въ нихъ цѣлые объемистые труды — плоды работы долгихъ лѣтъ; третьи, наконецъ, просто читаютъ эти изданія, прежде чѣмъ начать новыя изслѣдованія. Такимъ образомъ мы уже имѣемъ соглашеніе между авторами и читателями для изданія интересующихъ ихъ произведеній.

Правда, въ настоящее время ученое общество — совершенно такъ же, какъ и газета, принадлежащая какому-нибудь банкиру — находитъ себѣ типографщика, который нанимаетъ, для исполненія типографскаго труда, рабочихъ. Люди, занимающіеся свободными профессіями, *презираютъ* ручной трудъ, который, дѣйствительно, выполняется въ настоящее время при самыхъ притупляющихъ условіяхъ. Но человѣческое общество, которое дастъ каждому изъ своихъ членовъ широкое, философское и *научное* образованіе, съумѣетъ организовать и этотъ трудъ такъ, чтобы онъ сталъ гордостью человѣчества; ученое общество превратится тогда въ союзъ изслѣдователей, любителей и рабочихъ, — въ союзъ, всѣ члены котораго будутъ знать

какое-нибудь ручное ремесло, и всѣ будутъ интересоваться наукою.

Если, напримѣръ, ихъ интересуетъ геологія, они будутъ всѣ помогать изслѣдованію земныхъ слоевъ, всѣ внесутъ въ это дѣло свою лепту. Десять тысячъ изслѣдователей сдѣлаютъ въ годъ больше, чѣмъ теперь дѣлаютъ сто геологовъ въ двадцать лѣтъ. А когда нужно будетъ печатать эти труды, то найдется десять тысячъ мужчинъ и женщинъ, знакомыхъ съ различными ремеслами, которые будутъ чертить карты, гравировать рисунки, набирать и печатать текстъ. Они съ радостью будутъ, всѣ вмѣстѣ, отдавать свой досугъ, лѣтомъ — на изслѣдованія, а зимой — на работу въ мастерскихъ. И когда ихъ труды появятся въ свѣтъ, они найдутъ уже не сто, а десять тысячъ читателей, заинтересованныхъ въ общемъ дѣлѣ.

Самый ходъ прогресса указываетъ намъ на этотъ путь. Когда англичане захотѣли издать свой большой словарь (подъ редакціей Murray), они не стали ждать, пока явится какой-нибудь новый Литтре, который посвятитъ этому дѣлу всю свою жизнь. Они стали искать желающихъ, и на ихъ призывъ откликнулось нѣсколько болѣе тысячи человѣкъ, которые изъявили готовность по собственной иниціативѣ и безплатно рыться въ библіотекахъ, съ цѣлью закончить въ нѣсколько лѣтъ такой трудъ, на который не хватило бы цѣлой жизни одного человѣка. Тотъ же духъ обнаруживается и во всѣхъ другихъ отрасляхъ умственнаго труда, и нужно очень мало знать человѣчество, чтобы не видѣть въ этихъ попыткахъ совмѣстнаго труда, который понемногу замѣняетъ собою трудъ отдѣльнаго человѣка, — предвѣстниковъ будущаго.

Но для того, чтобы этого рода предпріятія были дѣйствительно коллективными, нужно было бы организовать дѣло такимъ образомъ, чтобы пять тысячъ добровольцевъ — писателей, библіографовъ,

наборщиковъ и корректоровъ — работали сообща. Этотъ шагъ впередъ сдѣланъ уже соціалистической прессой, въ которой мы находимъ примѣры такого соединенія труда ручного и умственнаго. Въ нашихъ боевыхъ газетахъ часто случается видѣть, что авторъ самъ набираетъ свою статью. Правда, это еще лишь незначительная, пожалуй, — микроскопическая, попытка, но она указываетъ путь, по которому несомнѣнно пойдетъ будущее.

Этотъ путь — путь свободы. Когда въ будущемъ человѣкъ захочетъ высказать какую-нибудь полезную мысль, идущую дальше средняго уровня идей его времени, ему не придется искать издателя, который согласился бы положить въ изданіе необходимый капиталъ. Онъ будетъ искать *товарищей* для своей работы среди людей, знающихъ соотвѣтственныя ремесла и понимающихъ значеніе новаго дѣла. И вмѣстѣ съ ними онъ предприметъ изданіе данной книги или газеты.

Литература и журналистика перестанутъ тогда быть средствомъ обогащенія, средствомъ жить на чужой счетъ. — Найдется ли среди людей, знающихъ положеніе литературы и журналистики, хоть одинъ, кто бы не мечталъ о томъ времени, когда литература освободится, наконецъ, какъ отъ людей, которые прежде покровительствовали ей, а теперь ее эксплуатируютъ, такъ и отъ „улицы“, которая за немногими рѣдкими исключеніями, цѣнитъ литературу тѣмъ выше, чѣмъ она пошлѣе и чѣмъ она легче приспособляется къ испорченному вкусу большинства?

И литература, и наука тогда только займутъ надлежащее мѣсто въ дѣлѣ человѣческаго развитія, когда освободятся отъ денежнаго и чиновничьяго рабства и будутъ разрабатываться исключительно тѣми, кто ихъ любитъ, для той публики, которая ихъ любитъ.

IV

Литература, наука и искусство должны быть въ рукахъ желающихъ ими заниматься. Только на этомъ условіи они смогутъ освободиться отъ давящаго ихъ ига Государства, Капитала и буржуазной посредственности.

Какими средствами обладаетъ въ настоящее время ученый для того, чтобы заниматься интересующимъ его вопросомъ? Онъ можетъ только обратиться къ помощи государства, которая оказывается одному человѣку изъ ста желающихъ, и которой нельзя добиться иначе, какъ обязавшись не отступать отъ протореннаго пути, отъ намѣченной колеи! Вспомнимъ, что французская академія осудила Дарвина, что петербургская академія не признала Менделѣева, а Лондонское Королевское общество отказалось напечатать, какъ „мало научный", трудъ Джоуля, въ которомъ было сдѣлано опредѣленіе механическаго эквивалента теплоты. *)

Потому-то всѣ великія изслѣдованія, всѣ перевернувшія науку открытія были сдѣланы помимо академій и университетовъ, — или людьми достаточно богатыми чтобы быть независимыми, какъ Дарвинъ или Лайелль, или людьми, которые надрывали свое здоровье, работая среди лишеній и часто среди нищеты, не имѣя лабораторіи, теряя массу времени изъ-за отсутствія инструментовъ и книгъ, — людьми, которые упорно продолжали свое дѣло, несмотря на его безнадежность и часто платились за это жизнью. Имя имъ — легіонъ.

Кромѣ того, система государственныхъ пособій такъ вредна для истиннаго прогресса науки, что

*) Этотъ фактъ былъ обнародованъ извѣстнымъ ученымъ Плэйферомъ, который разсказалъ объ этомъ послѣ смерти Джоуля.

во всѣ времена истинные ученые старались избавиться отъ нея. Именно съ этою цѣлью создались въ Европѣ и Америкѣ тысячи ученыхъ обществъ, организованныхъ и поддерживаемыхъ добровольцами. Нѣкоторыя изъ нихъ разрослись такъ широко, что для покупки ихъ сокровищъ не хватило бы всѣхъ средствъ казенныхъ учрежденій, ни всѣхъ богатствъ банкировъ. Ни одно правительственное учрежденіе не обладаетъ такими богатствами, какія имѣетъ Лондонское Зоологическое Общество, создавшееся исключительно добровольными взносами.

Оно не покупаетъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя тысячами наполняютъ его зоологическій садъ: множество присылаютъ ему отовсюду другія общества, а также коллекціонеры всего міра. То оно получаетъ слона, — подарокъ зоологическаго общества въ Бомбэѣ, то гиппопотама или носорога, котораго присылаютъ ему египетскіе естествоиспытатели, и эти постоянно возобновляющіеся подарки — птицы, пресмыкающіяся, коллекціи насѣкомыхъ — стекаются къ нему ежедневно со всѣхъ концовъ свѣта.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ подарковъ нельзя было бы купить ни за какія деньги въ мірѣ, — напримѣръ то животное, которое какой-нибудь путешественникъ поймалъ съ опасностью жизни, или къ которому онъ привязался, какъ къ ребенку, и которое онъ отдаетъ обществу въ увѣренности, что ему тамъ будетъ хорошо. И для содержанія всего этого огромнаго звѣринца хватаетъ тѣхъ суммъ, которыя платятъ за входъ безчисленные посѣтители.

Единственное, чего не хватаетъ, какъ лондонскому зоологическому саду, такъ и другимъ подобнымъ обществамъ, это — чтобы участіе въ общемъ дѣлѣ выражалось въ добровольномъ трудѣ: чтобы всѣ сторожа и безчисленные служащіе этого огром-

наго учрежденія считались членами общества, и чтобы не было такихъ членовъ, которые вступаютъ въ общество исключительно для того, чтобы имѣть возможность поставить на своихъ визитныхъ карточкахъ таинственныя буквы F. Z. S. (Fellow Zoological Society — Членъ Зоологическаго Общества). Однимъ словомъ, въ немъ недостаетъ духа братства и солидарности.

То, что мы говоримъ объ ученыхъ, можно сказать вообще и объ изобрѣтателяхъ. Кто не знаетъ, цѣною скольких страданій явилось на свѣтъ большинство изобрѣтеній! Безсонныя ночи, недоѣдающая семья, недостатокъ инструментовъ и матеріаловъ для опытовъ — такова исторія жизни почти всѣхъ тѣхъ, кто доставилъ промышленности все, что составляетъ гордость нашей цивилизаціи — единственную справедливую ея гордость.

Что же предстоитъ сдѣлать для того, чтобы выйти изъ этого положенія, недостатки котораго сознаются всѣми? Введена была ради этого система патентовъ — и извѣстно, какіе она дала результаты. Голодный изобрѣтатель продаетъ свой патентъ за нѣсколько рублей, а тотъ, кто не далъ ничего, кромѣ капитала, получаетъ всѣ барыши съ изобрѣтенія — часто очень большіе. Кромѣ того, патентъ заставляетъ изобрѣтателя работать въ одиночку и скрывать свой трудъ, который часто кончается вслѣдствіе этого неудачею, тогда какъ самаго простого совѣта со стороны какого-нибудь другого человѣка, менѣе поглощеннаго одною основною мыслью, было бы иногда достаточно для того, чтобы сдѣлать его изобрѣтеніе плодотворнымъ и примѣнимымъ. Какъ и всякое другое проявленіе власти, патентъ только мѣшаетъ развитію промышленности.

Въ теоріи онъ представляетъ собою возмутительную несправедливость, такъ какъ на мысль нельзя взять привиллегіи; на практикѣ же онъ оказы-

вается однимъ изъ крупныхъ препятствій быстрому развитію изобрѣтеній.

Для того, чтобы развить духъ изобрѣтательности, нужно, во-первыхъ, чтобы пробудилась мысль; нужна смѣлость ума, которую все наше воспитаніе, наоборотъ, ослабляетъ; затѣмъ нужно широкое распространеніе знаній, которое увеличило бы во сто разъ число изобрѣтателей; нужно, наконецъ, сознаніе, что, благодаря данному изобрѣтенію, человѣчество сдѣлаетъ шагъ впередъ, потому что именно энтузіазмъ, или иногда даже иллюзія будущаго блага вдохновляли всѣхъ великихъ благодѣтелей человѣчества.

Только соціальная революція можетъ дать этотъ толчекъ мысли, эту смѣлость ума, это знаніе, это убѣжденіе въ томъ, что работа послужитъ на общую пользу.

Тогда возникнутъ огромныя мастерскія, снабженныя всевозможными инструментами и двигателями, огромныя промышленныя лабораторіи, открытыя для всѣхъ изобрѣтателей. Исполнивъ свои обязанности по отношенію къ обществу, люди будутъ приходить сюда работать для осуществленія въ машинахъ своихъ идей; здѣсь они будутъ проводить свои свободные пять или шесть часовъ въ день, здѣсь будутъ производить свои опыты, здѣсь будутъ встрѣчаться съ другими товарищами, спеціалистами въ другихъ отрасляхъ промышленности, также приходящими сюда для разрѣшенія своихъ вопросовъ; они смогутъ помогать другъ другу, сообщать другъ другу свѣдѣнія, смогутъ получить, наконецъ, изъ столкновенія различныхъ мнѣній и соображеній, желаемый результатъ. И это опять-таки не мечта! Соляной Городокъ въ Петербургѣ уже пробовалъ однажды осуществить это, — по крайней мѣрѣ по отношенію къ техникѣ. Здѣсь была, одно время, хорошо обставленная мастерская, открытая для всѣхъ, гдѣ можно было располагать да-

ромъ, и инструментами, и двигательной силой, и только за дерево и металлъ приходилось платить то, во что они обходятся. Но рабочіе приходили туда только по вечерамъ, уже истомленные цѣлымъ днемъ работы въ своихъ мастерскихъ. Кромѣ того, каждый изобрѣтатель старательно скрывалъ свои изобрѣтенія отъ постороннихъ взглядовъ, изъ боязни патента и капитализма — этого проклятія современнаго общества, этого подводнаго камня, лежащаго на пути во всякому умственному и нравственному прогрессу.

V

А искусство? Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на паденіе искусства, и мы дѣйствительно далеки отъ великихъ художниковъ эпохи Возрожденія. Техника всѣхъ искусствъ сдѣлала за послѣднее время громадные успѣхи; тысячи людей, обладающихъ извѣстнымъ талантомъ, разрабатываютъ различныя его отрасли, — но искусство какъ будто бѣжитъ изъ цивилизованнаго міра! Техника совершенствуется, но вдохновеніе, меньше чѣмъ когда бы то ни было, посѣщаетъ мастерскія художниковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, откуда ему взяться? Только великая идея можетъ вдохновлять искусство. Искусство есть творчество, оно должно смотрѣть въ будущее; а между тѣмъ, за немногими, очень рѣдкими исключеніями, профессіональный артистъ слишкомъ невѣжественъ, слишкомъ буржуазенъ для того, чтобы видѣть какіе-нибудь новые горизонты.

Вдохновеніе не можетъ быть почерпнуто изъ книгъ: оно должно исходить изъ *жизни*, а современная жизнь дать его не можетъ.

Рафаэль и Мурильо писали въ то время, когда исканіе новаго идеала еще могло уживаться съ старыми религіозными преданіями. Они работали для украшенія большихъ церквей — церквей, ко-

торыя представляли собою дѣло рукъ нѣсколькихъ поколѣній вѣрующихъ. И эти таинственныя, величавыя зданія, жившія жизнью окружающаго ихъ города, могли вдохновлять художника. Онъ работалъ для общенароднаго памятника; онъ обращался къ толпѣ и изъ нея же черпалъ свое вдохновеніе. Онъ говорилъ съ ней въ томъ же духѣ, въ какомъ говорило вѣрующему все церковное зданіе — его величавые пилястры, расцвѣченныя окна, покрытыя скульптурою двери. Теперь-же самая бо̀льшая честь, къ какой только стремится художникъ, это — чтобы его картина была вставлена въ золоченую рамку и повѣшена въ какомъ-нибудь музеѣ. Но что представляетъ современный музей? — Нѣчто вродѣ лавки старьевщика, гдѣ, какъ напримѣръ въ Мадридскомъ музеѣ Прадо, „Вознесеніе“ Мурильо виситъ напротивъ „Нищаго“ Веласкеза и наискосокъ отъ его же собакъ Филиппа II-го. Бѣдные Веласкезъ и Мурильо! Бѣдныя греческія статуи, которыя жили въ акрополяхъ своихъ городовъ, а теперь задыхаются среди красныхъ суконныхъ обоевъ Лувра!

Когда греческій скульпторъ рѣзалъ свой кусокъ мрамора, онъ старался вложить въ него умъ и сердце своей общины, своего города, республики. Въ его произведеніи воскресали всѣ страсти, всѣ славныя преданія прошлаго. Въ настоящее время городъ, *какъ цѣлое*, пересталъ существовать. Между его жителями нѣтъ никакого духовнаго общенія. Городъ — не болѣе какъ случайное сборище людей, не знающихъ другъ друга, не имѣющихъ между собою ничего общаго, кромѣ желанія обогатиться на счетъ другихъ; общей родины, общей отчизны, которую представлялъ городъ Древней Греціи или средневѣковой, не существуетъ... Какую, въ самомъ дѣлѣ, могутъ имѣть общую родину банкиръ, занимающійся международными спекуляціями, и фабричный рабочій?

Только тогда, когда данный городъ, данная мѣстность, данный народъ или группа народовъ снова будутъ имѣть единую общественную жизнь, только тогда искусство сможетъ черпать свое вдохновенiе изъ *общей идеи*, одухотворяющей данный городъ или данную федерацiю. Тогда архитекторъ сможетъ создать общественное зданiе — не церковь, не тюрьму и не крѣпость; тогда художникъ, скульпторъ, рѣзчикъ, орнаменталистъ будутъ знать, куда помѣстить свои картины, статуи или украшенiя, будутъ черпать силу изъ одного общаго жизненнаго источника и будутъ идти рука объ руку къ славному будущему.

А до тѣхъ поръ искусство можетъ только прозябать.

Изъ всѣхъ произведенiй современныхъ художниковъ, самыя лучшiя все-таки тѣ, которыя изображаютъ природу — деревню и ея мирныя поля и долины, море съ его опасностями, горы съ ихъ величавыми видами. Но какъ можетъ художникъ выразить поэзiю деревни и полевыхъ работъ, если онъ только *смотрѣлъ* на эту поэзiю, только создавалъ ее въ своемъ воображенiи и никогда не испытывалъ ея самъ; если онъ знаетъ ее только такъ, какъ перелетная птица знаетъ страну, надъ которой пролетаетъ; если въ цвѣтѣ своей молодости онъ не ходилъ на зарѣ за плугомъ, не зналъ наслажденiя косца, скашивающаго траву широкими взмахами косы, рядомъ съ другими сильными товарищами — косцами, состязающимися въ работѣ, не шелъ съ косьбы съ дѣвушками, наполняющими воздухъ своимъ смѣхомъ и пѣнiемъ? Любовь къ *землѣ* и къ тому, что на ней произростаетъ, не прiобрѣтается, глядя на землю и нивы съ кистью въ рукахъ; ее можно прiобрѣсти только служа ей, — а какъ изображать природу не любя ее? Вотъ почему все, сдѣланное въ этой области даже нашими лучшими художниками, такъ несовершенно

и часто такъ невѣрно: въ ихъ произведеніяхъ почти всегда преобладаетъ сентиментализмъ, но нигдѣ въ нихъ не видно настоящей *силы*.

Чтобы пережить впечатлѣніе великолѣпнаго заката солнца, нужно видѣть его, возвращаясь съ работы, нужно жить съ крестьянами такъ, какъ живутъ они. Для того, чтобы понять всю поэзію рыбной ловли, нужно быть въ морѣ вмѣстѣ съ рыбакомъ, во всякіе часы дня и ночи, бороться съ волнами, спорить съ бурей, испытать наслажденіе при видѣ тяжело нагруженной сѣти и — разочарованіе, когда приходится возвращаться домой съ пустою лодкой. Для того, чтобы знать, что̀ такое сила человѣка и умѣть передать ее въ произведеніи искусства, нужно побывать на фабрикѣ, испытать утомленіе и муки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслажденіе творческой работы, нужно самому ковать металлъ при ослѣпительномъ свѣтѣ плавильной печи, нужно самому почувствовать какъ *живетъ* машина. Нужно, наконецъ, погрузиться самому въ народную жизнь, прежде чѣмъ рѣшиться ее изображать.

Произведенія художниковъ будущаго, которые будутъ также жить жизнью народа, какъ жили ею художники прошлаго, не будутъ, очевидно, предназначаться для продажи. Они будутъ предназначаться для всякаго рода общественныхъ, общинныхъ зданій, гдѣ каждая картина или скульптура будетъ неотдѣлимою частью живого цѣлаго, которое утратило бы свою цѣлость безъ данной картины или статуи, подобно тому какъ картина или статуя утратили бы свой смыслъ, если выдѣлить ихъ изъ зданія. Туда-то и будутъ приходить люди, чтобы любоваться ими и тамъ-то ихъ гордая и ясная красота будетъ производить свое благодѣтельное дѣйствіе на человѣческіе умы и сердца.

Для развитія искусства нужно, чтобы оно было

связано съ промышленностью тысячами промежуточныхъ ступеней, которыя сливали бы ихъ въ одно цѣлое, какъ справедливо говорили Рёскинъ и великій соціалистическій поэтъ Моррисъ. Все, что окружаетъ человѣка — дома и ихъ внутренняя обстановка, улица, общественное зданіе внутри и снаружи — все должно обладать прекрасной художественной формой.

Но это будетъ возможно только въ такомъ обществѣ, гдѣ всѣ будутъ пользоваться довольствомъ и досугомъ. Тогда создадутся художественныя общества, въ которыхъ каждый сможетъ примѣнить свои способности, такъ какъ искусство не можетъ обойтись безъ цѣлаго ряда побочныхъ работъ, чисто ручныхъ или техническихъ. Эти художественныя общества возьмутъ на себя заботу объ украшеніи жилищъ своихъ членовъ, какъ это сдѣлали молодые эдинбургскіе художники, добровольно взявшіеся за украшеніе стѣнъ и потолковъ мѣстной большой больницы для бѣдныхъ.

Если художникъ или скульпторъ создастъ произведеніе, вытекающее изъ чисто личнаго чувства, онъ подаритъ его любимой женщинѣ или любимому другу. И не будетъ ли такое произведеніе, созданное съ любовью, несравненно выше тѣхъ картинъ, которыя пишутся и статуй, которыя лѣпятся теперь для удовлетворенія тщеславія всякихъ буржуа и банкировъ, только потому, что они могутъ заплатить за нихъ много денегъ?

Тоже будетъ и со всѣми другими удовольствіями, которыхъ человѣкъ ищетъ помимо необходимаго. Тотъ, кому захочется имѣть рояль, войдетъ въ общество людей, фабрикующихъ музыкальные инструменты. Тамъ онъ будетъ отдавать этому дѣлу часть остающейся у него свободной половины дня. Какое бы ремесло онъ не зналъ, лишь бы зналъ его въ совершенствѣ, онъ съумѣетъ приложить свою руку къ фабрикаціи рояля, — и черезъ нѣ-

сколько времени онъ получитъ желанный рояль. Если его привлекаетъ изученіе астрономіи, онъ присоединится къ обществу астрономовъ, въ которое будутъ входить и философы, и наблюдатели, и вычислители, и фотографы и артисты, выдѣлывающіе астрономическіе инструменты, и ученые, и любители, — и онъ получитъ нужный ему телескопъ, а самъ въ свою очередь внесетъ свою долю труда въ общее дѣло, потому что астрономическая обсерваторія также нуждается въ работѣ каменьщика, столяра, литейщика, механика, какъ и въ работѣ мастера-художника, завершающаго выдѣлку оптическаго инструмента нарѣзкою дѣленій.

Однимъ словомъ, тѣхъ пяти или шести часовъ, которыми будетъ располагать каждый, послѣ того, какъ онъ отдастъ нѣсколько часовъ производству необходимаго, будетъ болѣе чѣмъ достаточно для удовлетворенія всѣхъ, безконечно-разнообразныхъ потребностей, составляющихъ роскошь. Тысячи обществъ возьмутъ на себя эту обязанность. То, что теперь является привиллегіей ничтожнаго меньшинства, станетъ доступнымъ для всѣхъ. Роскошь перестанетъ быть глупымъ и кричащимъ удовлетвореніемъ тщеславнаго буржуа и станетъ удовлетвореніемъ дѣйствительно художественнаго вкуса.

Счастіе всѣхъ отъ этого только увеличится. Въ трудѣ сообща, съ легкимъ сердцемъ и въ виду достиженія желанной цѣли — книги, произведенія искусства, или предмета роскоши — человѣкъ найдетъ ту побудительную силу, тотъ необходимый отдыхъ, который дѣлаетъ жизнь пріятной.

Когда мы работаемъ для уничтоженія различія между господами и ихъ рабами, мы работаемъ, слѣдовательно, для счастья какъ тѣхъ, такъ и другихъ — для счастья всего человѣчества.

Привлекательный трудъ.

I

Когда соціалисты говорятъ, что общество, освободившееся отъ капитала, можетъ сдѣлать трудъ пріятнымъ и уничтожить всякую работу, внушающую отвращеніе или вредную для здоровья, надъ ними обыкновенно смѣются. А между тѣмъ мы уже теперь видимъ поразительные успѣхи въ этомъ направленіи, причемъ вездѣ, гдѣ были введены такого рода улучшенія, хозяевамъ оставалось только радоваться происходящему вслѣдствіе этого сбереженію силъ.

Заводъ и фабрику можно, несомнѣнно, сдѣлать такимъ-же здоровымъ и привлекательнымъ какъ любую научную лабораторію; и нѣтъ сомнѣнія также, что сдѣлать это бываетъ выгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ просторномъ помѣщеніи, при хорошемъ воздухѣ, работа идетъ лучше, и легче находятъ себѣ примѣненіе различныя мелкія усовершенствованія, ведущія къ сбереженію времени и труда. И если въ наше время помѣщенія бòльшей части фабрикъ такъ грязны и нездоровы, то это происходитъ отъ того, что при постройкѣ ихъ рабочій совершенно не принимается во вниманіе, и человѣческія силы тратятся въ нихъ самымъ нелѣпымъ образомъ.

Однако уже и теперь — хотя пока еще въ видѣ рѣдкаго исключенія — можно видѣть кое-гдѣ

фабрики, настолько хорошо обставленныя, что работать тамъ было бы вполнѣ пріятно, если бы только работа не продолжалась больше четырехъ или пяти часовъ въ день и если бы каждый могъ вносить въ нее нѣкоторое разнообразіе, сообразно своимъ наклонностямъ.

Мы можемъ указать, напримѣръ, на одинъ заводъ — къ сожалѣнію занимающійся изготовленіемъ военныхъ снарядовъ и орудій, — который въ смыслѣ разумной санитарной организаціи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Онъ занимаетъ площадь въ двадцать десятинъ, изъ которыхъ пятнадцать покрыты стекляной крышей. Полъ сдѣланъ изъ огнеупорнаго кирпича и такъ же чистъ, какъ въ домикѣ какого-нибудь рудокопа, а стеклянную крышу тщательно моютъ спеціально занимающіеся этимъ рабочіе. На этомъ заводѣ выковываютъ стальные слитки вѣсомъ до 1200 пудовъ, но присутствіе огромной печи, внутри которой температура доходитъ до тысячи градусовъ, не чувствуется даже въ тридцати шагахъ отъ нея: вы замѣчаете ее только тогда, когда раскаленная стальная масса выходитъ изъ пасти чудовища. И этимъ чудовищемъ управляютъ всего трое или четверо рабочихъ, которые открываютъ то одинъ, то другой кранъ, причемъ силою давленія воды въ трубахъ, приводятся въ движеніе огромные рычаги.

Вы входите въ этотъ заводъ, ожидая, что васъ сейчасъ же оглушитъ стукъ молотовъ, и видите, что молотовъ вовсе нѣтъ: огромнѣйшія пушки, вѣсомъ въ 6000 пудовъ и оси большихъ пароходовъ выковываются просто давленіемъ молотовъ, приводимыхъ въ движеніе давленіемъ воды въ трубахъ. Для сдавливанія металлической массы, рабочій, вмѣсто того, чтобы ковать, просто повертываетъ кранъ. И при такой гидравлической ковкѣ металлическая масса становится болѣе ровною и безъ изломовъ, какова бы ни была ея толщина.

Вы ждете ужаснаго лязга и грохота машинъ, а между тѣмъ видите, что машины разрѣзываютъ металлическія массы въ пять саженъ длиною также беззвучно, какъ будто онѣ рѣзали кусокъ сыра. А когда мы подѣлились нашимъ впечатлѣніемъ съ сопровождавшимъ насъ инженеромъ, то онъ спокойно отвѣтилъ:

„Для насъ, это вопросъ экономіи. Вотъ эта машина, напримѣръ, строгающая сталь, служитъ намъ уже сорокъ два года, а если бы ея части были плохо подобраны или слишкомъ слабы, и оттого трещали и скрипѣли бы при каждомъ движеніи, она не прослужила бы и десяти лѣтъ!“

„Васъ удивляютъ плавильныя печи? Къ чему же терять теплоту, вмѣсто того, чтобы ею пользоваться для самой же печи? Это былъ бы совершенно лишній расходъ: въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ заставлять кочегаровъ жариться, когда теряемая путемъ лучеиспусканія теплота представляетъ собою цѣлыя тонны угля?

„Такою же лишнею тратою были бы и молоты, заставлявшіе прежде дрожать всѣ зданія на двадцать верстъ въ окружности. Ковка давленіемъ гораздо лучше чѣмъ ударомъ, и стоитъ она дешевле, потому что потери меньше.

„Просторное помѣщеніе вокругъ станковъ? хорошее освѣщеніе? чистота? — все это чистѣйшій разсчетъ. Человѣкъ работаетъ лучше, когда онъ хорошо видитъ и когда ему не тѣсно. Вотъ, въ нашемъ прежнемъ помѣщеніи, въ городѣ, у насъ дѣйствительно все было очень скверно. Тѣснота — ужасная. Вы знаете, какъ страшно дорого стòитъ тамъ земля, изъ-за жадности землевладѣльцевъ.“

То же самое можно сказать и объ угольныхъ копяхъ. Всякій знаетъ, хотя бы изъ романа Золя или изъ газетъ, что̀ представляютъ собою теперь угольныя копи. Между тѣмъ въ будущемъ, когда

копи будутъ хорошо провѣтриваться, температура въ нихъ будетъ такая же ровная, какъ теперь въ рабочей комнатѣ; не будетъ въ нихъ лошадей, осужденныхъ всю жизнь прожить и умереть подъ землей, такъ какъ вагонеты съ углемъ будутъ передвигаться, либо по безконечному стальному канату, приводимому въ движеніе у входа въ копь, либо электричествомъ; вездѣ будутъ вентиляторы и взрывы станутъ невозможными. И это также не мечта: въ Англіи уже существуютъ нѣсколько такихъ копей, и одну изъ нихъ, гдѣ все устроено именно такъ, намъ удалось осмотрѣть. И здѣсь такъ же, какъ на заводѣ, хорошее, санитарное устройство привело къ громадной экономіи въ расходахъ. Несмотря на свою большую глубину (210 сажень), эта копь даетъ тысячу тоннъ угля въ день, всего съ двумя стами рабочихъ, т. е. пять тоннъ (300 пудовъ) въ день на каждаго рабочаго, между тѣмъ какъ во всѣхъ двухъ тысячахъ копей Англіи *среднее* количество добываемаго каждымъ рабочимъ угля едва доходитъ до 300 тоннъ въ годъ, т. е. всего 60 пудовъ въ день.

Можно было бы привести еще много другихъ примѣровъ въ доказательство того, что, по крайней мѣрѣ по отношенію къ устройству матеріальной обстановки, мысль Фурье о „привлекательномъ трудѣ“ далеко не составляетъ неосуществимую мечту. Но соціалисты такъ много уже писали объ этомъ, что въ настоящее время всѣ признаютъ, что заводы, фабрики или копи *возможно* сдѣлать такими же чистыми, какъ лучшія лабораторіи современныхъ университетовъ, и что чѣмъ лучше они будутъ устроены въ этомъ отношеніи, тѣмъ производительнѣе будетъ человѣческій трудъ.

Неужели же послѣ этого можно сомнѣваться въ томъ, что въ обществѣ равныхъ, въ обществѣ, гдѣ „рабочія руки“ не будутъ продаваться изъ-за куска хлѣба, трудъ станетъ на самомъ дѣлѣ отдыхомъ

и удовольствіемъ? Всякая нездоровая или противная работа исчезнетъ, потому что при этихъ новыхъ условіяхъ она несомнѣнно окажется вредной для всего общества, въ цѣломъ. Такой работой могутъ заниматься рабы; свободный же человѣкъ создастъ новыя условія труда, — труда привлекательнаго и несравненно болѣе производительнаго.

То же будетъ и съ домашними работами, которыя теперь общество взваливаетъ на женщину — этого страдальца за все человѣчество.

II

Общество, возрожденное Революціей, съумѣетъ уничтожить и домашнее рабство — послѣднюю форму рабства, которая вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и самая упорная, потому что она самая старинная. Но оно примется за это иначе, чѣмъ мечтали организаторы фаланстеровъ, и иначе, чѣмъ это думали государственные коммунисты — обожатели суровой власти — съ ихъ „арміями труда.“

Милліоны человѣческихъ существъ никогда не согласятся на жизнь въ фаланстерѣ. Правда, даже наименѣе общительный человѣкъ испытываетъ по временамъ потребность встрѣчаться съ другими людьми для общаго труда — труда, который становится болѣе привлекательнымъ, если человѣкъ чувствуетъ себя при этомъ частью одного огромнаго цѣлаго. Но часы досуга, посвящаемые отдыху и близкимъ людямъ — дѣло гораздо болѣе личное. А между тѣмъ фаланстеры и даже фамилистеры не считаются съ этой потребностью, или, если и считаются, то пытаются удовлетворить ей искусственнымъ образомъ.

Фаланстеръ, который, въ сущности, представляетъ не что иное, какъ огромную гостинницу, можетъ нравиться нѣкоторымъ, или даже всѣмъ въ

извѣстные періоды ихъ жизни; но огромное большинство людей все-таки предпочитаетъ жизнь семейную (конечно, семейную жизнь будущаго). Оно больше любитъ отдѣльныя квартиры, а норманская и англо-саксонская раса предпочитаютъ даже отдѣльные домики изъ четырехъ, пяти или болѣе комнатъ, въ которыхъ можно жить своей семьей или въ тѣсномъ кружкѣ друзей.

Фаланстеръ можетъ быть хорошъ иногда, но онъ оказался бы очень плохъ, если бы сталъ общимъ правиломъ. Человѣческая природа требуетъ чтобы часы, проводимые въ обществѣ, чередовались съ часами одиночества. Одно изъ самыхъ ужасныхъ мученій въ тюрьмѣ состоитъ именно въ невозможности остаться одному, точно такъ же какъ одиночное заключеніе становится въ свою очередь пыткой, когда оно не чередуется съ временами, проводимыми въ обществѣ другихъ.

Намъ говорятъ, иногда, что жизнь въ фаланстерѣ экономнѣе, но это — самая мелочная и пустая экономія. Настоящая, единственно-разумная экономія состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать жизнь пріятной для всѣхъ, потому что, когда человѣкъ доволенъ жизнью, онъ производитъ неизмѣримо больше, чѣмъ когда онъ проклинаетъ все окружающее.*)

---

*) Коммунисты Молодой Икаріи поняли, повидимому, какъ важно предоставить людямъ свободу выбора въ ежедневномъ общеніи ихъ между собою, помимо работы. Идеалъ религіозныхъ коммунистовъ былъ всегда связанъ съ общей трапезой; первые христіане именно въ общей трапезѣ выражали свое присоединеніе къ христіанству, и слѣды этого до сихъ поръ сохранились въ причастіи. Молодые Икарійцы порвали съ этой религіозной традиціей. Они обѣдаютъ всѣ въ одной комнатѣ, но за отдѣльными столиками, гдѣ люди усаживаются, смотря по своимъ личнымъ симпатіямъ. Коммунисты, живущіе въ Анамѣ, имѣютъ свои отдѣльные домики и обѣдаютъ у себя, хотя всю нужную имъ провизію берутъ въ общинныхъ магазинахъ — сколько кто хочетъ.

Другіе соціалисты отрицаютъ фаланстеры, но когда ихъ спрашиваютъ, какъ устроить домашнія работы, они отвѣчаютъ: „Всякій будетъ дѣлать свою работу самъ. Управляется же моя жена съ домашней работой, ну и барыни будутъ дѣлать то же самое.“ А если вы имѣете дѣло съ играющимъ въ соціализмъ буржуа, то онъ обращается съ пріятной улыбкой къ женѣ и говоритъ: „Не правда ли, душечка, — ты отлично обошлась бы безъ прислуги въ соціалистическомъ обществѣ? Ты, конечно, стала бы работать, какъ жена нашего пріятеля Павла Иваныча или бравого столяра Ивана Петровича?“ На что жена отвѣчаетъ съ кисло-сладкой улыбкой: „Конечно, дружокъ“, а про себя думаетъ въ то же время, что, къ счастью, это будетъ еще не такъ скоро.

Будь то служанка или жена, мужчина всегда разсчитываетъ взвалить всѣ домашнія работы на женщину. Но женщина, съ своей стороны, тоже начинаетъ требовать, наконецъ, своей доли въ освобожденіи человѣчества. Она больше не хочетъ быть вьючнымъ животнымъ своего дома; довольно съ нея и того, что она столько лѣтъ своей жизни отдаетъ на воспитаніе дѣтей. Она не хочетъ больше быть въ домѣ кухаркой, судомойкой, горничной! Впереди всѣхъ другихъ идутъ въ своихъ требованіяхъ американки, и въ Соединенныхъ Штатахъ слышатся повсюду жалобы на недостатокъ женщинъ, готовыхъ заниматься домашними работами. Барыни предпочитаютъ искусство, политику, литературу или какія-нибудь забавы; работницы съ своей стороны, дѣлаютъ то же самое и повсюду слышатся охи да вздохи, насчетъ невозможности найти „прислугу“. Въ Соединенныхъ Штатахъ мало встрѣчаешь американокъ, которыя согласились бы на рабство домашней прислуги.

Рѣшеніе вопроса подсказывается, впрочемъ, самою жизнью, и это рѣшеніе, какъ водится, очень

просто. Машина беретъ на себя три четверти всѣхъ хозяйственныхъ работъ.

Вы чистите сами свою обувь и знаете, какое это нелѣпое занятіе? Водить двадцать или тридцать разъ щеткой по сапогу — что можетъ быть глупѣе этого? Только потому, что милліоны европейцевъ, мужчинъ и женщинъ, вынуждены продавать себя для исполненія этой работы, за какое-нибудь логовище и скудное пропитаніе, только потому, что женщина чувствуетъ себя рабою, возможно, чтобы цѣлые милліоны рукъ продѣлывали каждодневно эту глупѣйшую операцію.

А между тѣмъ у парикмахеровъ уже имѣются машинныя круглыя щетки для приглаживанія какъ ровныхъ, такъ и взъерошенныхъ волосъ. Почему же, въ такомъ случаѣ, не приложить того же пріема и къ другой оконечности человѣческаго тѣла? Отчего же нѣтъ? И дѣйствительно такъ и дѣлаютъ. Въ большихъ американскихъ и европейскихъ гостинницахъ уже входитъ въ употребленіе такая машина для чистки сапогъ, и эта машина распространяется и помимо гостинницъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи, въ нѣкоторыхъ большихъ школахъ, гдѣ мальчики живутъ по пятидесяти и даже по двѣсти человѣкъ у учителей, начальники этихъ пансіоновъ сдаютъ чистку сапогъ особому предпринимателю, который беретъ на себя вычистить каждое утро на машинѣ тысячу паръ сапогъ. И это оказывается, конечно, выгоднѣе, чѣмъ держать сотни служанокъ, спеціально для этого глупѣйшаго занятія. Одинъ знакомый мнѣ бывшій сапожникъ собираетъ съ вечера всю эту груду сапогъ, а утромъ разсылаетъ ихъ вычищенными на машинѣ.

А возьмите мытье посуды. Есть ли гдѣ-нибудь такая хозяйка, которая любила бы эту работу — скучную и грязную, которая только потому исполняется руками, что трудъ домашней рабыни считается ни во что?

Въ Америкѣ и этотъ рабскій трудъ начинаетъ понемногу замѣняться болѣе осмысленнымъ трудомъ. Есть города, гдѣ горячая вода также проведена въ дома, какъ у насъ холодная, и это уже облегчаетъ рѣшеніе вопроса. А одна женщина, г-жа Кокрэнъ, разрѣшила его на половину: изобрѣтенная ею машина моетъ, вытираетъ и сушитъ двадцать дюжинъ тарелокъ или блюдъ меньше чѣмъ въ три минуты. Такія машины производятся въ Иллинойсѣ и продаются по цѣнамъ доступнымъ для болѣе многочисленныхъ семействъ. Что же касается маленькихъ семей, то онѣ со временемъ будутъ отдавать свою посуду въ мойку такъ же, какъ теперь отдаются уже башмаки для чистки — причемъ, вѣроятно, обѣ эти функціи будетъ брать на себя одно и то же учрежденіе.

Женщины чистятъ ножи, сдираютъ себѣ кожу съ рукъ, выжимая бѣлье, метутъ полы и чистятъ ковры, поднимая облака пыли, которую потомъ нужно съ большимъ трудомъ удалять изъ всѣхъ щелей, куда она садится — но все это дѣлается такъ по сію пору только потому, что женщина продолжаетъ быть рабыней. Между тѣмъ, вся эта работа уже могла бы выполняться, гораздо лучше машиной. А когда во всѣ дома будетъ проведена двигательная сила, тогда всевозможныя домашнія машины, упрощенныя такъ, чтобы онѣ занимали немного мѣста, вступятъ въ свои права.

Замѣтимъ, что сами по себѣ всѣ такія машины стòятъ очень недорого, и если теперь мы платимъ за нихъ такъ много, то это зависитъ отъ того, что онѣ мало распространены, а главное — что всевозможные господа, спекулирующіе на землѣ, на сыромъ матеріалѣ, на фабрикаціи, на продажѣ, на налогахъ и т. д., берутъ съ насъ по крайней мѣрѣ въ три или четыре раза дороже дѣйствительной стоимости, наживаясь, каждый, на всякой вновь возникающей потребности.

Но маленькія машины, которыя можно имѣть въ каждомъ домѣ и квартирѣ, не есть еще послѣднее слово въ освобожденіи домашняго труда. Семья должна выйти изъ своей теперешней обособленности, соединиться въ артель съ другими семьями, чтобы сообща дѣлать ту работу, которая теперь дѣлается въ каждой семьѣ порознь.

Въ самомъ дѣлѣ, будущее вовсе не въ томъ, чтобы въ каждой семьѣ была одна машина для чистки сапогъ, другая для мытья тарелокъ, третья для стирки бѣлья и т. д. Будущее принадлежитъ одной общей печи, которая отапливаетъ всѣ комнаты цѣлаго квартала и такимъ образомъ избавляетъ отъ необходимости разводить сотни огней. Такъ и дѣлается уже въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ: изъ общей печи проводится по трубамъ во всѣ дома и во всѣ комнаты горячая вода, и чтобы измѣнить температуру комнаты, достаточно повернуть кранъ. Если же вы хотите развести въ какой-нибусь комнатѣ огонь, то вы можете зажечь газъ или электрическую печь въ вашемъ каминѣ. Вся огромная работа чистки каминовъ и поддерживанія въ нихъ огня, которая поглощаетъ милліоны рабочихъ рукъ въ Англіи, понемногу, такимъ образомъ, исчезаетъ, а женщины хорошо знаютъ, сколько времени камины отнимаютъ у нихъ теперь.

Свѣча, лампа и даже газъ уже отживаютъ свой вѣкъ. Существуютъ цѣлые города, гдѣ достаточно нажать пуговку, чтобы получить свѣтъ, и весь вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи сводится теперь на то, какъ отдѣлаться отъ цѣлой арміи монополистовъ, повсемѣстно захватившихъ (при помощи государства) электрическое освѣщеніе въ свои руки.

Наконецъ — опять-таки въ Америкѣ — идетъ уже рѣчь объ образованіи такихъ обществъ, которыя почти вполнѣ могли бы устранить домашнюю работу. Для этого достаточно было бы одного та-

кого учрежденія для каждой группы домовъ. Особая повозка пріѣзжала бы за корзинами подлежащихъ чисткѣ сапогъ, за грязной посудой, за бѣльемъ, за мелкими вещами, которыя нужно чистить (если это стоитъ того), за коврами — и на другой день привозила бы уже исполненную, и хорошо исполненную, работу. А въ часъ утренняго завтрака на вашемъ столѣ могъ бы появиться горячій чай или кофе и весь завтракъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, что дѣлается теперь. Между двѣнадцатью и двумя часами дня милліоновъ тридцать американцевъ и милліоновъ двадцать англичанъ съѣдаютъ кусокъ жареной говядины или баранины или вареной свинины — изрѣдка курицы или рыбы — и порцію картофели и тѣхъ или другихъ овощей, смотря по времени года. И такъ дѣлаютъ они изо дня въ день и изъ года въ годъ, изрѣдка разнообразя чѣмъ нибудь свой обѣдъ. Для того, чтобы сварить это мясо и сварить эти овощи, по крайней мѣрѣ десять милліоновъ огней горятъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ и десять милліоновъ женщинъ тратятъ время на приготовленіе этихъ обѣдовъ, въ которые, въ общемъ, входитъ не больше десяти различныхъ кушаній.

„Пятьдесятъ огней“, пишетъ одна американка, „тамъ, гдѣ достаточно было бы одного!“ Завтракайте, если хотите, у себя дома, въ семьѣ, съ своими дѣтьми; но зачѣмъ, скажите пожалуйста, этимъ пятидесяти женщинамъ терять каждое утро два три часа на приготовленіе такого немудренаго обѣда? Выбирайте себѣ сами кусокъ говядины или баранины, если ужъ вы такой лакомка; приправляйте себѣ сами овощи, если вы предпочитаете тотъ или другой соусъ. Но пусть будетъ всего одна большая кухня и одна, хорошо устроенная плита, чтобы сжарить мясо и сварить эти овощи на пятьдесятъ семей!

Жить, какъ мы теперь живемъ, конечно, безсмысленно; но происходитъ это оттого, что трудъ женщины никогда ни во что не ставился; оттого, что до сихъ поръ, даже люди, стремящіеся къ освобожденію „человѣчества", никогда въ своихъ освободительныхъ мечтаніяхъ не принимали во вниманіе женщину; оттого, что они считаютъ несовмѣстимымъ со своимъ мужскимъ достоинствомъ, думать „объ этихъ кухонныхъ дѣлахъ", которыя поэтому и взваливаютъ, какъ на вьючное животное, на женщину.

Освободить женщину не значитъ открывать ей двери университета, суда или парламента; потому что освобожденная женщина всегда взваливаетъ домашній трудъ на какую-нибудь другую женщину. Освободить женщину — значитъ избавить ее отъ отупляющаго труда кухни и прачешной; это значитъ — устроиться такъ, чтобы дать ей возможность, кормя и выращивая своихъ дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть достаточно свободнаго времени, чтобы принимать участіе въ общественной жизни.

И это осуществится, это уже начинаетъ осуществляться. Мы будемъ помнить, что революція, которая будетъ только наслаждаться красивыми фразами о Свободѣ, Равенствѣ и Братствѣ, но сохранитъ домашнее рабство женщины, не будетъ настоящей революціей. Цѣлой половинѣ человѣчества, находящейся въ кухонномъ рабствѣ, пришлось бы впослѣдствіи начать свою революцію, чтобы освободить себя отъ другой половины.

Свободное соглашение.

Унаслѣдованные нами предразсудки и все наше совершенно ложно поставленное воспитаніе и образованіе такъ пріучили насъ видѣть повсюду правительство, законъ и судъ, что въ концѣ концовъ мы начинаемъ думать, что если бы не постоянная бдительность полиціи и властей, то люди перегрызлись бы какъ дикіе звѣри, и что, если бы государственная власть вдругъ рухнула бы, то на землѣ водворился бы полный хаосъ. Такъ насъ учили; а мы, какъ добрые школяры, такъ и твердимъ во слѣдъ за „большими". А между тѣмъ, мы проходимъ, совершенно не замѣчая того, мимо тысячъ различныхъ учрежденій, созданныхъ людьми безъ всякаго вмѣшательства закона — учрежденій, которыя достигаютъ гораздо болѣе значительныхъ результатовъ, чѣмъ все то, что происходитъ подъ правительственной опекой.

Откройте любую ежедневную газету. Ея страницы посвящены почти исключительно дѣйствіямъ правительства и политическимъ соображеніямъ. Прочти ее какой-нибудь китаецъ, — и онъ подумаетъ, что въ Европѣ ничего не дѣлается безъ приказанія свыше. Но попробуйте найти въ такой газетѣ что-нибудь касающееся тѣхъ учрежденій, которыя возникаютъ, растутъ и развиваются помимо правительственныхъ предписаній — и вы не найдете ничего или почти ничего. Если въ ней и

есть отдѣлъ „Разныхъ происшествій“, то только потому, что они имѣютъ касательство къ полиціи. О какой-нибудь семейной драмѣ или о какомъ-нибудь актѣ протеста упоминается только въ томъ случаѣ, если въ дѣло вмѣшалась полиція.

Триста-пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ живутъ изо дня въ день, любя или ненавидя другъ друга, работаютъ или прокучиваютъ свои „доходы“, страдаютъ или наслаждаются жизнью, но ихъ жизнь (если не считать литературы, театра и спорта) остается совершенно неизвѣстна для газетъ, покуда въ нее, такъ или иначе, не вмѣшаются правительства.

То же самое можно сказать и объ исторіи. Мы знаемъ до мельчайшихъ подробностей жизнь какого-нибудь короля или парламента; исторія сохранила для насъ всѣ, хорошія или дурныя, рѣчи, произносившіяся въ разныхъ говорильняхъ и — какъ замѣтилъ мнѣ одинъ старый парламентарный англійскій политикъ, никогда еще не повліявшія при голосованіи ни на одинъ „голосъ“. Визитъ, сдѣланный однимъ королемъ другому, хорошое или дурное расположеніе духа того или иного министра, его остроты и его „интрижки“ — все это тщательно сохраняется исторіею для потомства. Но попробуйте возстановить повседневную жизнь средневѣковаго города, или познакомиться съ механизмомъ того громаднаго обмѣна товаровъ, который происходилъ между ганзейскими городами, или узнать, какъ городъ Руанъ строилъ свой соборъ, не имѣя на то казенныхъ милліоновъ — и вы увидите, какъ это трудно. Исторіи извѣстно, въ какіе дни у такого-то великаго короля былъ насморкъ, но созидательною дѣятельностью народа, внѣ Ратуши и Парламента, она не любитъ заниматься. Если даже какой-нибудь ученый и посвящаетъ свою жизнь этимъ вопросамъ, то его труды остаются неизвѣстными, между тѣмъ какъ исторіи полити-

ческія, которыя невѣрны уже потому, что говорятъ только объ одной сторонѣ жизни обществъ, „плодятся годъ-отъ-году“, читаются и преподаются въ школахъ.

И, устремивъ все свое вниманіе на парламенты, министровъ и королей, мы даже не замѣчаемъ той громадной работы, которая совершается ежедневно повсюду, свободными группами людей, и которая именно и составляетъ заслугу нашего вѣка.

Вотъ почему мы постараемся отмѣтить, хотя нѣкоторыя изъ наиболѣе яркихъ проявленій этой созидательной работы и показать, что безъ всякихъ правительствъ люди отлично умѣютъ, — если только ихъ интересы не совершенно противоположны — приходить къ соглашенію для совмѣстнаго дѣйствія, даже въ очень сложныхъ вопросахъ.

Конечно, въ современномъ обществѣ, основанномъ на частной собственности, т. е. на грабежѣ, и на узкомъ, слѣдовательно безсмысленномъ, индивидуализмѣ, этого рода явленія должны быть очень ограничены. Соглашеніе между людьми не всегда бываетъ совершенно свободно и часто имѣетъ въ виду мелочную или даже вредную цѣль. Но мы ищемъ не примѣровъ для слѣпого подражанія, которыхъ современное общество и не могло бы намъ дать: мы хотимъ показать, что несмотря на гнетущій насъ индивидуализмъ, въ нашей жизни все-таки находится обширное поле для свободнаго соглашенія, и что обойтись безъ правительства гораздо легче чѣмъ кажется. Если люди, которыхъ основное начало жизни выражается словами: „каждый — для себя“, могутъ вступать въ соглашенія и вести крупныя дѣла, не назначая надъ собою капрала, — то не легче ли согласиться людямъ, имѣющимъ общую — общественную цѣль?

Мы уже разъ указывали на примѣръ желѣзныхъ дорогъ; но остановимся нѣсколько на немъ. Какъ извѣстно, Европа покрыта сѣтью желѣзныхъ до-

рогъ около 300.000 верстъ длиною, и по этой сѣти можно путешествовать теперь съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, отъ Мадрида до Петербурга и отъ Калэ до Константинополя, безъ всякой остановки, и часто даже не пересаживаясь изъ вагона въ вагонъ (если ѣхать со скорымъ поѣздомъ). Мало того: посылка, сданная на какомъ бы то ни было вокзалѣ, дойдетъ до человѣка, которому она предназначается, гдѣ бы онъ не былъ, въ Турціи или въ Азіи; отправителю достаточно написать мѣсто назначенія на клочкѣ бумаги.

Этихъ результатовъ можно было достигнуть двоякимъ путемъ. Какой-нибудь Наполеонъ, Бисмаркъ, или другой воитель могъ завоевать всю Европу и, сидя гдѣ-нибудь въ Парижѣ, въ Берлинѣ или въ Римѣ, начертить на картѣ линіи желѣзныхъ дорогъ и распорядиться порядкомъ движенія поѣздовъ. Коронованный идіотъ, Николай I-ый, мечталъ поступить именно такъ. Когда ему представили различные проэкты желѣзной дороги между Москвою и Петербургомъ, онъ взялъ линейку, провелъ по картѣ Россіи прямую линію между обѣими столицами и сказалъ: „Вотъ вамъ линія желѣзной дороги“. Дорогу такъ и построили — по прямой линіи, засыпая овраги, воздвигая мосты, которые черезъ нѣсколько лѣтъ пришлось бросить, и потративъ такимъ образомъ неистовыя деньги на каждую версту пути.

Это одинъ изъ возможныхъ способовъ; но на дѣлѣ, желѣзныя дороги почти вездѣ, создались совершенно иначе. Онѣ строились по частямъ; затѣмъ эти части связывались между собою, и наконецъ, многочисленныя компаніи, которымъ принадлежали эти части, сговаривались относительно того, какъ согласовать часы прихода и отхода поѣздовъ такъ, чтобы можно было перевозить товары по всевозможнымъ направленіямъ, не выгружая ихъ каждый разъ, когда приходится переѣзжать съ одной сѣти на другую.

И все это было устроено путемъ свободнаго соглашенія, — путемъ обмѣна писемъ и предложеній, путемъ съѣздовъ, на которые представители являлись не для того, чтобы написать законъ, обязательный для всѣхъ, а для того, чтобы, обсудивши разные вопросы, вернуться затѣмъ каждый, къ своей компаніи, съ *проэктомъ соглашенія*, которое можно было принять или отвергнуть.

Конечно, были и затрудненія; встрѣчались упорные люди, которыхъ трудно было убѣдить. Но общій интересъ въ концѣ концовъ примирилъ всѣхъ, причемъ для покоренія упорствующихъ не оказалось никакой надобности призывать на помощь начальство и солдатъ.

Эта гигантская желѣзнодорожная сѣть и происходящее по ней огромное движеніе товаровъ представляютъ собою, несомнѣнно, самую характерную черту нашего вѣка, и все это — дѣло свободнаго соглашенія. Если бы кто-нибудь предсказалъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что объединеніе совершится этимъ путемъ, наши дѣды приняли бы его за помѣшаннаго. — „Никогда, воскликнули бы они, вамъ не удастся привести къ соглашенію сто акціонерныхъ компаній! Это — сказка, утопія! Установить единство дѣйствія можно только при помощи центральнаго управленія, съ директоромъ, умѣющимъ заставить себѣ повиноваться!“

И вотъ, всего интереснѣе въ этомъ дѣлѣ именно то, что для европейскихъ желѣзныхъ дорогъ не существуетъ ничего подобнаго центральному управленію: ни министра европейскихъ желѣзныхъ дорогъ, ни диктатора, ни европейскаго парламента, ни даже управляющаго комитета! Все дѣлается путемъ договора.

Когда какой-нибудь государственникъ говоритъ намъ, что „никогда нельзя будетъ обойтись безъ центральнаго правительства, хотя бы для управленія движеніемъ товаровъ“, мы можемъ поэтому спросить его:

„А какъ же обходятся безъ него европейскія желѣзныя дороги? Какимъ образомъ имъ удается перевозить по всей Европѣ милліоны путешественниковъ и цѣлыя горы товаровъ? Если желѣзнодорожныя компаніи могли столковаться между собою, то почему же не смогутъ столковаться такимъ же образомъ и рабочіе, когда они завладѣютъ желѣзнодорожными линіями? И если петербургско-варшавская и парижско-бельфорская компаніи могутъ дѣйствовать съ необходимымъ единствомъ безъ всякаго начальства надъ ними, то почему же такое начальство непремѣнно должно существовать въ обществѣ, состоящемъ изъ группъ свободныхъ работниковъ? Неужели, по вашему, мошенникамъ легче вступить въ соглашеніе, чѣмъ честнымъ людямъ?"

II

Когда мы стараемся показать на примѣрахъ, что даже и теперь, несмотря на несправедливость, лежащую въ основѣ современнаго общественнаго устройства, люди отлично могутъ, если только ихъ интересы не прямо противоположны, придти къ соглашенію безъ всякаго вмѣшательства власти, то мы отлично знаемъ, какого рода возраженія намъ выставятъ противъ этого.

Всѣ эти примѣры, конечно, имѣютъ одинъ общій недостатокъ, потому что теперь нельзя указать ни одной организаціи, которая не основывалась бы на эксплуатаціи слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Вотъ почему государственники не преминутъ возразить намъ, со свойственной имъ логичностью: „Вы видите, что для того, чтобы положить конецъ этой эксплуатаціи, необходимо государственное вмѣшательство!"

Но они забываютъ уроки исторіи; они не говорятъ о томъ, насколько само государство содѣйствовало ухудшенію положенія, создавая пролетарі-

атъ и отдавая этотъ пролетаріатъ во власть эксплуататоровъ. Они забываютъ также рѣшить вопросъ о томъ, — возможно ли прекратить эксплуатацію, пока не исчезнутъ ея основныя причины: частное владѣніе капиталомъ и бѣдность, на двѣ трети созданная государствомъ?

Мы легко можемъ предвидѣть поэтому, что по поводу согласія между желѣзнодорожными компаніями, намъ скажутъ: „Развѣ вы не видите, какъ эти компаніи грабятъ пассажировъ, какъ онѣ угнетаютъ своихъ служащихъ? Должно же государство вмѣшаться и взять подъ свою защиту публику!"

Но мы уже много разъ повторяли, что всѣ эти злоупотребленія будутъ существовать до тѣхъ поръ пока существуютъ капиталисты. Между тѣмъ это якобы благодѣтельное государство само дало въ руки компаніямъ ту страшную силу, которой онѣ теперь пользуются. Не оно ли давало имъ концессіи и гарантіи? Не оно ли посылало войска противъ начинавшихъ стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ? А въ началѣ (въ Россіи это бываетъ еще и до сихъ поръ), развѣ оно не доводило желѣзнодорожную монополію до того, что запрещало говорить въ печати о несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, чтобы не понижать цѣну на гарантированныя имъ акціи? Развѣ не оно содѣйствовало той монополіи, которая сдѣлала разныхъ Вандербильтовъ, Поляковыхъ и директоровъ Парижско-Ліонско-Средиземной дороги и дороги Сенъ-Готардской „королями нашего времени"?

Поэтому, когда мы приводимъ въ примѣръ соглашеніе, молчаливо установившееся между желѣзнодорожными компаніями, мы вовсе не считаемъ его экономическимъ идеаломъ или хотя бы даже идеаломъ промышленнымъ. Мы этимъ хотимъ только показать, что если капиталисты, не имѣющіе никакой другой цѣли, кромѣ увеличенія своихъ личныхъ доходовъ на чужой счетъ, могутъ

эксплуатировать желѣзныя дороги, не создавая для этого никакого международнаго начальства, то почему же общества, состоящія изъ рабочихъ, не смогутъ сдѣлать того же самаго, и даже устроиться лучше, не прибѣгая къ назначенію министра европейскихъ желѣзныхъ дорогъ?

Существуетъ еще одно возраженіе, повидимому болѣе серьезное. Намъ могутъ сказать, что соглашеніе, о которомъ мы говоримъ, нельзя назвать вполнѣ *свободнымъ*, потому что крупныя компаніи всегда навязываютъ свою волю мелкимъ. Можно, напримѣръ, указать на одну изъ такихъ богатыхъ компаній, которая заставляетъ пассажировъ, направляющихся изъ Берлина въ Базель, ѣхать черезъ Кельнъ вмѣсто Лейпцига, или отправляетъ товары такъ, что имъ приходится дѣлать кругъ въ сто или двѣсти верстъ (при большихъ разстояніяхъ) ради выгоды могущественныхъ акціонеровъ; или же, наконецъ, прямо раззоряетъ другія, второстепенныя линіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ пассажирамъ, такъ и товарамъ приходилось иногда слѣдовать самымъ невѣроятнымъ маршрутомъ, ради того, чтобы доллары попадали въ карманы какого-нибудь Вандербильта.

Но отвѣтъ на это возраженіе тотъ же самый. До тѣхъ поръ, пока существуетъ капиталъ, крупный капиталъ будетъ всегда подавлять мелкій. Однако слѣдуетъ помнить, что это угнетеніе происходитъ не только благодаря капиталу: въ дѣйствительности крупныя компаніи могутъ угнетать мелкія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе поддержки со стороны государства, создающаго монополіи въ ихъ пользу. Половина, если не двѣ-трети власти крупнаго капитала состоитъ въ настоящее время въ его власти надъ правительствами, не только у насъ въ Россіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ.

Марксъ очень хорошо показалъ, какъ англійское законодательство сдѣлало все возможное для того,

чтобы раззорить мелкое производство, довести до нищеты крестьянина и предоставить въ распоряженіе крупныхъ промышленниковъ цѣлыя арміи бѣдняковъ, вынужденныхъ работать за какую угодно плату. Совершенно то же можно сказать и о законодательствѣ, касающемся желѣзныхъ дорогъ. Стратегическія линіи, линіи получающія субсидію, линіи имѣющія монополію перевозки международной корреспонденціи — все было пущено въ ходъ въ интересахъ крупныхъ финансистовъ. Когда Ротшильдъ — которому должны всѣ европейскія государства — вкладываетъ свои капиталы въ ту или въ другую желѣзную дорогу, то его вѣрноподданные — министры, короли и президенты республикъ — немедленно дѣлаютъ все, чтобы доставить этой линіи возможно бо̀льшіе барыши. Безъ этой прислуги, Ротшильдъ потерялъ бы девять-десятыхъ своей силы.

Въ Соединенныхъ Штатахъ (въ этой демократической странѣ, которую соціалисты-государственники иногда выставляютъ намъ какъ идеалъ), во всемъ, что касается желѣзныхъ дорогъ, царствуетъ са̀мое наглое мошенничество. Безпрестанно приходится читать, что та или другая компанія убиваетъ своихъ конкуррентовъ очень низкими тарифами, потому что она получаетъ, съ другой стороны, выгоды отъ земель, которыя она, при помощи взятокъ, получила отъ государства. Недавно изданныя свѣдѣнія относительно перевозки американской пшеницы показываютъ во-очію насколько велико, въ этой эксплуатаціи слабаго сильнымъ, участіе государства.

Государство и здѣсь увеличило въ десять, во сто разъ силу крупнаго капитала. И когда мы видимъ, что синдикатамъ желѣзнодорожныхъ компаній (опять-таки представляющимъ собою результатъ свободнаго соглашенія) удается иногда защитить мелкія компаніи отъ крупныхъ, то мы мо-

жемъ только удивляться, какой внутренней силой должно обладать само по себѣ свободное соглашеніе, чтобы достигнуть такихъ результатовъ, несмотря на всемогущество крупнаго капитала, которому при этомъ помогаетъ государство.

Въ самомъ дѣлѣ, мелкимъ компаніямъ постоянно удается существовать, несмотря на пристрастное отношеніе со стороны государства къ крупнымъ компаніямъ. Во Франціи мы находимъ, благодаря ея централизаціи, всего пять или шесть крупныхъ компаній, но въ Великобританіи существуетъ болѣе 110 компаній, которыя несомнѣнно гораздо быстрѣе перевозятъ товары и пасажировъ, чѣмъ французскія и нѣмецкія желѣзныя дороги.

Кромѣ того, вопросъ вовсе не въ томъ. Крупный капиталъ всегда можетъ — съ помощью государства — подавить мелкій, *если только ему это выгодно*; но насъ интересуетъ въ этомъ самый фактъ соглашенія между сотнями компаній, владѣющихъ европейскими желѣзными дорогами, — *соглашенія, которое установилось непосредственно, помимо всякаго вмѣшательства центральнаго правительства*, которое издавало бы законы для различныхъ обществъ. Оно создалось посредствомъ съѣздовъ, на которые собирались представители компаній, гдѣ они обсуждали между собою дѣло и откуда возвращались къ своимъ довѣрителямъ не съ *законами*, а съ *проэктами соглашеній*. Это совершенно новый принципъ, противуположный принципу правительственному — и монархическому, и республиканскому, и самодержавному, и представительному. Это — нововведеніе, которое пока еще робко проникаетъ въ европейскіе нравы, но которое имѣетъ за собою великое будущее.

III

Сколько разъ намъ случалось встрѣчаться въ произведеніяхъ соціалистовъ-государственниковъ съ такого рода восклицаніями: „А кто же возьметъ въ будущемъ обществѣ урегулированіе движенія товаровъ по каналамъ? Что, если кому-нибудь изъ вашихъ анархистовъ придетъ въ голову поставить свою баржу поперекъ канала и преградить дорогу цѣлой тысячи пароходовъ? Кто же его образумитъ?"

Нужно сознаться, что это — предположеніе довольно фантастическое. Но намъ могутъ сказать еще вотъ что: „А что, если какая-нибудь община или группа захочетъ, чтобы ея баржа шла впереди всѣхъ остальныхъ? Эти люди займутъ въ такомъ случаѣ весь каналъ, причемъ они, можетъ быть, везутъ камни, въ то время какъ какой-нибудь хлѣбный грузъ, предназначающійся для другой общины, не сможетъ двигаться. Кто же, какъ не правительство, внесетъ порядокъ въ движеніе судовъ?"

Дѣйствительная жизнь показала однако, опять-таки, что и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, вполнѣ возможно обойтись безъ правительства. Свободное соглашеніе, свободная организація отлично замѣняютъ дорого стоющій и вредный государственный механизмъ и выполняютъ ту же задачу лучше его.

Извѣстно, какое большое значеніе имѣютъ каналы для Голландіи: они замѣняютъ для нея дороги. Извѣстно также, какое количество товаровъ перевозится по нимъ: все то, что у насъ перевозится по желѣзнымъ или шоссейнымъ дорогамъ, перевозится тамъ по каналамъ. Вотъ ужъ гдѣ люди могли бы драться между собою изъ-за того, чья баржа пройдетъ первая! Вотъ гдѣ правительство должно бы не-

премѣнно вмѣшаться для внесенія въ дѣло порядка!

Однако это не такъ. Практическіе голландцы давно уже нашли способъ устроиться иначе, образовавъ рядъ гильдій или синдикатовъ перевозчиковъ, — рядъ свободныхъ ассоціацій, создавшихся подъ вліяніемъ потребностей судоходства. Суда записываются въ извѣстномъ порядкѣ и идутъ одно за другимъ, поочередно. Ни одно изъ нихъ не должно перегонять остальныя, подъ угрозой исключенія изъ общества. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ права останавливаться въ гаваняхъ больше чѣмъ на извѣстное число часовъ въ день, и если за это время оно не найдетъ себѣ груза — все равно, оно должно сняться пустымъ и уступить свое мѣсто слѣдующимъ. Такимъ образомъ устраняется слишкомъ большое скопленіе судовъ. Замѣтимъ при этомъ, что состязаніе между предпринимателями — неизбѣжное послѣдствіе частной собственности — остается въ полной силѣ, и что если это состояніе устранить, то соглашеніе сдѣлается еще болѣе дружественнымъ, еще болѣе основаннымъ на справедливости.

Само собою разумѣется, что всякій собственникъ парохода имѣетъ право пристать или не пристать къ артели судохозяевъ: это — его дѣло. Большинство, однако, предпочло присоединиться. И такого рода артели представляютъ столько выгодъ, что онѣ распространились теперь и на Рейнѣ, на Везерѣ, на Одерѣ, до самаго Берлина. Перевозчики не стали ждать, пока какой-нибудь Бисмаркъ присоединитъ Голландію къ Германіи и назначитъ своего „Ober-Haupt-General-Staats-Canal-Navigations-Rath'a“, съ соотвѣтственнымъ количествомъ нашивокъ на мундирѣ. Они предпочли прибѣгнуть къ международному соглашенію. Мало того: многіе изъ собственниковъ кораблей, путешествующихъ между нѣмецкими, скандинавскими и русскими

портами, также пристали къ этимъ синдикатамъ, чтобы урегулировать перевозку товаровъ по Балтійскому морю и внести нѣкоторую гармонію въ движеніе кораблей. И всѣ эти артели, свободно возникшія и принимающія лишь добровольно присоединяющихся къ нимъ членовъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ какими правительствами.

Возможно, и даже очень вѣроятно, что и здѣсь крупный капиталъ угнетаетъ мелкій. Возможно также, что у самаго синдиката существуетъ стремленіе обратиться въ монополію — особенно при благосклонномъ покровительствѣ государства, которое не замедлитъ вмѣшаться въ это дѣло. Но не нужно забывать, что въ настоящее время члены этихъ синдикатовъ не имѣютъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ чисто личныхъ. Если же каждый перевозчикъ будетъ вынужденъ, въ силу обобществленія производства, потребленія и обмѣна, состоять членомъ цѣлой сотни другихъ ассоціацій, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей; если сами суда будутъ принадлежать цѣлымъ общинамъ, городамъ и союзамъ, — то дѣло будетъ обстоять совершенно иначе. Группа перевозчиковъ, сильная пока рѣчь идетъ о водныхъ сообщеніяхъ, почувствуетъ себя слабой на сушѣ и должна будетъ умѣрить свои требованія, чтобы войти въ сношенія съ желѣзными дорогами, а также съ производительными, потребительными, и всякими другими группами.

Какъ бы то ни было, даже не заглядывая въ будущее, мы видимъ здѣсь еще одинъ примѣръ добровольно возникшей ассоціаціи, обходящейся безъ правительства. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ.

Разъ мы уже говоримъ о судахъ, то укажемъ и на одну изъ самыхъ лучшихъ организацій, создавшихся въ нашъ вѣкъ — одну изъ тѣхъ организацій, которыми мы по справедливости можемъ гор-

диться, а именно на англійское общество для спасенія на водахъ (Lifeboat Association).

Какъ извѣстно, больше тысячи судовъ ежегодно оказываются разбитыми бурей у англійскихъ береговъ. Въ открытомъ морѣ хорошее судно мало боится бури; главныя опасности ждутъ его, когда оно подходитъ къ берегамъ: быстрыя теченія, которыя лишаютъ возможности управлять судномъ, туманы, подводные камни, мели.

Даже въ тѣ времена, когда прибрежные жители нарочно зажигали огни съ цѣлью завлечь корабли на подводные камни, а затѣмъ завладѣть ихъ грузомъ, — даже и тогда они дѣлали все возможное, чтобы спасти людей. Замѣтивши гибнущій корабль, они пускались въ море на своихъ лодкахъ, на помощь потерпѣвшимъ крушеніе, часто сами погибая въ волнахъ. У каждой прибрежной деревушки есть свои преданія о героическихъ усиліяхъ мужчинъ и женщинъ, рисковавшихъ жизнью для спасенія погибающихъ.

Конечно, государство и ученые также сдѣлали кое-что для уменьшенія числа кораблекрушеній. Маяки, сигналы, карты, метеорологическія предсказанія — все это, несомнѣнно, уменьшило число крушеній. Но все таки и теперь каждый годъ приходится спасать около тысячи кораблей, — слѣдовательно нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней.

И вотъ, нѣсколько человѣкъ, добровольцевъ, взялись за дѣло. Будучи сами хорошими моряками, они изобрѣли такія лодки для спасенія погибающихъ, которыя могутъ бороться съ бурей, не опрокидываясь и не будучи залиты волнами; а затѣмъ они начали вести агитацію, чтобы заинтересовать въ своемъ предпріятіи публику: найти нужныя деньги, построить спасательныя лодки и распредѣлить ихъ по тѣмъ береговымъ пунктамъ, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Эти люди были люди дѣла, а потому не были якобинцами и слѣдовательно не обратились къ правительству. Они поняли, что для успѣха предпріятія имъ нужно содѣйствіе мѣстныхъ моряковъ, рыболововъ; нужно ихъ знаніе мѣстности, а въ особенности — ихъ самоотверженіе. А для того, чтобы нашлись люди, готовые по первому сигналу пуститься среди ночи въ бушующее море, не останавливаясь ни передъ темнотой, ни передъ волнами, бороться иногда въ теченіе пяти, шести, десяти часовъ, прежде чѣмъ имъ удастся подойти къ тонущему кораблю, — люди, готовые рисковать своей жизнью для спасенія жизни другихъ, — для этого нужно чувство человѣческаго братства, нужно самопожертвованіе, которыя не покупаются ни чинами, ни „приказами по арміи".

Все это дѣло создалось, такимъ образомъ, добровольцами, исключительно путемъ свободнаго соглашенія и личнаго почина. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ возникли сотни мѣстныхъ группъ, причемъ начинатели дѣла обнаружили настолько здраваго смысла, что не вообразили себя непогрѣшимыми, а стали искать совѣта у мѣстныхъ рыбаковъ. Какой-нибудь богачъ посылалъ, напримѣръ, въ одну изъ прибрежныхъ деревень 10.000 рублей для постройки спасательной лодки. Его пожертвованіе принимали, но выборъ мѣста, гдѣ поставить лодку, и какого типа лодку построить въ данномъ мѣстѣ, предоставлялся мѣстнымъ рыбакамъ и морякамъ. Планы новыхъ судовъ не были составлены въ адмиралтействѣ. — „Въ виду того," читаемъ мы въ докладѣ Общества, „что необходимо, чтобы люди, пускающіеся въ море, вполнѣ довѣряли своей лодкѣ, Комитетъ особенно стремится къ тому, чтобы въ каждомъ пунктѣ строили лодку того типа и той оснастки, которые будутъ выбраны или выработаны самою мѣстною группою." Потому-то въ это дѣло каждый годъ вносятся новыя усовершенствованія.

И все это дѣлается добровольцами, организующимися въ мѣстные комитеты и группы; все происходитъ на началахъ взаимной поддержки и взаимнаго соглашенія! Настоящіе анархисты! И дѣлается все это громадное дѣло, не взимая никакихъ налоговъ — что не помѣшало между прочимъ Спасательной Ассоціаціи получить въ прошломъ году 430.040 рублей добровольныхъ взносовъ.

Что касается достигнутыхъ результатовъ, то вотъ они:

Ассоціація имѣла въ 1891 году 293 судна; она спасла въ этотъ годъ 601 человѣка и 33 корабля, а въ общемъ, со времени основанія его были спасены 32.671 человѣческая жизнь.

Въ 1886 году, когда три судна Ассоціаціи погибли въ волнахъ, со всѣми находящимися на нихъ людьми, въ нее записались сотни новыхъ добровольцевъ, образовавшихъ мѣстныя группы, и результатомъ этой агитаціи была постройка болѣе двадцати новыхъ лодокъ и основаніе двадцати новыхъ спасательныхъ станцій.

Замѣтимъ мимоходомъ, что та же ассоціація посылаетъ ежегодно рыбакамъ и морякамъ прекрасные барометры по цѣнамъ въ три раза меньшимъ ихъ дѣйствительной стоимости. Она распространяетъ метеорологическія знанія и сообщаетъ заинтересованнымъ лицамъ о всѣхъ внезапныхъ буряхъ, предсказываемыхъ учеными.

И опять-таки, повторяемъ, въ организаціи этихъ сотенъ мелкихъ комитетовъ и мѣстныхъ группъ нѣтъ абсолютно никакой іерархіи, никакого начальства: они состоятъ исключительно изъ добровольцевъ, берущихъ на себя обязательство выходить въ море по данному сигналу, который почти всегда дается на берегу, съ общаго согласія самихъ гребцовъ и часто — собравшагося на берегъ населенія, и изъ людей, интересующихся этимъ дѣломъ. Центральный Комитетъ, представляющій собою

центръ для переписки, совершенно въ это не вмѣшивается.

Едва ли нужно прибавить, что, когда въ рыбачей деревнѣ, гдѣ держатъ спасательную лодку, происходитъ голосованіе, — напримѣръ по вопросу о школахъ или о мѣстныхъ налогахъ, то мѣстные лодочные комитеты не принимаютъ участія въ немъ, какъ таковые, — скромность, которой не отличаются, къ несчастью, члены городскихъ думъ. Но за то, съ другой стороны, люди входящіе въ эти комитеты не допускаютъ также, чтобы ими распоряжались въ ихъ дѣлѣ спасенія погибающихъ тѣ, кто самъ въ жизни никогда не боролся съ бурей. По первому сигналу объ опасности, они являются, сговариваются другъ съ другомъ куда и какъ держать курсъ и отправляются въ путь. У нихъ нѣтъ ни мундировъ, ни петличекъ; но есть за то полная готовность рисковать жизнью для общаго дѣла.

Возьмемъ другое подобное же общество — Красный Крестъ. Оставимъ въ сторонѣ его названіе и посмотримъ, что̀ оно собою представляетъ.

Представьте себѣ, что̀ было бы, если бы лѣтъ двадцать-пять тому назадъ кто-нибудь сказалъ бы слѣдующее: „Государство очень хорошо знаетъ, какъ убивать людей. Убить двадцать тысячъ въ одинъ день и ранить пятьдесятъ тысячъ, — ему ни по чемъ. Но оно совершенно неспособно оказать помощь своимъ собственнымъ жертвамъ. Поэтому, — разъ ужъ существуютъ войны — въ это дѣло долженъ вмѣшаться частный починъ. Нужно, чтобы добровольцы взялись за дѣло и создали для этой гуманной цѣли международное общество.“

Сколько насмѣшекъ посыпалось бы на голову того, кто осмѣлился бы, полъ-вѣка тому назадъ, сказать нѣчто подобное! Его прежде всего назвали бы утопистомъ, а затѣмъ, если бы его удостоили отвѣтомъ, то навѣрное сказали бы: „Глупый вы

человѣкъ! Именно тамъ, гдѣ помощь будетъ всего нужнѣе, добровольцевъ-то не окажется! Ваши свободные госпитали сосредоточатся всѣ въ безопасныхъ мѣстахъ, а на перевязочныхъ пунктахъ, на полѣ битвы, никого не будетъ. Кромѣ того, подумайте о соперничествѣ между различными національностями! Дѣло кончится тѣмъ, что несчастные солдаты будутъ умирать безъ всякой помощи." И у каждаго нашлось бы свое разочаровывающее возраженіе. Кто изъ насъ не слыхалъ подобнаго рода рѣчей!

И вотъ мы теперь знаемъ, что изъ этого вышло. Вездѣ, въ каждой странѣ, въ тысячахъ мѣстностей организовались общества Краснаго Креста, и когда вспыхнула война 1870-71 г., его добровольцы могли приняться за работу. Явились во множествѣ люди, — мужчины и женщины, которые предложили свои услуги; госпитали и перевязочные пункты организовывались сотнями; цѣлые поѣзда перевозили все нужное для госпиталей: жизненные припасы, бѣлье, лѣкарства для раненныхъ. Англійскіе комитеты посылали даже цѣлые транспорты припасовъ, одежды, лопатъ, сѣмянъ для обсѣмененія полей, рабочій скотъ, — даже паровые плуги съ работавшими при нихъ людьми, чтобы помочь обрабатывать землю въ мѣстностяхъ, раззоренныхъ войною. Загляните только въ сочиненіе Густава Монье „Красный крестъ" — и вы будете поражены размѣрами того, что было сдѣлано.

Что же касается до пророковъ, всегда готовыхъ отрицать въ другихъ людяхъ всякій здравый смыслъ и всякій умъ, и считающихъ только самихъ себя способными управлять міромъ по своему произволу, то ни одно изъ ихъ пророчествъ не сбылось.

Самоотверженіе добровольцевъ Краснаго Креста оказалось выше всякихъ похвалъ. Они стремились занять именно самые опасные пункты, и въ то время, какъ французскіе врачи, находившіеся на

службѣ у государства, убѣгали при приближеніи пруссаковъ со всѣмъ своимъ штатомъ, — добровольцы Краснаго Креста продолжали свое дѣло подъ пулями, вынося всѣ грубости, какъ бисмарковскихъ, такъ и наполеоновскихъ офицеровъ и ухаживая одинаково за раненными, къ какой бы національности они не принадлежали. Голландцы и итальянцы, шведы и бельгійцы, даже японцы и китайцы, отлично уживались между собою. Они размѣщали свои госпиталя и амбулаторіи, смотря по надобности данной минуты, и если въ чемъ соперничали, то въ гигіеничности своихъ больницъ. Сколько французовъ, до сихъ поръ, еще вспоминаютъ съ чувствомъ глубокой благодарности о той заботливости, съ которою ухаживала за ними въ амбулаторіяхъ Краснаго Креста какая-нибудь сестра милосердія, голландка или нѣмка!

Но для сторонниковъ распространенія государственной власти все это не имѣетъ никакого значенія! Ихъ идеалъ, это — полковой военный врачъ, состоящій на службѣ государства. И пусть пропадаетъ весь Красный Крестъ со всѣми его гигіеничными госпиталями, разъ только его доктора — добровольцы, а не чиновники!

Вотъ, слѣдовательно, передъ нами организація, недавно только возникшая и уже насчитывающая своихъ членовъ сотнями тысячъ, — организація, которая имѣетъ свои амбулаторіи, свои больницы, свои поѣзда, вырабатываетъ новые пріемы для лѣченія ранъ, и которая зародилась, благодаря иниціативѣ нѣскольких человѣчныхъ личностей.

Намъ возразятъ, можетъ быть, что и государства, во всякомъ случаѣ, тоже приняли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое участіе. Это правда. Къ сожалѣнію, государство уже наложило свою руку на „Красный Крестъ“, чтобы завладѣть имъ, сдѣлать изъ него чиновничій департаментъ. Центральные комитеты „Краснаго Креста“ состоятъ уже подъ предсѣда-

тельствомъ тѣхъ, кого лакеи зовутъ „принцами крови", а мѣстные комитеты теперь уже пользуются покровительствомъ различныхъ губернаторовъ и генеральшъ. Но развѣ отъ этого покровительства зависѣлъ успѣхъ организаціи во время франко-прусской войны? Онъ зависѣлъ отъ тысячи мѣстныхъ комитетовъ, въ каждой странѣ, отъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, отъ самоотверженія десятковъ тысячъ мужчинъ и женщинъ, стремившихся облегчить страданія жертвъ войны. И это самоотверженіе было бы еще сильнѣе, если бы государства вовсе не вмѣшивались въ дѣло.

Во всякомъ случаѣ, не отъ распоряженій какого-нибудь центральнаго международнаго комитета зависѣло то, что въ 1871 году англичане и японцы, шведы и китайцы поспѣшили на помощь къ раненнымъ. Не распоряженія какого-нибудь интернаціональнаго министерства заставляли выстраивать госпиталя на занятой войсками территоріи и устраивать перевязочные пункты на поляхъ сраженія. Все это сдѣлалось благодаря почину добровольцевъ изъ каждой страны, которые, явившись на мѣсто войны, вовсе не сцѣпились между собою, какъ предсказывали якобинцы, а принялись за работу безъ всякаго различія національностей.

Мы можемъ, конечно, сожалѣть о томъ, что столько усилій употреблено на такое дѣло и спросить, какъ спрашиваетъ ребенокъ въ стихотвореніи Виктора Гюго: „Зачѣмъ же ихъ ранятъ, если потомъ ихъ лѣчатъ?" Стремясь уничтожить силу капитала и власть буржуазіи, мы тѣмъ самымъ работаемъ для прекращенія этихъ убійствъ, и намъ, конечно, было бы гораздо пріятнѣе, если бы добровольцы Краснаго Креста употребили свои силы, вмѣстѣ съ нами на то, чтобы уничтожить войны вообще.

Но мы должны все таки указать на эту огромную организацію, какъ на одно изъ доказательствъ

плодотворныхъ результатовъ, достигаемыхъ свободнымъ соглашеніемъ и свободною взаимопомощью.

Если бы мы захотѣли искать примѣровъ даже въ искусствѣ истребленія людей, то и тутъ мы нашли бы ихъ. Достаточно будетъ указать на тѣ многочисленныя общества, которымъ нѣмецкая армія обязана, главнымъ образомъ, своей силой — силой, которая вовсе не зависитъ, какъ обыкновенно думаютъ, отъ одной дисциплины. Общества, имѣющія цѣлью распространеніе военныхъ знаній, чрезвычайно распространены въ Германіи, и на одинъ изъ послѣднихъ конгрессовъ нѣмецкаго военнаго союза (Kriegerbund) явились делегаты отъ 2452 обществъ, насчитывавшихъ въ общемъ 151.712 членовъ и связанныхъ между собою въ одну федерацію.

Техническія знанія нѣмецкой арміи вырабатываются вовсе не въ казармахъ, а въ безчисленныхъ обществахъ стрѣлковъ, обществахъ для военныхъ и стратегическихъ игръ, для топографическихъ занятій и т. д. Это — цѣлая огромная сѣть всевозможныхъ обществъ, охватывающихъ военныхъ и штатскихъ, географовъ и гимнастовъ, охотниковъ и техниковъ, — обществъ самостоятельно возникающихъ, организующихся, соединяющихся въ федераціи, обсуждающихъ интересующіе ихъ вопросы, устраивающихъ экскурсіи, съемки и изслѣдованія. Именно этимъ добровольнымъ, свободнымъ обществамъ обязана нѣмецкая армія своею умственною силою.

Эти общества преслѣдуютъ очень скверную цѣль — поддержаніе военной имперіи. Но въ настоящую минуту намъ важно лишь отмѣтить то, что само государство, для котораго организація военнаго дѣла составляетъ самую высшую цѣль, поняло, что это дѣло разовьется лучше, если оно будетъ предоставлено свободному соглашенію группъ и вольному почину отдѣльныхъ людей.

Въ настоящее время къ свободному соглашенію обращаются даже въ дѣлѣ войны: укажемъ, въ подтвержденіе этого, на триста тысячъ англійскихъ волонтеровъ, на англійскую національную артиллерійскую ассоціацію и на образующееся теперь общество для защиты англійскихъ береговъ — общество, которое, если оно создастся, окажется навѣрное гораздо болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ морское министерство съ его постоянно взлетающими на воздухъ броненосцами и гнущимися, какъ свинецъ, штыками.

Повсюду государство отказывается отъ своей привиллегіи и уступаетъ свои „священныя" функціи частнымъ лицамъ. Повсюду въ его область вторгается свободная организація. Указанные нами факты представляютъ собою, однако, лишь ничтожную долю того, что̀ готовитъ намъ свободное соглашеніе въ будущемъ, когда государство перестанетъ существовать.

Нѣкоторыя возраженія.

Разберемъ теперь главныя возраженія противъ коммунизма. Большинство изъ нихъ зависитъ отъ простого недоразумѣнія, но нѣкоторыя затрогиваютъ очень важные вопросы и заслуживаютъ поэтому нашего полнаго вниманія.

Мы не будемъ возражать на аргументы, направленные противъ государственнаго коммунизма: мы сами признаемъ ихъ справедливость. Цивилизованнымъ націямъ пришлось слишкомъ много выстрадать въ борьбѣ за освобожденіе личности, чтобы онѣ могли отречься отъ своего прошлаго и примирились бы съ правительствомъ, вмѣшивающимся въ малѣйшія подробности жизни гражданъ — даже если бы это правительство не руководилось никакой другой цѣлью, кромѣ общаго блага. Если бы общество, основанное на государственномъ коммунизмѣ, когда нибудь возникло, оно не могло бы продержаться, и должно было бы, подъ вліяніемъ всеобщаго недовольства, или распасться, или перестроиться на началахъ свободы.

Мы займемся здѣсь анархическимъ коммунистическимъ обществомъ, т. е. обществомъ, которое признаетъ полную свободу личности, не создаетъ никакой власти и не прибѣгаетъ ни къ какому принужденію для того, чтобы заставить человѣка работать. Посмотримъ же, ограничиваясь экономической стороной вопроса, можетъ ли развиться

и продержаться такое общество — состоящее изъ людей такихъ, какими мы видимъ ихъ теперь: не лучшихъ и не худшихъ, ни болѣе и ни менѣе трудолюбивыхъ?

Мы знаемъ, что̀ на это возражаютъ: „Если существованіе каждаго будетъ обезпечено, и необходимость зарабатывать себѣ хлѣбъ не будетъ вынуждать человѣка работать, то работать никто не станетъ. Всякій постарается взвалить работу на другого, если она не будетъ для него обязательна“. Замѣтимъ, во-первыхъ, какъ необдуманно это возраженіе: въ немъ совершенно упускается изъ виду, что весь вопросъ сводится здѣсь на сравненіе. А именно, — дѣйствительно ли наемный трудъ даетъ такіе плодотворные результаты, и не бываетъ ли уже и теперь добровольный трудъ болѣе производителенъ, чѣмъ трудъ изъ-за задѣльной платы? Это — вопросъ, который требуетъ внимательнаго изученія; но въ то время какъ въ точныхъ наукахъ, даже гораздо менѣе важные и сложные вопросы рѣшаются лишь послѣ серьезнаго изслѣдованія фактовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, — здѣсь, для того, чтобы высказать безапеляціонное рѣшеніе, люди довольствуются однимъ какимъ-нибудь фактомъ, напримѣръ неудачей какого-нибудь коммунистическаго общежитія въ Америкѣ, не изучая даже дѣйствительныхъ причинъ неудачи. Они поступаютъ какъ адвокатъ, который видитъ въ защитникѣ противной стороны — не представителя другихъ интересовъ или взглядовъ, а простого соперника въ ораторскомъ состязаніи. Если удастся найти *удачный* отвѣтъ на возраженіе, то ему рѣшительно все равно, правъ ли онъ по существу дѣла, или нѣтъ. Вотъ почему изученіе того, что составляетъ самую основу политической экономіи, т. е. условій наиболѣе благопріятныхъ тому, чтобы общество получало наибольшее количество полезныхъ продуктовъ съ наименьшей затратой силъ, такъ мед-

ленно подвигается впередъ. Люди ограничиваются повторенiемъ общихъ мѣстъ или же просто отдѣлываются молчанiемъ на этотъ основной вопросъ.

Такое легкомыслiе тѣмъ поразительнѣе, что даже въ капиталистической политической экономiи уже можно встрѣчать людей, высказывающихъ, подъ влiянiемъ силы фактовъ, нѣкоторое сомнѣнiе въ той установленной основателями ихъ науки аксiомѣ, что боязнь голода составляетъ лучшее средство, чтобы понудить людей къ производительному труду. Они начинаютъ замѣчать, что въ производствѣ играетъ роль коллективный элементъ — работа сообща, — которою слишкомъ пренебрегали до сихъ поръ и которая играетъ, можетъ быть, гораздо бо̀льшую ро̀ль, чѣмъ перспектива задѣльной платы. Низкое качество наемнаго труда, огромная трата человѣческихъ силъ во всемъ современномъ земледѣлiи и во всей промышленности, все растущее число тунеядцевъ, старающихся въ настоящее время взвалить свою работу на плечи другихъ, все яснѣе и яснѣе обнаруживающееся отсутствiе *жизни* въ производствѣ — все это наводитъ раздумье даже на экономистовъ „классической“ школы. Нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ подумывать о томъ, не ошиблись ли они, построивъ все свое разсужденiе на воображаемомъ существѣ, преувеличенно дурномъ, которое руководится исключительно жаждой наживы или заработка? Эта ересь проникаетъ даже въ университеты и изрѣдка пробивается даже на страницахъ сочиненiй правовѣрныхъ политико-экономовъ. Но все это не мѣшаетъ очень многимъ соцiалистическимъ реформаторамъ оставаться сторонниками личнаго вознагражденiя за трудъ, — задѣльной платы — и они продолжаютъ защищать старую крѣпость наемнаго труда, хотя даже сами ея защитники уже сдаютъ свою крѣпость камень за камнемъ.

И такъ, эти господа боятся, что народъ не бу-

детъ работать, если только онъ не будетъ къ этому вынужденъ голодомъ. Но развѣ мы не слышали тѣхъ же опасеній уже два раза въ продолженіе жизни нашего поколѣнія: отъ американскихъ рабовладѣльцевъ передъ освобожденіемъ негровъ, и отъ русскихъ помѣщиковъ передъ освобожденіемъ крестьянъ? „Если надъ негромъ не стоять съ кнутомъ, онъ не будетъ работать", говорили рабовладѣльцы. „Если за крестьяниномъ не смотрѣть, онъ оставитъ поля необработанными", говорили русскіе крѣпостники. Эту старую пѣсню французскихъ дворянъ 1789 года, пѣсню средневѣковыхъ помѣщиковъ — пѣсню старую какъ міръ (ее пѣли уже при Фараонахъ) мы слышимъ всякій разъ, когда дѣло идетъ объ уничтоженіи какой-нибудь несправедливости въ человѣчествѣ. И всякій разъ, дѣйствительность блистательно опровергаетъ ее. Освобожденный крестьянинъ 1792 года работалъ съ такой энергіей, какой не знали его предки; освобожденные негры работаютъ больше, чѣмъ ихъ отцы, едва только они могутъ заполучить кусокъ земли; а русскій крестьянинъ, ознаменовавши медовый мѣсяцъ своего освобожденія празднованіемъ Святой Пятницы наравнѣ съ воскресеньемъ, принялся слѣдующимъ же лѣтомъ за работу, съ тѣмъ бо̀льшимъ усердіемъ, чѣмъ полнѣе было его освобожденіе. Тамъ, гдѣ у него нѣтъ недостатка въ землѣ, онъ работаетъ буквально съ остервенѣніемъ. Эта рабовладѣльческая пѣсня можетъ имѣть значеніе только для самихъ рабовладѣльцевъ; что же касается рабовъ, то они отлично знаютъ ей цѣну и ради чего она поется.

Кромѣ того, кто же какъ не сами экономисты учили насъ, что, если наемный рабочій исполняетъ съ грѣхомъ пополамъ свою работу, то дѣйствительно напряженнаго и производительнаго труда можно ждать только отъ человѣка, который видитъ, что его собственное благосостояніе возрастаетъ по мѣрѣ его усилій? Вѣдь всѣ хвалебные гимны въ

честь частной собственности сводятся именно къ этой аксіомѣ. Въ самомъ дѣлѣ: когда экономисты, стремясь доказать благодѣтельность собственности, показываютъ намъ, какъ невоздѣланная земля — какое-нибудь болото или какая-нибудь каменистая почва — покрывается, орошаемая потомъ крестьянина-собственника, богатыми жатвами, они доказываютъ какъ разъ противное своему вышеприведенному взгляду. Когда они утверждаютъ — что̀ совершенно вѣрно, — что единственный способъ для экономной траты труда, это — если производитель владѣетъ орудіями труда, то не доказываютъ ли они этимъ самымъ, что трудъ бываетъ дѣйствительно производителенъ только тогда, когда человѣкъ работаетъ совершенно свободно; когда онъ можетъ до извѣстной степени самъ выбирать себѣ занятіе; когда за нимъ нѣтъ стѣснительнаго надзора; и наконецъ, когда онъ знаетъ, что его трудомъ воспользуются онъ самъ и другіе, подобно ему трудящіеся люди, а не какой-нибудь тунеядецъ. Это — единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ ихъ словъ, — и съ этимъ выводомъ согласны и мы.

Что же касается до формы владѣнія орудіями труда, то въ ихъ разсужденіяхъ собственность представляется только какъ наилучшій путь для обезпеченія за земледѣльцемъ продуктовъ его труда и результатовъ вводимыхъ имъ улучшеній. Чтобы доказать однако, преимущество *личной частной собственности* передъ всякой другой формой владѣнія, экономисты должны были бы показать намъ, что при общинномъ землевладѣніи и трудѣ земля никогда не даетъ такихъ обильныхъ урожаевъ, какъ при частномъ. Въ дѣйствительности же это не такъ; опытъ показываетъ противное.

Возьмите, напримѣръ, какую-нибудь общину Ваадтскаго кантона въ Швейцаріи, зимой, когда всѣ жители деревни отправляются рубить лѣсъ, при-

надлежащій имъ всѣмъ въ силу общиннаго владѣнія. Именно въ эти-то „праздники труда" и проявляется наибольшее рвеніе къ работѣ, наибольшее напряженіе человѣческихъ силъ. Никакой наемный трудъ, точно такъ же какъ и никакія личныя усилія собственника, не могутъ сравниться съ нимъ.

Или возьмите русскую деревню, когда всѣ выходятъ косить лугъ, принадлежащій общинѣ, или же взятый міромъ въ аренду — и вы увидите, что̀ *можетъ* сдѣлать человѣкъ, когда онъ работаетъ сообща для общаго дѣла. Косцы стараются другъ передъ другомъ захватить своей косой какъ можно бо̀льшій кругъ; женщины поспѣваютъ за ними, спѣша перетряхивать накошенную траву. Это — настоящій праздникъ труда, во время котораго сто человѣкъ успѣваютъ въ нѣсколько часовъ больше, чѣмъ они сдѣлали бы въ нѣсколько дней, если бы каждый работалъ отдѣльно. И какое печальное зрѣлище представляетъ рядомъ съ этимъ трудъ одинокаго собственника!

Можно было бы указать, наконецъ, на тысячи другихъ примѣровъ изъ жизни американскихъ піонеровъ, швейцарскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ деревень, русскихъ артелей каменьщиковъ, плотниковъ, перевозчиковъ, рыболововъ, которые прямо дѣлятъ между собою получаемые продукты или вознагражденіе, не прибѣгая къ посредничеству подрядчиковъ. Можно было бы указать еще и на общую охоту кочевыхъ племенъ и на безчисленное множество другихъ, вполнѣ успѣшныхъ общинныхъ предпріятій; повсюду мы увидали бы одно и то же: безспорное превосходство общиннаго труда надъ трудомъ наемнымъ, или надъ трудомъ едниничнаго собственника.

Лучшимъ побужденіемъ къ труду всегда было благосостояніе, т. е. удовлетвореніе физическихъ, нравственныхъ и художественныхъ потребностей

человѣка, и увѣренностъ въ возможности этого удовлетворенія. И въ то время какъ наемникъ едва производитъ то, что ему существенно необходимо произвести, свободный рабочій, который видитъ, что по мѣрѣ его усилій возможность благосостоянія и роскоши ростетъ, и для него самого и для другихъ, — прилагаетъ гораздо больше ума и энергіи и получаетъ прекрасные продукты въ несравненно бòльшемъ изобиліи. Одинъ чувствуетъ себя на вѣки прикованнымъ къ нуждѣ; другой же можетъ разсчитывать въ будущемъ на досугъ и на всѣ связанныя съ нимъ удовольствія.

Въ этомъ лежитъ весь секретъ. И вотъ почему общество, которое поставитъ себѣ цѣлью общее благосостояніе и возможность для всѣхъ пользоваться жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, получитъ съ помощью добровольнаго труда несравненно лучшіе и гораздо болѣе обильные продукты, чѣмъ всѣ тѣ, которые получались до сихъ поръ въ производствѣ основанномъ на рабствѣ, барщинѣ и наемномъ трудѣ.

II

Въ настоящее время всякій, кто только можетъ взвалить на другого необходимый для жизни трудъ, спѣшитъ это сдѣлать; потому многіе господа думаютъ, что такъ будетъ продолжаться вѣчно. Самый необходимый трудъ есть, главнымъ образомъ, трудъ ручной. Кто бы мы ни были — художники ли, ученые ли — никто изъ насъ не можетъ обойтись безъ предметовъ добытыхъ этимъ трудомъ: хлѣба, одежды, дорогъ, пароходовъ, освѣщенія, тепла и т. д. Мало того: какой бы высоко-художественный или утонченно-метафизическій характеръ не носили наши наслажденія, всѣ они безъ исключенія основаны на ручномъ трудѣ. И вотъ отъ этого то труда, лежащаго въ основѣ всей жизни, и старается всякій избавиться.

Это вполнѣ понятно, и въ наше время такъ и быть должно. Заниматься физическимъ трудомъ значитъ теперь — быть запертымъ въ теченіе десяти или двѣнадцати часовъ въ день въ нездоровой мастерской и быть прикованнымъ къ одной и той же работѣ десять, тридцать лѣтъ — всю жизнь. Это значитъ — осудить себя на ничтожный заработокъ, на неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, на безработицу, очень часто — на нужду, еще чаще — на смерть въ больницѣ; и все это, послѣ того, какъ человѣкъ въ теченіе сорока или болѣе лѣтъ работалъ для прокормленія, одѣванія, развлеченія и обученія — не себя самого или своихъ дѣтей, а другихъ. Это значитъ — нести на себѣ всю жизнь въ глазахъ людей печать болѣе низкаго уровня, и самому сознавать, что стоишь ниже другихъ, потому что — что бы ни говорили объ этомъ господа, восхваляющіе „мозолистую руку" въ застольныхъ своихъ рѣчахъ — рабочаго, занимающагося ручнымъ трудомъ, всегда ставятъ ниже ученаго, писателя, художника — хоть плохонькихъ. И дѣйствительно, человѣкъ, проработавшій десять часовъ въ мастерской, не имѣетъ ни времени, ни возможности доставлять себѣ высшія научныя и художественныя наслажденія; мало того, онъ не можетъ и подготовиться къ тому, чтобы цѣнить многія изъ нихъ, требующія подготовки; поневолѣ ему приходится, такимъ образомъ, довольствоваться крохами, падающими со стола привиллегированныхъ сословій.

Мы вполнѣ понимаемъ поэтому, что физическій трудъ, при такихъ условіяхъ, считается проклятіемъ судьбы; мы вполнѣ понимаемъ, что всѣ мечтаютъ только объ одномъ: выйти самимъ, или вывести своихъ дѣтей, изъ этого униженнаго состоянія и создать себѣ „независимое" положеніе, т. е. иными словами — жить самимъ на счетъ труда другихъ! И это будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока будетъ су-

ществовать классъ людей, обреченныхъ на ручной трудъ, а рядомъ съ нимъ другой классъ, именующій себя „работниками мысли“ — классъ чернорабочихъ и классъ бѣлоручекъ.

Какой, въ самомъ дѣлѣ, интересъ можетъ представлять этотъ отупляющій трудъ для рабочаго, который заранѣе знаетъ, что отъ колыбели до могилы проживетъ онъ среди лишеній, бѣдности и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ? Когда видишь, что каждое утро громадное большинство людей принимается вновь за свой печальный трудъ, то остается только удивляться ихъ силѣ воли, ихъ вѣрности своей работѣ, ихъ привычкѣ, которая позволяетъ имъ, подобно пущенной въ ходъ машинѣ, вести изо дня въ день эту нищенскую жизнь, жизнь — безъ всякой надежды на завтрашній день, даже безъ всякаго, хотя бы смутнаго предвидѣнія, что если не они, то, по крайней мѣрѣ, ихъ дѣти войдутъ когда-нибудь въ составъ мыслящаго человѣчества; что хоть они насладятся сокровищами природы, всею прелестью знанія и творчества, научнаго и художественнаго, доступнаго теперь лишь ничтожному привиллегированному меньшинству.

Именно для того, чтобы положить конецъ этому раздѣленію между умственнымъ и физическимъ трудомъ, мы и хотимъ уничтоженія наемнаго труда. Ради этого мы и стремимся къ соціальной революціи. Трудъ перестанетъ тогда быть проклятіемъ судьбы и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, т. е. свободнымъ проявленіемъ всѣхъ человѣческихъ способностей.

Пора, наконецъ, подвергнуть серьезной критикѣ эту старую басню, будто бы трудъ лучшаго качества получается изъ-подъ палки, изъ-за боязни потерять свой заработокъ. Стоитъ только посмотрѣть на любую фабрику или заводъ — не на тѣ образцовые заводы, которые можно изрѣдка встрѣтить кое-гдѣ — а на заводъ обыкновенный, такой

какъ всѣ, чтобы увидать ту страшную, невѣроятную трату человѣческихъ силъ, которой отличается вся современная промышленность. На одну, болѣе или менѣе разумно организованную фабрику приходится сто или даже больше такихъ, которыя тратятъ драгоцѣнную силу человѣческаго труда — изъ-за того только, чтобы доставить хозяину на нѣсколько копѣекъ больше прибыли въ день — буквально на нѣсколько копѣекъ.

Вотъ, напримѣръ, передъ вами молодые парни, лѣтъ двадцати, двадцати пяти, сидящіе цѣлые дни на скамьѣ, согнувшись, и лихорадочно встряхивающіе головой и всѣмъ тѣломъ, чтобы связывать, съ быстротой фокусниковъ, концы остатковъ бумажныхъ нитей, возвращающихся къ нимъ со станковъ на которыхъ ткутъ кружева. Я просто съ ужасомъ отшатнулся, когда увидалъ эту ужасную картину на одной изъ большихъ фабрикъ въ Ноттингамѣ. За что губится такъ человѣческая жизнь? За что люди, молодые, полные силъ, доводятся до этого позорнаго состоянія? — Буквально изъ-за грошей! Какое потомство оставятъ послѣ себя эти дрожащіе, отощалые, полу - призрачные люди? Но ... „они занимаютъ на фабрикѣ такъ мало мѣста, а между тѣмъ каждый изъ нихъ приноситъ мнѣ около двадцати копѣекъ, чистыхъ, въ день“, — отвѣчаетъ хозяинъ. „Они съ дѣтства стоятъ на этомъ“.

Въ другихъ мѣстахъ, — напримѣръ въ одной изъ громадныхъ лондонскихъ спичечныхъ фабрикъ, — которая и патріотизмъ эксплуатируетъ въ своихъ объявленіяхъ — „мы, дескать, покровители національнаго труда“ — вы видите молодыхъ дѣвушекъ, ставшихъ лысыми въ семнадцать лѣтъ оттого, что онѣ на головѣ носятъ изъ одной залы въ другую подносы со спичками, — между тѣмъ какъ самая простая машина могла бы подвозить эти спички къ ихъ столамъ. Но ... „трудъ женщинъ, не имѣющихъ опредѣленнаго ремесла, такъ дешевъ! Къ

чему тутъ машина! Когда эти женщины не смогутъ больше работать, ихъ такъ легко будетъ замѣнить, — ихъ столько толчется на улицѣ!“

На крыльцѣ богатаго дома въ Брайтонѣ, въ Ньюкастлѣ, вы увидите въ холодную зимнюю ночь ребенка, уснувшаго съ пакетомъ газетъ въ рукахъ. Снѣгъ и слякоть бьютъ на его рубище ... Въ Ньюкастлѣ онъ ходитъ босоногій. — Но ... „дѣтскій трудъ такъ дешевъ! Вѣдь если онъ продастъ двѣ дюжины нумеровъ, онъ принесетъ мнѣ шиллингъ (полтинникъ), и самъ заработаетъ восемь копѣекъ“ — говорятъ вамъ. — „У нихъ въ семьѣ и восемь копѣекъ деньги.“ — Восемь копѣекъ, вмѣсто того, чтобы обучить его полезному ремеслу! ...

Или вотъ здоровый и крѣпкій человѣкъ ходитъ безъ дѣла — никому онъ не нуженъ, — а его дочь чахнетъ и гибнетъ въ аппретурной, гдѣ держатъ температуру русской бани, чтобы покрывать бумажную рѣднину густою смазкой и продавать ее потомъ за плотную матерію, а сынъ накладываетъ ваксу въ жестянки, тогда какъ самая пустяшная машина сдѣлала бы это въ десять разъ лучше, и въ сто разъ быстрѣе ...

И такъ оно идетъ повсюду, отъ Санъ-Франциско до Москвы и отъ Неаполя до Стокгольма. Безполезная, ненужная, глупая трата человѣческихъ силъ составляетъ преобладающую, отличительную черту нашей промышленности, — не говоря уже о торговлѣ, гдѣ она достигаетъ еще болѣе колоссальныхъ размѣровъ.

Какая горькая насмѣшка звучитъ въ самомъ названіи политической *экономіи!* Вѣдь это — наука о безполезной тратѣ силъ при системѣ наемнаго труда!

И это еще не все. Поговорите съ директоромъ какой-нибудь благоустроенной фабрики. Онъ непремѣнно начнетъ плакаться передъ вами, самымъ наивнымъ образомъ, о томъ, какъ трудно найти въ

настоящее время умѣлаго, сильнаго и энергичнаго рабочаго, который бы отдавался своей работѣ съ увлеченіемъ. „Если бы среди тѣхъ двадцати или тридцати человѣкъ, которые приходятъ къ намъ каждый понедѣльникъ просить работы, нашелся бы хоть одинъ такой,“ скажетъ онъ вамъ, „то онъ былъ бы навѣрное принятъ, даже если бы вообще мы въ это время уменьшали число своихъ рабочихъ. Такого рабочаго всегда можно узнать съ перваго взгляда и его вездѣ примутъ; впослѣдствіи, всегда можно будетъ отдѣлаться отъ лишняго рабочаго — какого-нибудь старика, или человѣка менѣе умѣлаго.“ И вотъ человѣкъ, лишившійся такимъ образомъ работы, — какъ и всѣ другіе, которые завтра окажутся въ такомъ же положеніи, — вступаетъ въ огромную запасную армію капитала: въ ряды „рабочихъ безъ работы“, которыхъ призываютъ къ машинамъ и станкамъ только въ моменты спѣшныхъ заказовъ, или въ случаѣ, если нужно сломить сопротивленіе стачечниковъ. Или же онъ попадаетъ въ ту громадную армію пожилыхъ или посредственныхъ рабочихъ, которая околачивается около второстепенныхъ, плохонькихъ фабрикъ и заводовъ — тѣхъ, которые едва-едва покрываютъ свои расходы и держатся только всевозможными урѣзываньями рабочей платы и обманомъ покупателей, особенно въ далекихъ странахъ.

Если, затѣмъ, вы поговорите съ рабочимъ, то вы узнаете, что въ англійскихъ мастерскихъ и фабрикахъ принято рабочими за правило, — никогда не производить всей той работы, на которую онъ способенъ. Горе тому рабочему, хоторый не послушается этого совѣта своихъ товарищей, получаемаго при поступленіи! Въ самомъ дѣлѣ, рабочіе отлично знаютъ, что если они въ моментъ великодушія уступятъ настояніямъ хозяина и согласятся работать болѣе энергично ради исполненія

какихъ-нибудь спѣшныхъ заказовъ, то эта напряженная работа будетъ впослѣдствіи всегда требоваться съ нихъ при установленіи размѣровъ задѣльной платы. Въ силу этого, на девяти фабрикахъ изъ десяти, они предпочитаютъ никогда не производить столько, сколько они способны произвести. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности рабочіе ограничиваютъ производство, чтобы удержать цѣну на производимый ими товаръ на извѣстной высотѣ; въ другихъ же прямо передаютъ другъ другу пароль: go canny („полегоньку")! „За плохую плату — плохая работа."

Наемный трудъ — трудъ подневольный, который не можетъ и не долженъ давать всего того, на что онъ способенъ. Пора уже покончить съ этой сказкой о заработной платѣ, какъ лучшемъ средствѣ для полученія производительнаго труда. Если промышленность даетъ въ наше время во сто разъ больше чѣмъ во времена нашихъ дѣдовъ, то мы обязаны этимъ быстрому разцвѣту физики и химіи въ концѣ прошлаго вѣка; это произошло, не благодаря капиталистической системѣ наемнаго труда, а *несмотря на нее.*

III

Тѣ, кто серьезно занимался изученіемъ этого вопроса, не отрицаютъ всѣхъ преимуществъ коммунизма — при условіи, конечно, если это будетъ коммунизмъ совершенно свободный, т. е. анархическій. Они признаютъ что трудъ, оплачиваемый деньгами — даже если эти деньги облекутся въ форму „рабочихъ чековъ" — и производимый въ рабочихъ ассоціаціяхъ, находящихся подъ руководствомъ государства, будетъ все-таки нести на себѣ печать труда наемнаго и сохранитъ всѣ его недостатки. Они признаютъ, что въ концѣ концовъ это дурно отзовется и на всемъ порядкѣ

вещей, даже въ томъ случаѣ, если общество станетъ обладателемъ средствъ производства. Они соглашаются и съ тѣмъ, что при всестороннемъ образованіи, которое станетъ доступнымъ для всѣхъ дѣтей, при привычкѣ къ труду, существующей въ цивилизованныхъ обществахъ, при свободѣ въ выборѣ и перемѣнѣ рода занятій и при той привлекательности, которою обладаетъ трудъ сообща, равныхъ между собою людей, на общую пользу, коммунистическое общество не будетъ чувствовать недостатка въ производителяхъ, и что эти производители скоро увеличатъ вдвое и втрое плодородіе почвы и дадутъ промышленности сильный толчекъ.

Въ этомъ наши противники съ нами согласны; „но вся опасность, говорятъ они, лежитъ въ томъ меньшинствѣ лѣнтяевъ, которые не захотятъ работать, несмотря на прекрасныя условія, которыя сдѣлаютъ трудъ пріятнымъ, или-же будутъ работать неправильно и безпорядочно. Въ настоящее время перспектива голода заставляетъ даже самыхъ упорныхъ не отставать отъ другихъ; рабочій, не приходящій на работу во-время, скоро теряетъ мѣсто. Но паршивая овца все стадо портитъ — и достаточно трехъ или четырехъ небрежныхъ или упрямыхъ рабочихъ, чтобы совратить всѣхъ остальныхъ и внести въ ихъ среду духъ безпорядка и возмущенія, который сдѣлаетъ работу невозможной; въ концѣ концовъ придется, такимъ образомъ, прибѣгнуть къ системѣ принужденія, которая заставила бы такихъ зачинщиковъ стушеваться. И тогда окажется, что единственная система, которая даетъ возможность оказывать такое давленіе, не оскорбляя въ то же время чувствъ рабочаго, есть система вознагражденія сообразно исполненному труду. Всякое другое средство потребовало бы постояннаго вмѣшательства власти, которое для свободнаго человѣка быстро сдѣлалось бы нестерпимымъ.“

Таково противопоставляемое намъ возраженіе — какъ мы думаемъ, во всей его силѣ.

Оно, какъ читатель видитъ, входитъ въ разрядъ тѣхъ доводовъ, которыми стараются оправдать существованіе государства, уголовнаго закона, судей и тюремщиковъ.

„Въ виду того, что есть люди — незначительное меньшинство, — которые не хотятъ подчиняться привычкамъ общежитія“, говорятъ намъ сторонники существованія власти, „приходится сохранить государство, какъ бы дорого оно намъ не обходилось, приходится сохранить и власть, и судъ, и тюрьму, несмотря на то, что эти учрежденія становятся сами источниками всевозможныхъ новыхъ золъ.“

Мы могли бы ограничиться тѣмъ отвѣтомъ, который мы много разъ уже давали на вопросъ о власти вообще: „чтобы избѣгнуть возможнаго зла, — говоримъ мы — вы прибѣгаете къ средству, которое само по себѣ составляетъ зло еще большее, и которое становится источникомъ тѣхъ самыхъ злоупотребленій, которыя вы хотите устранить. Не забывайте, что именно существованіе наемнаго труда, т. е. невозможность жить иначе, какъ продавая свою рабочую силу, создало современный капиталистическій строй, недостатки котораго вы начинаете признавать.“

Мы могли бы замѣтить, кромѣ того, что разсужденіе нашихъ противниковъ есть въ сущности ничто иное какъ защита существующаго порядка. Современный наемный трудъ вовсе не былъ созданъ ради устраненія неудобствъ коммунизма. Его происхожденіе, какъ и происхожденіе государства и собственности, совершенно иное. Этого рода аргументы имѣютъ, поэтому, не больше значенія чѣмъ тѣ, которыми стараются оправдать существованіе собственности и государства. Мы разберемъ, тѣмъ не менѣе, это возраженіе и посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно можетъ быть справедливо.

Во первыхъ, если бы даже обществу, основанному на принципѣ свободнаго труда, дѣйствительно угрожала опасность со стороны тунеядцевъ, оно могло бы, несомнѣнно, защититься отъ нихъ, не прибѣгая ни къ власти, ни къ наемному труду. Представимъ себѣ группу изъ нѣсколькихъ добровольцевъ, соединившихся для какого-нибудь общаго дѣла и ревностно работающихъ для него, — за исключеніемъ одного члена, часто пренебрегающаго своими обязанностями. Неужели они изъ-за него распустятъ всю группу, или выберутъ какого-нибудь предсѣдателя, который будетъ налагать штрафы, или, наконецъ, заведутъ, какъ въ французской академіи наукъ, жетоны для раздачи присутствующимъ членамъ, по которымъ потомъ получаютъ плату? Нѣтъ сомнѣнія, что они не сдѣлаютъ ни того, ни другого, а просто скажутъ какъ-нибудь тому товарищу, поведеніе котораго грозитъ благополучному ходу дѣла: — „Другъ мой, мы очень охотно работали бы съ тобою вмѣстѣ, но такъ какъ ты часто не исполняешь своихъ обязанностей и относишься къ дѣлу небрежно, то намъ приходится разстаться. Ищи себѣ другихъ товарищей, которые бы примирились съ твоей небрежностью!"

Это — такое естественное средство, что къ нему и теперь прибѣгаютъ повсюду, и во всѣхъ отрасляхъ промышленности оно успѣшно конкуррируетъ съ всевозможными штрафами, вычетами и мѣрами надзора. Рабочій можетъ являться на работу въ положенный часъ, но если онъ работаетъ плохо, если своею небрежностью или другими недостатками онъ мѣшаетъ товарищамъ, если онъ съ ними ссорится, — его выживаютъ изъ мастерской. Обыкновенно, люди мало знакомые съ дѣломъ, думаютъ, что доброкачественность труда на фабрикахъ поддерживается всевѣдущимъ хозяиномъ и его надсмотрщиками; въ дѣйствительности же, во всякомъ болѣе или менѣе сложномъ учрежденіи,

вездѣ гдѣ товаръ долженъ, прежде чѣмъ быть законченнымъ, пройти черезъ нѣсколько рукъ, необходимыя условія труда поддерживаются самими рабочими. Вотъ почему на лучшихъ англійскихъ частныхъ заводахъ такъ мало надсмотрщиковъ — несравненно меньше, въ общемъ, чѣмъ на заводахъ французскихъ, и несравненно меньше чѣмъ на тѣхъ англійскихъ заводахъ, которые принадлежатъ государству.

Здѣсь происходитъ то же самое, что и въ дѣлѣ поддержанія въ обществѣ извѣстнаго нравственнаго уровня. Обыкновенно думаютъ, что онъ поддерживается, благодаря судьямъ и полиціи, тогда какъ въ дѣйствительности онъ существуетъ, *несмотря* на ихъ присутствіе. „Чѣмъ больше законовъ, тѣмъ больше преступленій", говорили люди еще задолго до насъ.

И такой пріемъ практикуется не только въ промышленныхъ учрежденіяхъ, но повсюду и постоянно, и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что только одни книгоѣды могутъ выражать сомнѣнія на этотъ счетъ. Когда какая-нибудь желѣзнодорожная компанія, входящая въ союзъ нѣсколькихъ компаній, нарушаетъ свои обязательства, когда она опаздываетъ со своими поѣздами и допускаетъ, чтобы товары залеживались на станціяхъ, остальныя компаніи грозятъ порвать съ нею контрактъ, и этой угрозы обыкновенно бываетъ достаточно. Обыкновенно думаютъ — или, по крайней мѣрѣ, говорятъ — что если въ торговыхъ дѣлахъ люди большею частью исполняютъ свои обязательства, то это только благодаря боязни суда; но въ дѣйствительности это вовсе не такъ. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, коммерсантъ, который нарушитъ данное имъ слово, вовсе не рискуетъ попасть подъ судъ. Въ особенно дѣятельныхъ торговыхъ центрахъ, какъ напримѣръ въ Лондонѣ, уже одного того факта, что приходится обращаться въ судъ, доста-

точно для огромнаго большинства купцовъ, чтобы не имѣть больше никакихъ дѣловыхъ отношеній съ человѣкомъ, который ихъ принудилъ къ этому.

Почему же то, что дѣлается въ настоящее время между товарищами по работѣ, между купцами и между желѣзнодорожными компаніями, оказалось бы невозможнымъ въ обществѣ, основанномъ на добровольномъ трудѣ?

Коммунистическая Община смѣло могла бы поставить своимъ членамъ хотя бы слѣдующее условіе: „Мы готовы обезпечить вамъ пользованіе нашими домами, магазинами, улицами, средствами передвиженія, школами, музеями и т. д., съ условіемъ, чтобы отъ двадцати до сорока-пяти или пятидесяти лѣтъ вы посвящали бы четыре или пять часовъ въ день труду, необходимому для жизни. Выберите сами, если хотите, тѣ группы, къ которымъ вы желали бы присоединиться, или составьте какую-нибудь новую группу, лишь бы только она взяла на себя производство предметовъ, признанныхъ нами необходимыми. Что же касается остального времени, то соединяйтесь съ кѣмъ угодно, для какихъ угодно удовольствій, для какихъ угодно наслажденій искусствомъ или наукой.

„Все, чего мы требуемъ отъ васъ это — тысячу двѣсти или тысячу пятьсотъ часовъ въ годъ работы, въ одной изъ группъ производящихъ пищевые продукты, одежду, жилища, или занимающихся общественной гигіеной, средствами передвиженія и проч. — взамѣнъ чего мы обезпечиваемъ вамъ пользованіе всѣмъ, что производится, или уже произведено этими группами. Но если — по какимъ бы то ни было причинамъ — ни одна изъ тысячъ группъ нашей общины не захочетъ васъ принять, если вы совершенно неспособны ни къ какому полезному труду, или же отказываетесь отъ него — тогда вамъ остается только жить особнякомъ, или такъ, какъ живутъ у насъ больные, т. е. на

счетъ общины. Если мы окажемся на столько богатыми, чтобы дать вамъ все необходимое, то мы съ удовольствіемъ сдѣлаемъ это: вы — человѣкъ и имѣете право на существованіе. Но разъ вы сами ставите себя въ исключительное положеніе и выходите изъ рядовъ своихъ согражданъ, то это, по всей вѣроятности, отзовется и на вашихъ отношеніяхъ съ ними. На васъ будутъ смотрѣть, какъ на пришельца изъ другого міра — изъ буржуазнаго общества; развѣ только какіе-нибудь друзья, которые признаютъ васъ геніемъ, поспѣшатъ снять съ васъ всякое нравственное обязательство, взявъ на себя исполненіе вашей доли необходимаго для жизни труда.

„Если, наконецъ, вамъ все это не нравится, ищите себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ иныхъ условій жизни, или найдите себѣ товарищей и создайте новую общину, основанную на новыхъ началахъ. Что же касается до насъ, то мы предпочитаемъ наши.“

Вотъ какъ могло бы поступить коммунистическое общество, если бы число тунеядцевъ сдѣлалось въ немъ такъ велико, что отъ нихъ пришлось бы защищаться.

IV

Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы эта опасность грозила обществу, дѣйствительно основанному на полной свободѣ личности. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то поощреніе лѣности, которое создается теперь частной собственностью, дѣйствительно лѣнивые люди, если только они не больные, встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Въ рабочей средѣ очень часто говорится, что буржуа — бездѣльники: такіе дѣйствительно бываютъ, но въ сущности они являются исключеніемъ. Напротивъ, въ каждомъ промышленномъ предпрія-

тіи всегда можно найти одного или нѣсколькихъ буржуа, которые очень много работаютъ. Правда, что они въ большинствѣ случаевъ пользуются своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для того, чтобы взять на себя наименѣе тяжелую работу и окружаютъ себя такими благопріятными условіями въ отношеніи питанія, хорошаго воздуха и т. д., что работа не является для нихъ особенно утомительной. Но вѣдь это — именно тѣ условія труда, которыхъ мы требуемъ для *всѣхъ* рабочихъ безъ исключенія. Правда, что благодаря ихъ привиллегированному положенію, богатые часто занимаются трудомъ совершенно безполезнымъ или даже вреднымъ для общества. Императоры, министры, директора департаментовъ, директора различныхъ фабрикъ, купцы, банкиры и проч. — всѣ они принуждаютъ себя продѣлывать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ день работу, которую они находятъ болѣе или менѣе непріятной: каждый изъ нихъ предпочитаетъ свои часы досуга этому обязательному дѣлу. И если въ большинствѣ случаевъ эта работа оказывается вредной, то вѣдь для нихъ она не дѣлается отъ этого менѣе утомительной. Если буржуазіи удалось побѣдить помѣщичье дворянство, если ей до сихъ поръ удается владычествовать надъ массою народа, то этимъ она обязана именно той энергіи, съ которой она дѣлаетъ (сознательно или безсознательно) свое вредное дѣло и защищаетъ свое привиллегированное положеніе. Если бы буржуа были дѣйствительно бездѣльниками, то они давно уже перестали бы существовать, давно исчезли бы, какъ исчезли дворянчики въ камзолахъ и на красныхъ каблукахъ.

Въ обществѣ, которое потребовало бы отъ нихъ всего четыре или пять часовъ въ день полезнаго, пріятнаго и гигіенично обставленнаго труда, они, теперешніе буржуа, несомнѣнно исполнили бы это, и

несомнѣнно *не* стали бы работать въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыхъ, благодаря имъ, происходитъ работа теперь. Если бы Пастёру или Тиндаллю довелось провести хотя бы пять часовъ на чисткѣ водосточныхъ трубъ, то они навѣрное нашли бы способъ измѣнить обстановку этой работы такъ, чтобы она была нисколько не непріятнѣе работы въ химической или бактеріологической лабораторіи.

Что же касается лѣности огромнаго большинства рабочихъ, то объ этомъ могутъ говорить только политико-экономы или филантропы. Поговорите объ этомъ съ какимъ-нибудь умнымъ предпринимателемъ, — и онъ вамъ скажетъ, что если бы рабочіе забрали себѣ въ голову лѣниться, то оставалось бы только закрыть всѣ фабрики. Никакія строгія мѣры, никакая система шпіонства и штрафовъ не могли бы помочь дѣлу. Нужно было видѣть въ какой ужасъ пришли англійскіе промышленники, когда нѣкоторые агитаторы начали проповѣдывать теорію go canny, т. е. „за плохую плату — плохой трудъ; работайте себѣ по легоньку, не утруждайте себя и портите все, что только возможно.“ „Это — деморализація рабочаго, это — убійство нашей промышленности!“ кричали тѣ самые люди, которые раньше гремѣли противъ безнравственности рабочихъ и дурного качества ихъ труда. Если бы рабочій въ самомъ дѣлѣ былъ тѣмъ, чѣмъ изображаютъ его экономисты, т. е. лѣнтяемъ, которому нужно постоянно грозить лишеніемъ работы, то какой смыслъ имѣло бы это самое слово „деморализація“?

Итакъ, когда говорятъ о возможности тунеядства, нужно всегда имѣть въ виду, что рѣчь идетъ лишь о меньшинствѣ, о незначительномъ меньшинствѣ всего общества. И прежде чѣмъ заниматься изданіемъ законовъ для этого меньшинства, не лучше ли выяснить себѣ самое его происхожденіе?

Всякій человѣкъ, умѣющій наблюдать, очень хорошо знаетъ, что часто ребенокъ, котораго въ школѣ считаютъ лѣнивымъ, просто плохо понимаетъ то, что ему плохо объясняютъ. Очень часто также это зависитъ отъ анеміи мозга — результата бѣдности и нездороваго воспитанія. Иной мальчикъ, лѣнивый въ изученіи латыни и греческаго языка, работалъ бы, можетъ быть, какъ волъ, если бы его учили естественнымъ наукамъ, въ особенности при посредствѣ ручного труда. Иная дѣвочка, считающаяся неспособной къ математикѣ, становится самой лучшей ученицей по математикѣ, въ своемъ классѣ, если ей удастся напасть на когонибудь, кто съумѣлъ схватить и объяснить ей то, что казалось ей непонятнымъ въ основахъ арифметики. Иной рабочій, небрежный къ своему фабричному труду, копаетъ свой садикъ съ самаго разсвѣта и до позднихъ сумерекъ, когда онъ можетъ работать на волѣ, на открытомъ воздухѣ.

Кто-то сказалъ, что пыль — это ничто иное, какъ частицы вещества, попавшія не на свое мѣсто. То же опредѣленіе приложимо въ девяти случаяхъ изъ десяти и къ тѣмъ людямъ, которыхъ называютъ лѣнивыми. Это — люди, попавшіе на такой путь, который не соотвѣтствуетъ ни ихъ характеру, ни ихъ способностямъ. Читая біографіи великихъ людей, положительно удивляешься, сколько среди нихъ оказывается „лѣнтяевъ". Они были „лѣнтяями", пока не напали на свой настоящій путь, и, наоборотъ, сдѣлались крайне трудолюбивыми съ тѣхъ поръ. Дарвинъ, Стефенсонъ и многіе другіе принадлежали къ числу такихъ лѣнтяевъ.

Очень часто лѣнтяемъ является человѣкъ, которому противно выдѣлывать всю жизнь какую-нибудь восемнадцатую долю булавки, или сотую долю карманныхъ часовъ, въ то время какъ онъ чувствуетъ въ себѣ избытокъ энергіи, которую хотѣлъ бы при-

ложить въ иной области. Часто бываетъ также, что это — человѣкъ, котораго возмущаетъ мысль, что онъ долженъ оставаться всю жизнь прикованнымъ къ своему станку и работать для того, чтобы его хозяинъ могъ пользоваться всевозможными удовольствіями, когда онъ знаетъ, что онъ нисколько не глупѣе его, и что единственная его вина заключается въ томъ, что онъ родился на свѣтъ не въ замкѣ, а въ хижинѣ.

Очень значительное число „лѣнтяевъ", наконецъ, потому лѣнтяи, что не знаютъ хорошо того ремесла, которымъ они должны зарабатывать себѣ пропитаніе. Они видятъ все несовершенство выходящей изъ ихъ рукъ работы, тщетно стараются сдѣлать ее лучше и, убѣдившись, что имъ это никогда не удастся, благодаря пріобрѣтеннымъ уже раньше плохимъ пріемамъ въ работѣ, начинаютъ ненавидѣть свое ремесло; а такъ какъ они не знаютъ никакого другого, — то съ нимъ вмѣстѣ и всякій трудъ вообще. Множество рабочихъ и неудачниковъ артистовъ находится именно въ такомъ положеніи.

Напротивъ того, человѣкъ, который съ дѣтства привыкъ *хорошо* играть на рояли, *хорошо* владѣть рубанкомъ, рѣзцомъ, кистью или напильникомъ, такъ чтобы чувствовать, что то, что выходитъ изъ его рукъ *красиво*, никогда не броситъ ни рояли, ни рѣзца, ни напильника. Онъ будетъ находить въ своей работѣ удовольствіе, и она не будетъ казаться ему утомительной — если конечно не будутъ заставлять его работать до полнаго утомленія.

Такимъ образомъ, подъ общимъ названіемъ *лѣни*, обозначаютъ, въ сущности, цѣлый рядъ послѣдствій разнообразныхъ причинъ, изъ которыхъ каждая могла бы сдѣлаться источникомъ пользы для общества, вмѣсто того, чтобы быть источникомъ зла. Какъ и въ вопросѣ о преступности, какъ

вообще во всѣхъ вопросахъ, касающихся человѣческихъ способностей, здѣсь сваливаютъ въ кучу явленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Люди употребляютъ слова „лѣнь“ и „преступленіе“, не давши себѣ труда разобраться въ ихъ причинахъ, а затѣмъ спѣшатъ наказывать, не задавъ себѣ вопроса о томъ, не составляетъ ли самое наказаніе именно поощренія этой „лѣни“ или этого „преступленія.“ *)

Вотъ почему, если бы въ свободномъ обществѣ начало возростать число тунеядцевъ, то общество, вѣроятно, постаралось бы прежде всего отыскать причины ихъ лѣни и попыталось бы ихъ устранить, прежде чѣмъ прибѣгать къ какимъ бы то ни было карательнымъ мѣрамъ. Вотъ передъ нами, напримѣръ, простой случай малокровія, — какъ тотъ, о которомъ мы говорили выше. Прежде чѣмъ набивать голову ребенка знаніями, дайте ему крови; укрѣпите его, а чтобы онъ не терялъ времени, отправьтесь съ нимъ въ деревню или куда-нибудь на берегъ моря. Тамъ начните учить его геометріи на открытомъ воздухѣ — не по книжкамъ, а измѣряя съ нимъ вмѣстѣ разстояніе до ближайшей скалы; учите естественной исторіи, собирая цвѣты и ловя рыбу, физикѣ — помогая строить ту лодку, на которой онъ поѣдетъ на рыбную ловлю. Но прежде всего, — не набивайте его мозгъ пустыми фразами и древними языками: не дѣлайте изъ него лѣнтяя!“

Другой ребенокъ, напримѣръ, не привыкъ къ порядку и правильности въ работѣ; противъ этого есть одно средство, — чтобы дѣти сами вырабатывали, другъ въ другѣ эти привычки: чтобы сама жизнь школы помогала этому. Впослѣдствіи, когда этому ребенку придется работать въ лабораторіи

*) См. нашу брошюру о тюрьмахъ („Les prisons“, Парижъ, 1889).

или въ мастерской — вообще въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ нужно имѣть дѣло съ разнообразными приборами и инструментами, — это пріучитъ его къ извѣстнымъ пріемамъ порядка. Только не дѣлайте вы изъ него сами безпорядочнаго человѣка вашей школой, въ которой порядокъ выражается лишь въ правильномъ расположеніи скамеекъ, а самое преподаваніе представляетъ собою настоящій хаосъ, который никому не можетъ внушить любви къ гармоніи, послѣдовательности и методичности въ трудѣ.

Неужели вы не видите, что съ вашими методами преподаванія, выработанными министерствомъ сразу для милліоновъ учениковъ, представляющихъ собою столько же милліоновъ различныхъ способностей, вы только навязываете имъ всѣмъ систему, годную для посредственностей, и созданную посредственностями. Ваша школа становится школой лѣни, точно такъ же какъ ваши тюрьмы представляютъ школы преступности. Сдѣлайте же школу свободной, уничтожьте всѣ ваши ученыя степени, обратитесь къ добровольцамъ въ дѣлѣ преподаванія — сдѣлайте все это, прежде чѣмъ изобрѣтать противъ лѣни законы, которые послужатъ только къ тому, чтобы заключить лѣнь въ установленныя рамки.

Дайте рабочему, которому противно выдѣлывать всю свою жизнь ничтожную часть какой-нибудь булавки, котораго тоска беретъ около своей машины и въ концѣ концовъ становится ненавистью, — дайте ему возможность обрабатывать землю, рубить деревья въ лѣсу, бороться съ бурей на морѣ, нестись въ пространствѣ на локомотивѣ. Но не дѣлайте сами изъ него лѣнтяя, заставляя его всю свою жизнь наблюдать за машиной, оттачивающей какой-нибудь кончикъ винта или продѣлывающей ушко въ иголкѣ!

Уничтожьте сперва причины, которыя создаютъ

лѣнтяевъ — и повѣрьте, что людей, дѣйствительно ненавидящихъ трудъ, особенно трудъ добровольный, почти не останется, и что для рѣшенія вопроса о нихъ совершенно не нужно будетъ ни вашего арсенала законовъ, ни вашей задѣльной платы съ угрозою голода.

Наемный трудъ въ коллективистскомъ обществѣ.

Въ своихъ планахъ перестройки общества, коллективисты впадаютъ, по нашему мнѣнію, въ двоякую ошибку: они хотятъ уничтоженія капиталистическаго строя, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремятся сохранить тѣ два учрежденія, которыя составляютъ самую его подкладку: представительное правленіе и наемный трудъ.

Что касается такъ-называемаго представительнаго правленія, то намъ часто приходилось уже говорить о немъ.*) Для насъ остается совершенно непонятнымъ, какъ могутъ умные люди — а въ таковыхъ нѣтъ недостатка въ коллективистской партіи — оставаться сторонниками національныхъ и городскихъ парламентовъ, послѣ всѣхъ тѣхъ уроковъ, которые намъ дала въ этомъ отношеніи исторія, — и во Франціи, и въ Англіи, и въ Германіи, и въ Швейцаріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ,

Мы видимъ, что повсюду парламентаризмъ приходитъ въ упадокъ, и что повсюду поднимается критика — не только примѣненій этой системы, но и *самыхъ основныхъ ея положеній*; какимъ же образомъ могутъ соціалисты-революціонеры защищать этотъ, осужденный на смерть образъ правленія?

*) См. между прочимъ „Распаденіе Современнаго Строя."

Выработанное буржуазіей, съ одной стороны — для противодѣйствія королевской власти, а съ другой — съ цѣлью расширенія и упроченія своего господства надъ рабочими, представительное правленіе является въ исторіи политическою формою, по преимуществу буржуазнаго строя. Защитники этой системы никогда и не утверждали серьезно, чтобы парламентъ или городской совѣтъ дѣйствительно *представлялъ* собою націю или городъ: наиболѣе умные изъ нихъ знаютъ, что это — невозможно. Представительное правленіе просто послужило буржуазіи для того, чтобы воздвигнуть плотину противъ захватовъ королевской власти — не давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободы народу. Но по мѣрѣ того, какъ народъ все лучше сознаетъ свои интересы, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и разнообразіе самихъ интересовъ, эта система оказывается негодной. Потому-то демократы всѣхъ странъ и занимаются теперь тщетными поисками за различными подправками: пробуютъ, въ Швейцаріи, всенародное голосованіе законовъ (referendum), и находятъ, что оно тоже никуда не годится; говорятъ въ Бельгіи о пропорціональномъ представительствѣ, или о представительствѣ меньшинства, т. е. опять-таки о разныхъ парламентскихъ утопіяхъ, — однимъ словомъ, ищутъ того, чего найти нельзя. Въ концѣ-концовъ имъ приходится, все таки, признаться, что онѣ пошли по ложному пути, и вѣра въ представительное правленіе все болѣе и болѣе подрывается въ народѣ.

То же самое происходитъ и съ наемнымъ трудомъ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, какъ мы провозгласили необходимость уничтоженія частной собственности и коллективное владѣніе орудіями труда, — требовать въ той или иной формѣ, сохраненія системы наемнаго труда? А между тѣмъ, проповѣдуя рабочіе чеки, коллективисты поступаютъ именно такъ. . . . .

Что эту систему предлагали англійскіе соціалисты въ началѣ вѣка (Робертъ Оуэнъ) — вполнѣ понятно: они въ то время, хотѣли *примирить трудъ съ капиталомъ* и отказывались отъ всякой мысли нарушить насильственнымъ путемъ собственность капиталистовъ. Понятно и то, что эту мысль принялъ впослѣдствіи Прудонъ: въ своей системѣ взаимнаго кредита онъ стремился сдѣлать капиталъ менѣе вреднымъ, при сохраненіи частной собственности, которую онъ ненавидѣлъ въ душѣ, но считалъ необходимой гарантіей для личности противъ государства.

Что рабочіе чеки признаютъ и болѣе или менѣе буржуазные экономисты — это также не удивительно. Для нихъ безразлично, будетъ ли получать рабочій свою плату въ этой формѣ, или въ формѣ денегъ съ изображеніемъ республики или имперіи. Имъ нужно спасти отъ грозящаго имъ погрома частную собственность на жилые дома, на землю, на фабрики, во всякомъ случаѣ — собственность на жилые дома и на капиталъ, нужный для фабричнаго производства. А для этой цѣли введеніе рабочихъ чековъ оказалось бы какъ нельзя болѣе подходящимъ.

Лишь бы только такой чекъ можно было обмѣнять на всякія драгоцѣнности — и всякій хозяинъ дома охотно приметъ его въ уплату за квартиру. А до тѣхъ поръ, пока жилые дома, земля и заводы будутъ принадлежать отдѣльнымъ собственникамъ, рабочему поневолѣ придется такъ или иначе платить имъ, чтобы имѣть возможность работать въ ихъ поляхъ, или на ихъ заводахъ, и жить въ ихъ домахъ.

Но — какъ можно защищать рабочіе чеки — эту новую форму наемнаго труда — разъ мы установили, что дома, поля и заводы не составляютъ больше частной собственности, а принадлежатъ общинѣ или всей націи? Этого мы не понимаемъ.

II

Присмотримся ближе къ этому способу вознагражденія труда, проповѣдуемому французскими, нѣмецкими, англійскими и итальянскими коллективистами.*)

Онъ сводится приблизительно къ слѣдующему: Всѣ работаютъ — въ поляхъ, на заводахъ, въ школахъ, въ больницахъ и т. д. Продолжительность рабочаго дня устанавливается государствомъ, которому принадлежитъ земля, заводы, пути сообщенія и проч. Каждый рабочій день вознаграждается *рабочимъ чекомъ*, на которомъ значится, скажемъ: „восемь часовъ труда". За этотъ чекъ рабочій можетъ пріобрѣсти въ магазинахъ, принадлежащихъ государству или различнымъ корпораціямъ, всевозможные товары. Этотъ чекъ можетъ также дробиться, какъ деньги, такъ что, напримѣръ, можно купить на рабочій часъ мяса, на десять минутъ спичекъ или на полъ-часа табаку. Вмѣсто того, чтобы говорить: „дайте мнѣ на пять копѣекъ мыла", послѣ коллективистской революціи станутъ говорить: „дайте мнѣ на пять минутъ мыла."

Большинство коллективистовъ, кромѣ того, остаются вѣрными раздѣленію, установленному буржуазными экономистами (и Марксомъ) между трудомъ *сложнымъ*, требующимъ предварительнаго обученія, и трудомъ *простымъ*, и говорятъ намъ, что трудъ *сложный*, т. е. профессіональный, *долженъ* оплачиваться въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ трудъ *про-*

*) Испанскіе анархисты, еще продолжающіе называться коллективистами, иначе понимаютъ это слово. Они подразумѣваютъ подъ нимъ общее владѣніе орудіями труда, а затѣмъ, — предоставленіе каждой группѣ свободы распредѣлять продукты, какъ она хочетъ — на основаніи ли коммунистическихъ принциповъ, или какихъ бы то ни было другихъ.

стой. Такъ, напримѣръ, одинъ часъ труда врача будетъ считаться соотвѣтствующимъ двумъ или тремъ часамъ труда больничной сидѣлки, или тремъ часамъ труда землекопа. „Профессіональный или квалифицированный трудъ будетъ имѣть цѣнность въ нѣсколько разъ бо̀льшую, чѣмъ трудъ простой", говоритъ коллективистъ Гренлундъ, потому что этотъ родъ труда требуетъ болѣе или менѣе долгаго обученія.*)

Другіе коллективисты, — напримѣръ французскіе марксисты, — не признаютъ этого различія и провозглашаютъ „равенство заработной платы." Врачъ, учитель, профессоръ — будутъ получать (въ видѣ рабочихъ чековъ) такое же вознагражденіе, какъ и землекопъ. Восемь часовъ, проведенные за осмотромъ больныхъ въ больницѣ, будутъ стоить столько же, сколько восемь часовъ работы землекопа, или работы на фабрикѣ.

Нѣкоторые дѣлаютъ еще одну уступку и допускаютъ, что работа непріятная или вредная для здоровья — напримѣръ, работа въ сточныхъ трубахъ, — должна оцѣниваться выше, чѣмъ трудъ пріятный. Часъ работы въ сточныхъ трубахъ соотвѣтствовалъ бы, напримѣръ, двумъ часамъ работы профессора.

Прибавимъ, наконецъ, что нѣкоторые коллекти-

---

*) Противъ этой фразы мнѣ возражалъ кто-то изъ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ, ссылаясь на одно длинное примѣчаніе Маркса въ концѣ VI главы *Капитала* (французскій текстъ; стр. 143 русскаго перевода, изд. 1872 года). Между тѣмъ, въ этомъ примѣчаніи Марксъ говоритъ только, что часто (souvent) различіе между сложнымъ и простымъ трудомъ на практикѣ бываетъ неосновательно. Оно ничѣмъ не опровергаетъ теоріи, развитой раньше въ VI-ой главѣ (стр. 115 русск. перевода), и замѣчанія на счетъ коллективизма въ I-ой главѣ, а только указываетъ, что въ практикѣ различіе нерѣдко устанавливается совершенно произвольно. Такъ же, какъ мною, Марксъ былъ понятъ многими изъ своихъ послѣдователей.

висты принимаютъ также вознагражденіе по группамъ, по корпораціямъ. Артель литейщиковъ сказала бы напримѣръ: „Вотъ сто тоннъ стали. Когда мы работали надъ ней, чтобы добыть руду, выливать желѣзо и т. д., насъ было сто рабочихъ и мы употребили на это десять дней. А такъ какъ каждый рабочій день заключаетъ въ себѣ восемь часовъ, то это составляетъ восемь тысячъ рабочихъ часовъ для полученія ста тоннъ стали, т. е. восемьдесятъ часовъ на тонну.“ Тогда государство выдало бы имъ восемь тысячъ рабочихъ чековъ, по одному часу каждый, и эти восемь тысячъ чековъ были бы затѣмъ распредѣлены, по ихъ усмотрѣнію, между всѣми работающими на данномъ заводѣ.

Съ своей стороны сто углекоповъ, употребили, напримѣръ, двадцать дней на добываніе восьми тысячъ тоннъ угля; поэтому тонна угля стоила бы два часа, и шестнадцать тысячъ чековъ, по часу каждый, полученные всей артелью, были бы распредѣлены между ея членами по ихъ собственной оцѣнкѣ.

Если бы углекопы стали протестовать и сказали бы, что тонна стали должна стоить всего шестьдесятъ часовъ труда, вмѣсто восьмидесяти, или если бы врачъ захотѣлъ, чтобы за часъ его труда платили какъ за два часа труда сидѣлки, то тогда въ дѣло вмѣшалось бы государство и разрѣшило бы ихъ разногласія.

Такова, въ немногихъ словахъ, организація, которую коллективисты хотѣли бы установить послѣ соціальной революціи. Какъ видно изъ сказаннаго, ихъ принципъ — коллективная собственность на орудія труда и — личное вознагражденіе каждаго, сообразно потраченному имъ на производство времени, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ во вниманіе и производительность его труда. Что касается до политическаго строя, рекомендуемаго коллективистами, они принимаютъ парламентаризмъ,

видоизмѣненный введеніемъ опредѣленнаго, обязательнаго полномочія депутатамъ (mandat impératif), и referendum'а, т. е. всенароднаго голосованія (плебисцита), въ которомъ каждый отвѣчаетъ на поставленный вопросъ *да* или *нѣтъ*.

Замѣтимъ, прежде всего, что этотъ порядокъ кажется намъ совершенно неосуществимымъ.

Коллективисты начинаютъ съ провозглашенія революціоннаго прицип а — уничтоженія частной собственности, — а затѣмъ сейчасъ же отрицаютъ его, оставляя безъ измѣненія такой способъ организаціи производства и потребленія, который сложился именно вслѣдствіе существованія частной собственности на орудія производства.

Они провозглашаютъ революціонный принципъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣчаютъ послѣдствій, къ которымъ онъ неизбѣжно долженъ привести. Они забываютъ, что уже самый фактъ уничтоженія частной собственности на орудія труда (землю, фабрики, пути сообщенія, капиталы и проч.) долженъ заставить общество выступить на совершенно новый путь; что онъ долженъ вызвать полный переворотъ во всемъ производствѣ — какъ въ его цѣляхъ, такъ и въ его средствахъ; что какъ только земля, машины и все остальное станетъ считаться общею собственностью, всѣ ежедневныя отношенія между людьми должны будутъ подвергнуться глубокому существенному измѣненію.

„Пусть не будетъ частной собственности", говорятъ они, и тотчасъ же стараются удержать частную собственность въ ея ежедневныхъ проявленіяхъ. „Въ отношеніи производства, вы будете составлять Коммунистическую Общину: поля, орудія, машины, все, что произведено было до сихъ поръ, фабрики, желѣзныя дороги, гавани, копи и т. д. — все это будетъ ваше, общее. Относительно доли участія каждаго въ этой общей собственности не будетъ подниматься никакого вопроса.

„Но лишь только дѣло дойдетъ до вознагражденія за трудъ, вы, на другой-же день начните оспаривать другъ у друга долю участія каждаго изъ васъ въ производствѣ новыхъ машинъ, въ разработкѣ новыхъ копей. Старайтесь въ точности взвѣсить часть, приходящуюся на долю каждаго. Считайте минуты вашей работы и ревниво слѣдите за тѣмъ, чтобы минута труда вашего сосѣда не могла купить бо̀льшее количество продуктовъ чѣмъ ваша минута.

„А такъ какъ часами ничего измѣрить нельзя, потому что на одной фабрикѣ рабочій можетъ смотрѣть одновременно за шестью ткацкими станками, тогда какъ на другой онъ можетъ смотрѣть только за двумя, то вы начните взвѣшивать также, потраченную каждымъ изъ васъ мышечную силу и умственную и нервную энергію. Въ точности высчитывайте годы, употребленные на обученіе каждаго работника, чтобы опредѣлить долю каждаго въ будущемъ производствѣ — и все это послѣ того, какъ вы сами же заявите, что въ производствѣ *прежнихъ лѣтъ* вы совершенно не намѣрены принимать во вниманіе, каково было участіе того или другого изъ васъ!"

Намъ кажется очевиднымъ, что никакое общество не можетъ сложиться на основаніи двухъ, совершенно противоположныхъ, постоянно противорѣчащихъ другъ другу началъ. Страна или община, которая ввела бы у себя подобную организацію, очень скоро была бы вынуждена, или вернуться къ частной собственности, или превратиться въ общество коммунистическое.

III

Мы уже видѣли, что нѣкоторые коллективисты требуютъ установленія различія между трудомъ *сложнымъ* и трудомъ *простымъ*. Они считаютъ,

что часъ труда инженера, архитектора или врача долженъ считаться за два часа труда кузнеца, каменьщика или больничной сидѣлки, и что то же различіе должно быть установлено, съ одной стороны — между всѣми ремеслами, требующими болѣе или менѣе долгаго обученія, а съ другой — трудомъ простыхъ поденьщиковъ.

Но установить такое различіе значитъ сохранить цѣликомъ неравенство, существующее въ современномъ обществѣ. Это значитъ — провести заранѣе черту между рабочими и тѣми, которые претендуютъ на управленіе ими. Это значитъ — раздѣлить общество на два ясно обособленные класса — аристократію знанія и стоящую подъ нею толпу съ мозолистыми руками, — два класса, изъ которыхъ одинъ будетъ служить другому, будетъ работать для того, чтобы кормить и одѣвать людей, которые конечно воспользуются полученнымъ такимъ образомъ досугомъ, чтобы учиться господствовать надъ тѣми, кто его кормитъ. Мало того: это значитъ взять одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ современнаго буржуазнаго общества и усилить ее авторитетомъ соціальной революціи; это значитъ — возвести въ основное начало то зло, на которое мы нападаемъ въ старомъ, разрушающемся обществѣ.

Мы заранѣе знаемъ, что̀ намъ отвѣтятъ. Намъ станутъ говорить о „научномъ соціализмѣ"; будутъ ссылаться на буржуазныхъ экономистовъ — а также и на Маркса, чтобы доказать, что установленная градація заработной платы имѣетъ разумныя причины, потому что „рабочая сила" инженера стоила обществу больше, чѣмъ „рабочая сила" землекопа. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ экономисты не старались доказать намъ, что если инженеру платятъ въ двадцать разъ больше чѣмъ землекопу, то это происходитъ только потому, что издержки, „необходимыя" для подготовленія инженера, боль-

ше тѣхъ, которыя требуются для подготовленія землекопа? И развѣ Марксъ не говорилъ, что то же самое различіе должно логически существовать и между различными отраслями ручного труда — разъ трудъ становится товаромъ? Онъ долженъ былъ неизбѣжно придти къ этому выводу, разъ только онъ принялъ теорію цѣнности Рикардо и утверждалъ, вслѣдъ за нимъ, что товары обмѣниваются пропорціонально общественно-необходимому для производства ихъ труду.*)

Но мы знаемъ, какъ стоитъ дѣло въ дѣйствительности. Мы знаемъ, что если въ настоящее время инженеръ, ученый или врачъ получаютъ въ десять или въ сто разъ больше чѣмъ рабочій, и что если ткачъ получаетъ втрое больше чѣмъ крестьянинъ и въ десять разъ больше, чѣмъ работница на спичечной фабрикѣ, то это зависитъ вовсе не отъ „издержекъ на ихъ производство", а отъ монополіи на знаніе или въ пользу промышленности. Инженеръ, ученый и врачъ просто эксплуатируютъ извѣстный капиталъ — свой дипломъ, — подобно тому какъ заводчикъ эксплуатируетъ свой заводъ, или какъ помѣщикъ-дворянинъ эксплуатируетъ свой дворянскій титулъ.

Что же касается собственника завода, который платитъ инженеру въ двадцать разъ больше, чѣмъ

---

*) Въ этомъ отношеніи весьма поучительно у Маркса начало XXIV-ой главы французскаго, пересмотрѣннаго имъ текста „Капитала" (въ русскомъ переводѣ Лопатина, стран. 504 - 5, и слѣдовательно въ нѣмецкомъ изданіи, съ котораго онъ переводилъ, ничего этого нѣтъ), гдѣ доказывается, что при капиталистическомъ обмѣнѣ, рабочая сила покупается „*по своей дѣйствительной цѣнѣ* (à son juste prix)." „Все, что послѣдній (т. е. рабочій) требуетъ, и вправѣ требовать, это — чтобы капиталистъ уплатилъ ему цѣнность его рабочей силы." Это онъ и получаетъ. Замѣчу мимоходомъ, что безъ этого допущенія (Hyndman отлично это понялъ) нельзя было бы основать теорію прибавочной стоимости.

рабочему, то онъ поступаетъ такъ вовсе не ради оцѣнки „издержекъ производства", а изъ простого разсчета. Если инженеръ можетъ сберечь ему на производствѣ тридцать тысячъ рублей въ годъ, онъ платитъ ему пять тысячъ; если онъ найдетъ такого надсмотрщика за рабочими, который ловко съумѣетъ прижимать ихъ и поможетъ съэкономить три тысячи рублей на платѣ за трудъ, хозяинъ охотно дастъ надсмотрщику восемьсотъ рублей въ годъ. Онъ охотно затратитъ лишнихъ нѣсколько сотъ рублей, чтобы выгодать себѣ тысячи, и въ этомъ существенная черта капиталистическаго строя. То же самое можно сказать и о различіяхъ между разными ручными ремеслами.

Какъ же можно говорить въ такомъ случаѣ объ „издержкахъ производства", будто бы опредѣляющихъ стоимость рабочей силы? Неужели студентъ, весело проведшій свою молодость въ университетѣ, имѣетъ *право* на плату въ десять разъ бо̀льшую, чѣмъ сынъ углекопа, который съ одиннадцати лѣтъ чахнулъ въ угольной шахтѣ? И неужели ткачъ имѣетъ *право* на заработокъ въ три или четыре раза бо̀льшій, чѣмъ заработокъ крестьянина и крестьянки? Издержки, необходимыя на производство ткача, вовсе не въ три или четыре раза больше издержекъ на производство крестьянина: ткачъ просто пользуется тѣми выгодными условіями, въ которыя поставлена европейская промышленность по отношенію къ странамъ земледѣльческимъ, въ которыхъ промышленность еще не развита.

Никто никогда еще не вычислялъ этихъ *издержекъ производства*; и если, вообще говоря, тунеядецъ сто̀итъ обществу больше, чѣмъ рабочій, то, когда мы сравнимъ сильнаго поденьщика съ ремесленникомъ, то еще вопросъ, не окажется ли, если принять во вниманіе всѣ условія (смертность дѣтей рабочихъ, изнуряющее ихъ малокровіе и преж-

девременную смерть), что первый обходится обществу дороже, чѣмъ второй.

Можно ли, напримѣръ, допустить, что тѣ пятьдесятъ копѣекъ, которыя получаетъ въ день парижская работница, или шесть пенсовъ (двадцать четыре копѣйки) зарабатываемыхъ въ день лондонскою швеею, или тотъ рубль, который платятъ въ день крестьянину, представляютъ собою „издержки производства работницы, швеи и крестьянина?“ Мы отлично знаемъ, что человѣку часто приходится работать и за еще меньшую плату, но мы знаемъ также, что это происходитъ исключительно отъ того, что при нашемъ великолѣпномъ общественномъ устройствѣ, безъ этой ничтожной платы работникъ и работница умерли бы съ голоду.

Мы думаемъ, поэтому, что различныя ступени въ заработной платѣ представляютъ собою сложный результатъ цѣлаго ряда условій: налоговъ, государственной опеки, капиталистическаго захвата, монополіи — однимъ словомъ, государства и капитала. Потому-то мы и говоримъ, что всѣ теоріи относительно этой шкалы въ заработной платѣ изобрѣтены были уже послѣ ея установленія, чтобы *оправдать* существующую несправедливость, и что поэтому намъ совершенно не нужно принимать въ разсчетъ тѣ тонкія теоріи, которыми ее стараются оправдать.

Намъ замѣтятъ, вѣроятно, что коллективистская лѣстница въ заработной платѣ будетъ, какъ бы то ни было, нѣкоторымъ шагомъ впередъ. „Пусть лучше нѣкоторые разряды рабочихъ — скажутъ намъ — получаютъ плату вдвое или втрое больше другихъ разрядовъ, чѣмъ чтобы министры получали въ одинъ день столько, сколько рабочій не заработаетъ и въ годъ. Это во всякомъ случаѣ шагъ впередъ въ смыслѣ равенства.“

Мы думаемъ, что это будетъ, наоборотъ, шагъ назадъ. Ввести въ *новое* общество различіе между

трудомъ простымъ и трудомъ профессіональнымъ, значило бы, какъ мы уже говорили, узаконить Революціею и возвести въ основное начало тотъ грубый фактъ, которому мы подчиняемся теперь, но который мы тѣмъ не менѣе находимъ несправедливымъ. Это значило бы — поступить подобно тѣмъ, которые 4-го августа 1789 года провозгласили съ громкими фразами отмѣну феодальныхъ правъ, а 8-го августа узаконили эти самыя права, заставивъ крестьянъ выкупать ихъ у помѣщиковъ и поставивъ послѣднихъ подъ охрану Революціи. Это значило бы поступить такъ, какъ поступило русское правительство, которое, въ день освобожденія крестьянъ, объявило, что земля будетъ принадлежать помѣщикамъ, тогда какъ раньше считалось злоупотребленіемъ распоряжаться надѣлами крѣпостныхъ крестьянъ.

Или же, возьмемъ другой извѣстный примѣръ. Когда въ 1871 году Парижская Коммуна рѣшила платить членамъ своего Совѣта по пятнадцати франковъ (около пяти рублей) въ день, тогда какъ рабочіе, дравшіеся на укрѣпленіяхъ, получали всего тридцать су (около пятидесяти копѣекъ), это рѣшеніе привѣтствовали какъ высшее проявленіе демократическаго равенства. Въ дѣйствительности же Коммуна только подтвердила старое неравенство между чиновникомъ и солдатомъ, между управляющимъ и управляемымъ. Со стороны какого-нибудь парламента, такая мѣра могла бы показаться очень прекрасною, но для Коммуны это было измѣной своему революціонному принципу, а слѣдовательно осужденіемъ его. Не наемную плату, на которую, между прочимъ, и прожить было невозможно, даже рабочей семьѣ, должна была платить Коммуна тѣмъ рабочимъ, которые сражались за нее. Она должна была счесть своимъ первымъ, святымъ долгомъ, обезпечить существованіе своихъ борцовъ и ихъ семей.

Въ современномъ обществѣ, когда мы видимъ,

что министръ заставляетъ платить себѣ по тридцати тысячъ рублей въ годъ, тогда какъ рабочій долженъ довольствоваться тремя стами рублями, или даже меньше; когда мы видимъ, что надсмотрщику надъ рабочими платятъ вдвое или втрое больше чѣмъ рабочему, и что даже среди самихъ рабочихъ существуютъ разныя платы — отъ трехъ или четырехъ рублей въ день до двѣнадцати копѣекъ, зарабатываемыхъ крестьянкой, — мы негодуемъ. И негодуемъ мы не только на высокое жалованіе министра, но и на такое различіе въ заработкѣ рабочаго и крестьянки. Мы говоримъ: „Пусть привилегіи, связанныя съ образованіемъ, исчезнутъ такъ же, какъ и привиллегіи связанныя съ происхожденіемъ!“ Рабочіе потому именно и становятся революціонерами, что всякія привилегіи ихъ возмущаютъ.

Но если онѣ возмущаютъ насъ въ современномъ обществѣ, — то какъ же сможемъ мы терпѣть ихъ въ обществѣ, которое начнетъ свое существованіе съ провозглашенія равенства?

Вотъ почему нѣкоторые коллективисты, понимающіе, что ступени въ заработной платѣ не смогутъ удержаться въ обществѣ, проникнутомъ духомъ Революціи, спѣшатъ провозгласить, что заработная плата будетъ для всѣхъ одинакова. Но здѣсь они наталкиваются на новое затрудненіе, которое дѣлаетъ изъ ихъ равенства заработной платы такую же неосуществимую утопію, какъ и ступенчатая плата предлагаемая другими.

Общество, которое овладѣетъ всѣмъ общественнымъ богатствомъ и громко провозгласитъ, что *всѣ* имѣютъ на него право, какова бы ни была въ прошломъ доля участія каждаго въ созданіи этого богатства, — такое общество должно будетъ отказаться отъ всякой мысли о наемной платѣ, въ какой бы формѣ она не представлялась: въ видѣ ли денегъ, или въ видѣ рабочихъ чековъ.

IV

„Каждому — сообразно его труду“, говорятъ коллективисты, т. е. другими словами — сообразно его долѣ въ услугахъ, оказываемыхъ обществу. И этотъ принципъ намъ предлагаютъ приложить на практикѣ, послѣ того какъ Революція обратитъ въ общую собственность орудія труда и все необходимое для производства!

Если бы Соціальная Революція дѣйствительно провозгласила это начало, она этимъ самымъ поставила бы преграду дальнѣйшему развитію человѣчества и оставила бы нерѣшенной ту громаднѣйшую общественную задачу, которую мы получили въ наслѣдство отъ прежнихъ вѣковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ мы видимъ, что чѣмъ больше человѣкъ работаетъ, тѣмъ меньше онъ получаетъ, — такое начало можетъ казаться, съ перваго взгляда, выраженіемъ справедливости. Въ дѣйствительности же оно только освящаетъ всю несправедливость прошлыхъ временъ. Наемный трудъ началъ свое существованіе именно съ этого принципа — „каждому по его трудамъ“, — и привелъ онъ насъ понемногу къ самому явному неравенству и ко всѣмъ возмутительнымъ явленіямъ современнаго общества. Съ того дня, когда люди начали мѣрить услуги оказываемыя обществу, платя за нихъ деньгами или какой бы то ни было другой формой заработной платы, — съ того дня, когда было заявлено, что каждый будетъ получать столько, сколько онъ сможетъ заставить себѣ платить за свои услуги — съ этого дня вся исторія капиталистическаго общества была (при содѣйствіи государства) написана заранѣе. Она вся цѣликомъ находилась въ зародышѣ въ этомъ основномъ началѣ.

Неужели же мы должны теперь опять вернуться

къ этому исходному пункту и вновь пройти черезъ то же развитіе? Наши теоретики стремятся къ этому, но, къ счастью, это невозможно. Какъ мы уже видѣли, революція *должна* будетъ обратиться къ коммунизму; иначе она будетъ потоплена въ крови, и ее придется начинать съизнова.

Услуги, оказываемыя обществу — будь то работа на фабрикѣ или въ полѣ, или услуги нравственнаго характера — *не могутъ быть оцѣнены въ монетныхъ единицахъ*. Беря мануфактурное производство, точной мѣры цѣнности — ни того, что̀ неправильно называютъ мѣновою цѣнностью, ни цѣнности, разсматриваемой съ точки зрѣнія полезности, — нѣтъ возможности установить. Если мы видимъ двухъ человѣкъ, которые въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ работаютъ по пяти часовъ въ день на общую пользу въ различныхъ, одинаково имъ нравящихся областяхъ, то мы можемъ сказать, что ихъ трудъ приблизительно равноцѣненъ; но дробить этого труда нельзя; нельзя сказать, что продуктъ каждаго дня, каждаго часа, каждой минуты труда одного изъ нихъ равноцѣненъ продукту минуты, часа или дня другого.

Можно сказать, въ общемъ, что человѣкъ, который всю свою жизнь лишалъ себя досуга въ теченіе десяти часовъ въ день, далъ обществу больше, чѣмъ тотъ, который отнималъ у себя всего пять часовъ, или не отнималъ вовсе ничего. Но нельзя взять продуктъ, который онъ произвелъ въ теченіе двухъ часовъ и сказать, что этотъ продуктъ сто̀итъ вдвое больше, чѣмъ продуктъ одного часа труда другого человѣка, и вознаграждать трудъ обоихъ соотвѣтственно этому разсчету. Это значило бы закрыть глаза на всю сложность промышленности, земледѣлія и вообще всей жизни современнаго общества; это значило бы не замѣчать, до какой степени всякій трудъ каждой отдѣльной личности является результатомъ всего прошедшаго и настоящаго труда

всего общества. Это значило бы думать, что мы живемъ въ каменномъ вѣкѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мы живемъ въ вѣкѣ стали.

Войдите, напримѣръ, въ угольную копь и посмотрите на рабочаго, стоящаго возлѣ огромной машины, заставляющей ходить вверхъ и внизъ клѣтку, въ которой поднимаютъ изъ шахты уголь. Въ рукахъ у него рычагъ, который останавливаетъ машину, или заставляетъ ее дѣйствовать въ обратную сторону: стоитъ ему только двинуть рычагъ, и клѣтка мгновенно измѣняетъ направленіе своего движенія, взлетая вверхъ или опускаясь вглубь съ головокружительной быстротой. Весь вниманіе, онъ съ напряженіемъ слѣдитъ глазами за указателемъ, который показываетъ ему, въ какомъ мѣстѣ находится въ каждую данную минуту шахтовая клѣтка; и какъ только указатель достигъ извѣстнаго уровня, онъ мгновенно останавливаетъ движеніе машины, — ни на одинъ аршинъ ниже или выше требуемаго уровня. А какъ только изъ клѣтки выкатятъ вагонеты полные угля и втолкнутъ на ихъ мѣсто пустые, онъ вновь повертываетъ рычагъ, не теряя ни секунды — и вновь клѣтка летитъ въ глубь шахты.

Въ теченіе восьми или десяти часовъ онъ находится въ этомъ состояніи усиленно напряженнаго вниманія. Если бы умъ его отвлекся на полъ-минуты отъ указателя, клѣтка влетѣла бы въ потолокъ, дробя колеса и давя людей, и вся работа въ рудникѣ была бы остановлена. Стоитъ ему потерять три секунды при каждомъ поворотѣ рычага — и количество добываемаго угля сократится (въ усовершенствованныхъ современныхъ копяхъ) на двадцать пять или на пятьдесятъ тоннъ въ день.

Въ такомъ случаѣ, — признаемъ ли мы его самымъ полезнымъ человѣкомъ въ рудникѣ? Или, можетъ быть, того, кто подаетъ ему снизу сигналъ къ поднятію клѣтки? или-же того углекопа, который ежеминутно

рискуетъ своей жизнью въ глубинѣ копи и рано или поздно будетъ убитъ рудничнымъ газомъ? Или, можетъ быть, инженера, который, вслѣдствіе простой ошибки въ сложеніи при своихъ вычисленіяхъ, могъ бы потерять угольный пластъ и повести штольню въ пустомъ камнѣ? Или, наконецъ, хозяина, который вложилъ въ это дѣло все свое имущество и вопреки всѣмъ совѣтамъ говорилъ, можетъ быть, когда рыли шахту: „Ройте здѣсь, ройте глубже, и мы найдемъ прекрасный уголь?“ Или — какого-нибудь старика, углекопа, который уговаривалъ хозяина продолжать дѣло?

Всѣ, работающіе въ этой копи содѣйствуютъ, по мѣрѣ своихъ силъ, своей энергіи, своихъ знаній, своего ума, своего умѣнья, добыванію угля; и мы дѣйствительно можемъ сказать, что *всѣ* они имѣютъ право жить и удовлетворять свои потребности (и даже свои фантазіи, какъ только необходимое для всѣхъ будетъ обезпечено). Но какимъ образомъ можемъ мы оцѣнить деньгами, платой, участіе каждаго изъ нихъ?

Да и самый уголь, который они добываютъ, — развѣ это *ихъ* продуктъ, добытый ими одними? Развѣ онъ не продуктъ также и тѣхъ людей, которые построили желѣзную дорогу, ведущую къ копи, и тѣ другія дороги, которыя, какъ лучи, расходятся отъ нея ко всѣмъ станціямъ? Развѣ онъ также не дѣло тѣхъ, кто пахалъ и засѣвалъ поля, рубилъ деревья въ лѣсу, строилъ машины, въ которыхъ будетъ горѣть этотъ уголь? и такъ далѣе безъ конца!

Между дѣломъ одного и дѣломъ другого не можетъ быть установлено никакого различія. Если мы будемъ мѣрить ихъ заслуги по ихъ результатамъ, то это приведетъ насъ къ нелѣпости, и то же самое получится, если мы станемъ дробить ихъ заслуги и мѣрить ихъ часами труда.

Остается только одно: поставить *потребности*

людей выше ихъ *дѣлъ*, и признать сначала право на жизнь, а затѣмъ и право на довольство, *за всѣми тѣми, кто принимаетъ какое бы то ни было участіе въ производствѣ*.

Возьмите какую хотите другую отрасль человѣческой дѣятельности, возьмите всю совокупность жизненныхъ проявленій и скажите: Кто изъ насъ имѣетъ право претендовать на бо́льшее вознагражденіе: врачъ, который угадалъ болѣзнь, или сидѣлка, которая обезпечила выздоровленіе своимъ тщательнымъ уходомъ? Изобрѣтатель ли первой паровой машины, или тотъ мальчикъ, которому въ одинъ прекрасный день надоѣло тянуть веревку, служившую прежде для открыванія клапана, впускавшаго паръ подъ поршень, и который онъ догадался разъ привязать извѣстнымъ образомъ къ коромыслу машины, а самъ побѣжалъ играть съ товарищами, не подозрѣвая, что онъ открылъ этимъ самымъ необходимую часть всякой современной паровой машины — механическій клапанъ? Изобрѣтатель ли локомотива или тотъ ньюкастльскій рабочій, который подалъ мысль замѣнить деревянными шпалами тѣ камни, на которые раньше клали рельсы и которые, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ упругости, заставляли поѣзда все время сходить съ рельсовъ? Машинистъ ли на локомотивѣ, или тотъ человѣкъ, который подаетъ сигналъ, чтобы остановить поѣздъ, или же стрѣлочникъ, открывающій путь?

Кому мы обязаны существованіемъ телеграфнаго сообщенія черезъ Атлантическій океанъ? Тому ли инженеру, который упорно утверждалъ, что проволочный канатъ будетъ передавать депеши, въ то время какъ почти всѣ самые ученые спеціалисты по электричеству заявляли, что это невозможно? Тому ли ученому, Мори, который посовѣтовалъ замѣнить толстые канаты тонкими, — не толще обыкновенной трости? Или, наконецъ, тѣмъ, не-

извѣстно откуда явившимся добровольцамъ, которые проводили дни и ночи на палубѣ Грэтъ Истерна и тщательно разсматривали каждый футъ каната, вынимая изъ него гвозди, которые втыкались кѣмъ-то (говорятъ — акціонерами морскихъ компаній) въ изолирующій слой, съ цѣлью сдѣлать канатъ негоднымъ къ употребленію?

А въ болѣе широкой области — въ области настоящей человѣческой жизни, съ ея радостями, ея горестями и ея случайностями, — развѣ каждому изъ насъ не случалось встрѣтиться съ человѣкомъ, который оказалъ ему въ жизни такую услугу, что самая мысль о денежной ея оцѣнкѣ показалась бы оскорбительной? Иногда эта услуга ничто иное, какъ — просто слово, сказанное во-время, иногда же это — цѣлые мѣсяцы и годы самоотверженной преданности. Неужели же и эти „неоцѣнимыя“ услуги мы тоже станемъ расцѣнивать въ рабочихъ чекахъ?

„Каждому — по его дѣламъ!“. Но человѣческія общества не могли бы просуществовать и двухъ поколѣній подрядъ, если бы каждый не давалъ иногда другимъ гораздо больше, чѣмъ онъ получитъ отъ нихъ въ видѣ денегъ, рабочихъ чековъ или какихъ-нибудь наградъ. Человѣчеству пришелъ бы конецъ, если бы мать не давала свою жизнь для сохраненія жизни своихъ дѣтей, если бы каждый человѣкъ не давалъ, хоть иногда, не считая, если бы онъ не давалъ въ особенности именно тогда, когда онъ не ждетъ никакого вознагражденія.

И если буржуазное общество гибнетъ, если мы находимся въ настоящую минуту въ тупикѣ, изъ котораго мы не можемъ выйти иначе, какъ разрушая топоромъ и огнемъ учрежденія прошлаго, то это происходитъ именно отъ того, что мы слишкомъ много считали; отъ того, что мы пріучили себя *давать* только съ цѣлью *получить*; отъ того, что мы захотѣли сдѣлать изъ общества коммерческую компанію, основанную на приходѣ и расходѣ.

Коллективисты, впрочемъ, знаютъ это и сами. Они смутно понимаютъ, что никакое общество не могло бы просуществовать, если бы оно строго провело до конца свое правило: „каждому по его дѣламъ“; они тоже понимаютъ, что *потребности* личности — мы не говоримъ о капризахъ — не всегда совпадаютъ съ ея *дѣлами*. Такъ, например̂ъ, Де Папъ пишетъ:

„Этотъ, чисто индивидуалистическій принципъ будетъ, впрочемъ, *смягчаться* общественнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло воспитанія дѣтей и молодыхъ людей (включая сюда пищу и все ихъ содержаніе) и въ дѣло общественной организаціи помощи калѣкамъ и больнымъ, пенсій для старыхъ рабочихъ и т. под.“

Они понимаютъ, повидимому, что у сорокалѣтняго человѣка, отца троихъ дѣтей, больше потребностей чѣмъ у двадцатилѣтняго юноши; что женщина, которая кормитъ ребенка и проводитъ около него безсонныя ночи, не можетъ дѣлать столько же *дѣлъ*, какъ человѣкъ, спокойно выспавшійся. Они понимаютъ, повидимому, что люди — мужчины или женщины — изнуренные, можетъ быть, на службѣ обществу, могутъ оказаться неспособными сдѣлать столько же „дѣлъ“, какъ тѣ, которые проводили время спокойно и получали свои „чеки“, занимая привиллегированное положеніе государственныхъ статистиковъ.

Поэтому они спѣшатъ *смягчить* свой принципъ. „Конечно“, говорятъ они, „общество возьмется кормить и воспитывать дѣтей, будетъ помогать старикамъ и больнымъ! Конечно, *потребности* послужатъ въ данномъ случаѣ мѣриломъ издержекъ, которыя возьметъ на себя общество, чтобы смягчить свое основное правило: „каждому по его дѣламъ“.

Однимъ словомъ, получается опять-таки благотворительность, все та же христіанская благотворительность, но на этотъ разъ организованная государствомъ! Стоитъ только усовершенствовать

Воспитательные Дома и организовать страхованіе отъ старости и болѣзни — и основной принципъ смягченъ! Все та же система: „Сначала ранить, а потомъ лѣчить!“

Такимъ образомъ, начавъ съ отрицанія коммунизма и съ насмѣшливаго отношенія къ принципу „каждому по его потребностямъ“, они, эти великіе экономисты, въ концѣ концовъ замѣчаютъ, что забыли-таки одну вещь, а именно потребности производителей. Они спѣшатъ ихъ признать. Но только оцѣнивать эти потребности должно государство; государство должно провѣрять, соразмѣрны ли онѣ съ дѣлами каждаго? Подать ли милостыню или нѣтъ?

Государство, стало-быть, возьметъ на себя благотворительность — призрѣніе хромыхъ и слѣпыхъ нищихъ, а отъ этого до англійскаго закона о бѣдныхъ и до англійскихъ рабочихъ домовъ, т. е. тюремъ для неимущихъ — всего одинъ шагъ. Вѣдь и то безжалостное современное общество, противъ котораго мы возмущаемся, тоже оказалось вынужденнымъ *смягчить* свой индивидуализмъ; оно тоже должно было сдѣлать нѣкоторыя уступки въ направленіи коммунизма и точно также въ формѣ благотворительности: оно также завело Воспитательные и „рабочіе дома“!

Оно точно также раздаетъ дешевые обѣды — изъ боязни, какъ бы голодные не разграбили его лавокъ. Оно также устраиваетъ больницы, очень часто плохія, но иногда и великолѣпныя, чтобы помѣшать распространенію заразныхъ болѣзней: неравно и самъ заразишься! Оно также оплачиваетъ сначала часы труда, а затѣмъ беретъ на себя воспитаніе дѣтей тѣхъ, кого довело до крайней нищеты. Оно также принимаетъ во вниманіе потребности и дѣлаетъ это въ формѣ Казеннаго Попечительства о Бѣдныхъ.

Бѣдность послужила, какъ мы видѣли, первымъ источникомъ обогащенія; *она* создала перваго ка-

питалиста. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь прежде чѣмъ явилась та „прибавочная стоимость“, о которой такъ любятъ говорить, нужно было, чтобы существовали бѣдняки, которые согласились бы продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть съ голоду. Ихъ бѣдность сдѣлала возможнымъ существованіе богатыхъ. И если она такъ сильно развилась къ концу Среднихъ Вѣковъ, то это благодаря тому, что завоеванія и войны, послѣдовавшія за образованіемъ государствъ и обогащеніемъ вслѣдствіе эксплуатаціи Востока, порвали связи, существовавшія раньше между земельными и городскими общинами и заставили ихъ, вмѣсто той солидарности, которая практиковалась прежде, ввести у себя драгоцѣнный для эксплуататоровъ принципъ наемнаго труда.

Неужели же этотъ самый принципъ долженъ явиться теперь результатомъ революціи? И неужели мы назовемъ этотъ жалкій результатъ именемъ „соціальной революціи“ — этимъ именемъ, дорогимъ для всѣхъ голодныхъ, приниженныхъ и оскорбленныхъ?

Нѣтъ, этого не будетъ. Въ тотъ день, когда старыя учрежденія начнутъ падать подъ ударами пролетаріевъ, — раздадутся голоса, требующія „хлѣба, убѣжища и довольства для всѣхъ!“

И эти голоса будутъ услышаны. Народъ скажетъ: „Удовлетворимъ прежде всего ту жажду жизни, радости и свободы, которой никогда мы еще не могли утолить! А когда мы испытаемъ это счастье, тогда мы примемся за дѣло: за уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ буржуазнаго общества, его нравственности, почерпнутой изъ бухгалтерскихъ книгъ, его философіи „прихода и расхода“, его учрежденій, устанавливающихъ различіе между „твоимъ и моимъ“. И „разрушая, мы будемъ создавать,“ какъ говорилъ Прудонъ, — будемъ создавать во имя коммунизма и анархизма.

Потребленіе и производство.

Исходя изъ понятія о свободной личности и переходя затѣмъ къ свободному обществу, — вмѣсто того, чтобы начинать съ государства, а затѣмъ спускаться къ личности, — разсматривая, слѣдовательно, общество и его политическую организацію съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ школы сторонниковъ государственной власти, мы и въ вопросахъ экономическихъ слѣдуемъ тому же методу. Мы изучаемъ потребности личности и средства, которыми она пользуется для ихъ удовлетворенія, а затѣмъ уже обсуждаемъ вопросы производства, обмѣна, налоговъ, правительства и т. п.

Съ перваго взгляда это различіе можетъ показаться неважнымъ; но въ дѣйствительности оно перевертываетъ всѣ понятія оффиціальной политической экономіи.

Откройте сочиненіе любого изъ экономистовъ. Вы увидите, что онъ начинаетъ съ *производства*: разбираетъ средства, употребляемыя въ настоящее время для созданія богатствъ: раздѣленіе труда, мануфактуры, роль машинъ, накопленіе капитала. Начиная съ Адама Смита и кончая Марксомъ, всѣ экономисты поступали именно такъ. Только во второй или третьей части своего труда начинаетъ экономистъ говорить о *потребленіи*, т. е. объ удовлетвореніи потребностей личности; да и то ограничивается онъ описаніемъ того, какъ распредѣля-

ются теперь богатства между всѣми тѣми, кто предъявляетъ на нихъ права.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что это вполнѣ логично, что прежде, чѣмъ удовлетворять потребности, нужно создать то, что требуется для этого удовлетворенія; что, прежде чѣмъ *потреблять*, нужно *произвести*. Но прежде чѣмъ произвести что бы то ни было, развѣ не нужно почувствовать *потребность* въ данномъ предметѣ? Что̀, какъ не необходимость, заставило прежде всего человѣка охотиться, выводить скотъ, обрабатывать землю, выдѣлывать орудія, а позднѣе — изобрѣтать и строить машины? И чѣмъ, какъ не изученіемъ потребностей должно было бы руководствоваться производство? Было бы, поэтому, по меньшей мѣрѣ одинаково логично начать именно съ того, что̀ побуждаетъ человѣка работать, а затѣмъ уже перейти къ разсмотрѣнію средствъ удовлетворенія потребностей посредствомъ производства.

Именно такъ мы и дѣлаемъ. Но оказывается, что какъ только мы посмотримъ на политическую экономію съ этой точки зрѣнія, она принимаетъ совершенно иной видъ. Изъ простого описанія фактовъ она превращается въ настоящую *науку*, стоящую наравнѣ съ физіологіей, — науку, которую можно опредѣлить какъ *изученіе потребностей человѣчества и средствъ удовлетворенія ихъ съ наименьшей безполезной потерей человѣческихъ силъ*. Ее слѣдовало бы назвать *физіологіей общества*. Она является параллелью физіологіи животныхъ и растеній, которая точно также разсматриваетъ потребности растенія или животнаго и наиболѣе выгодные способы ихъ удовлетворенія. Въ ряду общественныхъ наукъ экономія человѣческихъ обществъ занимаетъ такимъ образомъ мѣсто, на которомъ, въ ряду наукъ о жизни (біологическихъ), стоитъ физіологія живыхъ существъ.

Мы говоримъ: „Вотъ передъ нами люди, соеди-

нившіеся въ общество. Хижина дикаря перестала ихъ удовлетворять, и они требуютъ прочнаго и болѣе или менѣе удобнаго дома. И вотъ мы хотимъ знать, можетъ ли, при данномъ состояніи производительности человѣческаго труда, каждый изъ нихъ имѣть свой домъ? А, если нѣтъ, то что̀ именно мѣшаетъ этому?“

Но разъ мы поставимъ такой вопросъ, мы сейчасъ же увидимъ, что всякая европейская семья вполнѣ могла бы обладать удобнымъ небольшимъ домомъ, вродѣ тѣхъ, которые строятся для рабочихъ въ Англіи, въ Бельгіи или въ Пульмановскомъ поселеніи, или же соотвѣтственной квартирой. Извѣстнаго и сравнительно небольшого числа рабочихъ дней было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы построить для семьи въ семь или восемь человѣкъ хорошенькій домикъ, гдѣ было бы много воздуха и свѣта, удобно расположенный, здоровый и освѣщенный газомъ.

Между тѣмъ, девять-десятыхъ европейцевъ никогда не жили въ здоровомъ помѣщеніи, потому что всегда человѣкъ изъ народа работалъ изо дня въ день, и почти безъ перерыва, для удовлетворенія потребностей правящихъ классовъ; и никогда не имѣлъ онъ ни времени, ни денегъ, чтобы выстроить или заказать себѣ этотъ желанный домикъ. И до тѣхъ поръ, пока современныя условія не измѣнятся, у него никогда не будетъ дома, и всегда будетъ онъ жить въ какой-нибудь трущобѣ.

Мы принимаемъ, такимъ образомъ, методъ разсужденія, совершенно обратный тѣмъ экономистамъ, которые устанавливаютъ якобы вѣчные *законы* производства, затѣмъ подводятъ счетъ всѣмъ домамъ, которые *строятъ теперь* ежегодно, и доказываютъ посредствомъ статистическихъ данныхъ, что такъ какъ этихъ новыхъ домовъ не хватаетъ для удовлетворенія всѣхъ требованій, то $^9/_{10}$ европейскаго населенія *должны* жить въ трущобахъ.

Или же, возьмемъ вопросъ о пищѣ. Перечисливъ всѣ благодѣянія раздѣленія труда, экономисты приходятъ къ тому заключенію, что оно требуетъ, чтобы одни люди занимались земледѣліемъ, а другіе — фабричной промышленностью. Земледѣльцы производятъ столько-то, фабрики — столько-то, обмѣнъ происходитъ такъ-то; затѣмъ, они разсматриваютъ продажу, прибыль, чистый доходъ или прибавочную стоимость, заработную плату, налоги, банки и т. д.

Но изучивъ все это по ихъ книгамъ, мы все таки нисколько не подвинулись впередъ и если мы спросимъ у нихъ: „Какимъ же образомъ существуетъ столько семей, не имѣющихъ хлѣба, когда каждая семья могла бы производить достаточно хлѣба, чтобы накормить десять, двадцать, или даже сто человѣкъ въ годъ?“, то они, въ отвѣтъ, заговорятъ сызнова, какъ въ сказкѣ о бѣломъ бычкѣ, о раздѣленіи труда, заработной платѣ, прибавочной стоимости, капиталѣ и т. п., и придутъ къ тому заключенію, что произведенныхъ продуктовъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей — заключенію, которое, если бы даже оно было справедливо, все таки не даетъ никакого отвѣта на вопросъ: „Можетъ ли, или не можетъ человѣкъ произвести при помощи своего труда нужный для него хлѣбъ? А если не можетъ, то что ему мѣшаетъ въ этомъ?“

Вотъ передъ нами триста пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ. Ежегодно имъ требуется столько то хлѣба, столько то мяса, столько то вина, столько то молока, яицъ и масла. Имъ нужно столько то домовъ, столько то одежды. Это — минимумъ ихъ потребностей. Могутъ ли они произвести все это, или нѣтъ? И если да, — то останется ли у нихъ еще свободное время для того, чтобы пользоваться нѣкоторою роскошью, произведеніями искусства, наукой и развлеченіями, — однимъ

словомъ, для всего того, что не входитъ въ разрядъ существенно-необходимаго? Если отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ утвердительный, то что же, въ такомъ случаѣ, мѣшаетъ имъ? Какъ устранить существующія препятствія? Если, наконецъ, для того чтобы достигнуть такой производительности, нужно время, нужно преобразовать промышленность, завести лучшія машины и т. п., — прекрасно, дадимъ на это, сколько окажется нужнымъ времени; но, во всякомъ случаѣ, не будемъ же терять изъ виду *цѣли всякаго производства* — *удовлетвореніе потребностей.*

Если самыя существенныя потребности человѣка остаются неудовлетворенными вслѣдствіе малой производительности труда — то посмотримъ, что нужно сдѣлать, чтобы увеличить эту производительность? Но нѣтъ ли этому также и другихъ причинъ? Не происходитъ ли это, между прочимъ, оттого, что производство совершенно потеряло изъ виду *потребности* и приняло ложное направленіе? И если мы увидимъ, что именно въ этомъ лежитъ причина нашихъ недостачъ, то поищемъ же средства преобразовать производство такъ, чтобы оно на самомъ дѣлѣ удовлетворяло потребностямъ.

Такова — единственная вѣрная, по нашему мнѣнію, точка зрѣнія; она одна даетъ возможность политической экономіи дѣйствительно стать наукой — наукой общественной физіологіи — наукой *экономіи* общественныхъ силъ.

Разумѣется, когда этой наукѣ придется имѣть дѣло съ тѣми формами производства, которыя существуютъ въ настоящее время въ цивилизованныхъ націяхъ, или съ формами встрѣчающимися въ индусской общинѣ или у дикарей, то она будетъ излагать факты такъ же, какъ это дѣлаютъ современные экономисты. Это будетъ отдѣлъ *описательный*, подобный описательнымъ отдѣламъ зооло-

гіи или ботаники. Замѣтимъ однако, что если бы и эта часть науки разрабатывалась съ точки зрѣнія экономіи силъ въ удовлетвореніи потребностей, то и она много выиграла бы, и въ ясности и въ научной цѣнности. Она съ очевидностью показала бы, къ какой ужасающей тратѣ человѣческихъ силъ приводитъ современный порядокъ, и она доказала бы то, что мы утверждаемъ, — то есть, что пока этотъ убійственный порядокъ будетъ существовать, человѣческія потребности никогда не будутъ удовлетворены.

Точка зрѣнія на хозяйственныя явленія оказалась бы, такимъ образомъ, совершенно иной. За станкомъ, производящимъ столько то аршинъ миткаля, за машиною, пробивающею столько то стальныхъ досокъ, за сундукомъ, въ который стекаются такіе то барыши, мы увидали бы человѣка, — производителя, — по большей части исключеннаго изъ того пиршества, которое онъ подготовляетъ для другихъ. Мы поняли бы также, что такъ называемые законы цѣнности, обмѣна и т. п. суть ничто иное, какъ выраженіе — часто очень невѣрное, вслѣдствіе ошибочности самого исходнаго пункта — тѣхъ явленій, которыя происходятъ теперь, но которыя могли бы, и будутъ происходить совершенно иначе въ обществѣ, гдѣ производство будетъ организовано съ цѣлью удовлетворенія всѣхъ его нуждъ.

II

Нѣтъ ни одного принципа въ политической экономіи, который бы не принялъ совершенно другого вида, если стать на нашу точку зрѣнія.

Возьмемъ хотя бы перепроизводство. Вотъ слово, которымъ намъ уже прожужжали уши! Есть ли хоть одинъ экономистъ, хоть одинъ академикъ, или кандидатъ въ таковые, который бы не утвер-

ждалъ, что экономическіе кризисы происходятъ отъ перепроизводства, что въ извѣстный моментъ производится больше ситца, сукна или часовъ, чѣмъ требуется! При этомъ, капиталистовъ, упорно стремящихся производить свыше возможнаго потребленія, обыкновенно, обвиняютъ въ излишней „жадности".

Но все это, при ближайшемъ изученіи вопроса, оказывается совершеннымъ вздоромъ. Дѣйствительно, назовите хоть одинъ товаръ (изъ числа общеупотребляемыхъ), который бы производился въ количествѣ, превышающемъ потребность въ немъ. Переберите всѣ предметы, вывозимые странами, ведущими большую внѣшнюю торговлю, — и вы увидите, что почти всѣ эти товары производятся въ количествахъ, *недостаточныхъ*, даже для жителей той самой страны, которая ихъ вывозитъ.

Тотъ хлѣбъ, напримѣръ, который русскій крестьянинъ отсылаетъ въ Европу, вовсе не составляетъ излишка: даже самые лучшіе урожаи ржи и пшеницы въ Европейской Россіи *едва - едва* даютъ столько, сколько нужно для ея населенія. Вообще, когда крестьянинъ продаетъ свой хлѣбъ, чтобы уплатить налоги и выкупныя, или аренду за землю, онъ лишаетъ себя и дѣтей самаго необходимаго.

Точно также не излишекъ угля посылаетъ во всѣ страны свѣта Англія: ей остается для домашняго потребленія всего 47 пудовъ въ годъ на каждаго жителя, и милліоны англичанъ оказываются зимою лишенными огня, или зажигаютъ огонекъ лишь постолько, посколько это необходимо, чтобы сварить немного овощей. Въ сущности (если оставить въ сторонѣ нѣкоторые предметы роскоши) въ Англіи — этой странѣ наибольшаго вывоза — существуетъ одинъ только общеупотребляемый товаръ, производимый въ количествѣ, *можетъ быть*, превышающемъ потребности: это — бумажныя ткани. Но когда мы вспомнимъ, какія лохмотья

носитъ на себѣ *по крайней мѣрѣ* одна треть населенія Соединеннаго Королевства, то мы склонны думать, что по всей вѣроятности, все количество производимыхъ въ Англіи бумажныхъ тканей соотвѣтствовало бы, какъ разъ, дѣйствительнымъ потребностямъ населенія. Излишекъ оказался бы самый ничтожный, если бы всѣ стали носить *нужное* бѣлье и одежду.

Вообще „вывозъ" обыкновенно представляетъ изъ себя вовсе не „излишекъ" — даже если въ началѣ вывозная торговля и имѣла дѣйствительно это происхожденіе. Басня о босомъ сапожникѣ и оборванномъ портномъ такъ же справедлива по отношенію къ народамъ, какъ была когда-то справедлива по отношенію къ ремесленнику. Вывозятъ вообще *необходимое*, нужное самой странѣ, и происходитъ это отъ того, что рабочіе не могутъ купить на свою заработную плату того, что они произвели, разъ имъ приходится, покупая товаръ, платить и ренту и прибыль, и проценты капиталисту и банкиру.*)

Неудовлетворенной остается не только все растущая потребность благосостоянія, но очень часто и потребность въ самомъ необходимомъ. А поэтому, и перепроизводства (по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ) не существуетъ: оно есть не что иное, какъ изобрѣтеніе теоретиковъ политической экономіи.

Экономисты единогласно увѣряютъ насъ, что изъ всѣхъ экономическихъ „законовъ" наиболѣе твердо установленный, это — тотъ, что „человѣкъ про-

*) Съ тѣхъ поръ какъ это было написано, Соединенные Штаты стали дѣйствительно производить излишекъ пшеницы и особенно маиса. Но за то, цѣлой массы другихъ продуктовъ земледѣлія еще производится недостаточно. Хлѣбъ въ Соединенныхъ Штатахъ и нѣсколько милліоновъ аршинъ миткаля въ Англіи — вотъ все, чего производится излишекъ, свыше мѣстныхъ потребностей.

изводитъ больше, чѣмъ потребляетъ", т. е., что послѣ того, какъ онъ потратитъ на свою жизнь продукты своего труда, у него остается еще нѣкоторый излишекъ. Одна семья земледѣльцевъ, напримѣръ, производитъ достаточно, чтобы прокормить нѣсколько семей.

Эта часто повторяемая фраза кажется намъ тоже лишенной всякаго смысла. Если бы она означала, что каждое поколѣніе оставляетъ что-нибудь послѣдующимъ поколѣніямъ, то она была бы справедлива. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ сажаетъ дерево, которое проживетъ тридцать, сорокъ или сто лѣтъ и съ котораго его внуки все еще будутъ рвать плоды. Если онъ расчистилъ клочекъ нови, онъ увеличилъ этимъ наслѣдство грядущихъ поколѣній. Дорога, мостъ, каналъ, домъ и находящаяся въ немъ мебель, все это — богатства, завѣщанныя слѣдующимъ поколѣніямъ.

Но рѣчь идетъ не объ этомъ. Намъ говорятъ, что крестьянинъ производитъ больше хлѣба, чѣмъ потребляетъ. Вѣрнѣе было бы сказать, что такъ какъ государство всегда брало съ него значительную долю его жатвы въ видѣ налоговъ, духовенство — въ видѣ десятины, а баринъ — въ видѣ оброка или арендной платы, то создался цѣлый классъ людей, которые въ былыя времена потребляли то, что производили (за исключеніемъ того что̀ оставлялось ими въ запасъ, или того что̀ они дѣлали въ прокъ, для своихъ же дѣтей и внуковъ), но которые теперь принуждены кормиться съ грѣхомъ пополамъ и не доѣдать, потому что львиную долю того, что они выращиваютъ, берутъ у нихъ государство, землевладѣлецъ, священникъ и ростовщикъ.

Мы предпочитаемъ поэтому сказать, что *крестьянинъ потребляетъ меньше, чѣмъ производитъ*, потому что его заставляютъ продавать все что у него есть лучшаго, а себѣ оставлять ровно столько,

сколько крайне необходимо на скудное пропитаніе. И всякій пойметъ, что такъ сказать несравненно вѣрнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнѣе, потому что заставляетъ задуматься надъ причиною крестьянской нищеты.

Замѣтимъ также, что если принять за исходную точку *потребности* людей, то неизбѣжно должны придти къ коммунизму, т. е. къ тому общественному устройству, которое наиболѣе полнымъ и наиболѣе экономнымъ образомъ обезпечиваетъ удовлетвореніе этихъ потребностей. Напротивъ того, если исходить изъ современнаго производства, имѣть въ виду только прибыль и прибавочную стоимость, оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько производство даетъ удовлетворенія потребностямъ, экономистъ неизбѣжно приходитъ къ капитализму, или, самое бо̀льшее, къ коллективизму, — во всякомъ случаѣ, къ той или другой формѣ наемнаго труда.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на потребности личности и общества, и на тѣ средства, которыми человѣкъ пользовался на различныхъ ступеняхъ своего развитія для ихъ удовлетворенія, то мы убѣдимся въ необходимости согласовать единичныя усилія людей и направлять ихъ къ общей цѣли — удовлетворенію нуждъ *всѣхъ* членовъ общества, — а не предоставлять удовлетвореніе этихъ нуждъ всѣмъ случайностямъ разрозненнаго производства, какъ это происходитъ теперь. Мы поймемъ, что присвоеніе небольшимъ меньшинствомъ всѣхъ богатствъ, которыя остались непотребленными въ одномъ поколѣніи, и должны были бы перейти къ слѣдующему поколѣнію, отнюдь не соотвѣтствуетъ интересамъ общества. Потребности трехъ-четвертей общества остаются въ такомъ случаѣ неудовлетворенными, а безполезная трата человѣческихъ силъ становится еще болѣе безсмысленной и еще болѣе жестокой.

Мы поймемъ, наконецъ, что самое выгодное упо-

требленіе продуктовъ, это — удовлетвореніе, прежде всего, *наиболѣе настоятельныхъ потребностей*, и что цѣнность предмета, по отношенію къ его полезности зависитъ не отъ простого каприза, какъ часто говорятъ экономисты, а отъ той степени, въ которой онъ нуженъ для удовлетворенія дѣйствительныхъ и наиболѣе настоятельныхъ нуждъ.

Коммунизмъ — т. е. общественный взглядъ на потребленіе, производство и обмѣнъ — и общественный строй, соотвѣтстующій этому взгляду — является, такимъ образомъ, прямымъ выводомъ изъ такого способа пониманія вещей — единственнаго, по нашему мнѣнію, дѣйствительно научнаго пониманія жизни обществъ.

Общество, которое удовлетворитъ потребности всѣхъ и съумѣетъ устроить ради этого свое производство, должно будетъ, кромѣ того, покончить и съ нѣкоторыми предразсудками, установившимися относительно промышленности, и прежде всего — съ прославленной экономистами *теоріей раздѣленія труда*, которою мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

Раздѣленіе труда.

Политическая экономія всегда ограничивалась тѣмъ, что перечисляла факты, происходящіе въ обществѣ, а затѣмъ истолковывала ихъ въ интересахъ господствующихъ классовъ. Точно такъ же поступила она и съ раздѣленіемъ труда въ промышленности: она нашла его выгоднымъ для капиталистовъ и потому возвела его въ принципъ, въ законъ.

Посмотрите на этого деревенскаго кузнеца, говорилъ Адамъ Смитъ — основатель современной политической экономіи. Если онъ не привыкъ дѣлать гвозди, то онъ съ трудомъ сдѣлаетъ ихъ двѣсти или триста въ день, и то они будутъ плохіе. Но если тотъ же кузнецъ будетъ дѣлать всю свою жизнь одни только гвозди, то онъ легко сможетъ произвести ихъ до двухъ тысячъ трехсотъ въ теченіе одного дня. И Смитъ спѣшилъ вывести изъ этого заключеніе, что надо подраздѣлять трудъ и все специализировать и специализировать. Въ концѣ концовъ у насъ будутъ кузнецы, не умѣющіе дѣлать ничего кромѣ шляпки или острія гвоздя, и мы такимъ образомъ произведемъ гораздо больше и обогатимся.

Что же касается того, — не потеряетъ ли кузнецъ, осужденный всю свою жизнь дѣлать только шляпки гвоздей, всякій интересъ къ работѣ? не окажется ли онъ, зная только одну эту частицу своего ремесла, цѣликомъ во власти хозяина? не

придется ли ему сидѣть безъ работы по четыре мѣсяца въ году? не падетъ ли его заработная плата, когда окажется, что его легко можно замѣнить мальчикомъ-ученикомъ, — объ этомъ Адамъ Смитъ не думалъ, когда восклицалъ: „Да здравствуетъ раздѣленіе труда! Вотъ гдѣ золотая розсыпь, обогащающая націю!“ И всѣ стали восклицать вслѣдъ за нимъ то же самое.

Даже впослѣдствіи, когда Сисмонди и Ж. Б. Сэй стали замѣчать, что, вмѣсто того, чтобы обогащать націю, раздѣленіе труда обогащаетъ только богатыхъ, а рабочій, вынужденный всю свою жизнь выдѣлывать какую-нибудь восемнадцатую долю булавки, тупѣетъ и доходитъ до нищеты, даже тогда, предложили ли оффиціальные политико-экономы какія-нибудь мѣры противъ этихъ послѣдствій раздѣленія труда? Никакихъ. Имъ и не приходило въ голову, что, занимаясь всю жизнь одною и тою же машинальною работою, рабочій потеряетъ умъ и изобрѣтательность, и что производительность націи падетъ вслѣдствіе этого, тогда какъ разнообразіе занятій, наоборотъ, сильно увеличило бы производительность даннаго народа и развило бы изобрѣтательность. И вотъ теперь, передъ нами возстаетъ именно этотъ вопросъ.

Если бы, впрочемъ, раздѣленіе труда — постоянное раздѣленіе, на всю жизнь, а иногда и передающееся даже по наслѣдству отъ отца къ сыну — проповѣдывали одни только экономисты, то мы бы предоставили имъ говорить что хотятъ. Но дѣло въ томъ, что идеи этихъ ученыхъ мужей проникаютъ въ умы публики и извращаютъ ихъ. Слыша постоянно о раздѣленіи труда, о процентѣ, о рентѣ, о кредитѣ и т. п., какъ о давно рѣшенныхъ вопросахъ, всѣ — въ томъ числѣ и сами рабочіе — начинаютъ разсуждать такъ же, какъ и экономисты, и преклоняться передъ тѣми же идолами.

Мы видимъ, напримѣръ, что многіе соціалисты,

даже тѣ, которые не побоялись напасть на заблужденія буржуазной науки, относятся съ уваженіемъ къ принципу раздѣленія труда. Если вы заговорите съ ними о томъ, какъ бы слѣдовало обществу организоваться во время Революціи, они скажутъ вамъ, что раздѣленіе труда нужно конечно сохранить; что если вы дѣлали булавочныя головки до Революціи, то вы будете дѣлать тѣ же головки и послѣ. Правда, вы будете заниматься этимъ всего пять часовъ въ день, но все таки всю свою жизнь вы будете дѣлать однѣ только булавочныя головки; другіе будутъ изобрѣтать машины или проэкты машинъ, которые дадутъ вамъ возможность удесятерить ваше производство булавочныхъ головокъ; третьи, наконецъ, спеціализируются въ высокихъ сферахъ литературнаго, научнаго и художественнаго труда. Вы же родились выдѣлывателемъ булавочныхъ головокъ, — все равно какъ Пастеръ родился прививателемъ бѣшенства, и Революція оставитъ обоихъ васъ на вашихъ теперешнихъ мѣстахъ: его — въ лабораторіи, васъ — за выдѣлкой булавочныхъ головокъ.

Вотъ этотъ-то именно ужасный принципъ, безконечно вредный для общества и притупляющій для личности, — этотъ источникъ цѣлаго ряда золъ, мы и хотимъ разобрать теперь въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ.

Послѣдствія раздѣленія труда извѣстны. Въ современномъ обществѣ мы раздѣлены на два класса: съ одной стороны — производители, которые потребляютъ очень мало и избавлены отъ труда думать, потому что имъ нужно работать, и въ то же время работаютъ плохо, потому что ихъ мозгъ бездѣйствуетъ; съ другой стороны — потребители, которые производятъ мало, или не производятъ вовсе ничего, но пользуются привиллегіей думать за другихъ, и думаютъ; но думаютъ плохо, потому что существуетъ цѣлый міръ — міръ работниковъ

физическаго труда, — который остается имъ неизвѣстнымъ. Работники земледѣльческаго труда не имѣютъ никакого понятія о машинѣ, а тѣ, которые работаютъ у машинъ, не знаютъ ничего о работахъ полевыхъ. Идеалъ современной промышленности, это — ребенокъ, смотрящій за машиной, въ которой онъ ничего не понимаетъ и не долженъ понимать; рядомъ съ нимъ — надсмотрщикъ, налагающій на него штрафы, если его вниманіе хоть на минуту ослабѣетъ, а надъ ними обоими — инженеръ, который выдумываетъ машину, за которой человѣку останется только подкладывать, подталкивать и смазывать. Земледѣльческаго рабочаго стремятся даже совсѣмъ уничтожить: идеалъ современнаго сельскаго хозяйства, это — работникъ, нанятый на три мѣсяца и управляющій паровымъ плугомъ или молотилкой, и отпускаемый, какъ только онъ вспахалъ или обмолотилъ. Раздѣленіе труда, это значитъ, что на человѣка наклеивается на всю жизнь извѣстный ярлыкъ, который дѣлаетъ изъ него завязчика узелковъ на фабрикѣ, подталкивателя тачки въ такомъ то мѣстѣ штольни, но не имѣющаго ни малѣйшаго понятія ни о машинѣ въ ея цѣломъ, ни о данной отрасли промышленности, ни о добычѣ угля — человѣка, который вслѣдствіе этого теряетъ ту самую охоту къ труду и ту самую изобрѣтательность, которыя создали въ началѣ развитія современной промышленности всѣ машины, которыми мы такъ гордимся.

То же раздѣленіе труда, которое установили между людьми, хотѣли установить и между народами. Человѣчество полагалось раздѣлить, такъ сказать, на національныя фабрики, имѣющія каждая свою особую спеціальность. Россія, говорили намъ, предназначена природой выращивать хлѣбъ; Англія — выдѣлывать бумажныя ткани; Бельгія — производить сукна, а Швейцарія — поставлять

нянекъ. Затѣмъ, внутри каждой націи должна произойти новая спеціализація: Ліонъ будетъ производить шелкъ, Овернь — кружева, Парижъ различныя мелкія вещи; Вознесенскъ будетъ дѣлать миткали, Харьковъ — сукна, а Петербургъ — чиновниковъ. Если вѣрить экономистамъ, то такое „раздѣленіе труда" должно было открыть человѣчеству безграничное поле, какъ для производства, такъ и для потребленія — цѣлую новую эру труда и громаднѣйшаго богатства для всѣхъ.

Но всѣ эти обширныя надежды рушатся нынѣ, по мѣрѣ того какъ техническія знанія начинаютъ распространяться повсемѣстно. Пока Англія одна производила бумажныя ткани и обрабатывала въ большихъ размѣрахъ металлы, а Парижъ одинъ производилъ артистическія мелочи и модныя вещи — все шло хорошо, и о благодѣяніяхъ того, что называли раздѣленіемъ труда, можно было говорить, не боясь опроверженія.

Но вотъ начинаетъ нарождаться новое теченіе, подъ вліяніемъ котораго всѣ образованныя націи пытаются завести, каждая у себя, всевозможныя отрасли промышленности, такъ какъ онѣ находятъ, что имъ выгоднѣе производить самимъ то, что онѣ раньше покупали по очень дорогой цѣнѣ отъ другихъ, платя имъ дань за свое невѣжество; даже колоніи, какъ Индія, Канада, Австралія, стремятся освободиться отъ своихъ метрополій. Наука распространяетъ повсюду технику всѣхъ производствъ, и люди замѣчаютъ, что имъ совсѣмъ не зачѣмъ платить непомѣрно высокія цѣны за англійское желѣзо, за французскій шелкъ, когда они сами могутъ производить у себя — въ Германіи, въ Россіи, въ Австріи, въ Соединенныхъ Штатахъ то же желѣзо и тѣ же шелка.

Создать у себя промышленность обрабатывающую, во всевозможныхъ ея отрасляхъ, становится стремленіемъ рѣшительно всѣхъ народовъ. И является

вопросъ: если раздѣленіе труда между различными народами, которое еще недавно выставлялось намъ экономическою необходимостью — закономъ — исчезаетъ, то не такъ же ли ложенъ былъ законъ о необходимости раздѣленія труда, спеціализаціи, между отдѣльными личностями.*)

---

*) Подробнѣе этотъ вопросъ разобранъ въ книгѣ, Fields, Factories and Workshops, 1-ое изданіе въ 1900 году, слѣдующія въ 1901-мъ году.

Децентрализація промышленности.

Къ концу наполеоновскихъ войнъ Англіи почти вполнѣ удалось раззорить крупную промышленность, народившуюся во Франціи въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Она стала владычицей морей и не имѣла серьезныхъ конкуррентовъ. Воспользовавшись этимъ, чтобы монополизировать обрабатывающую промышленность и заставляя своихъ сосѣдей покупать по какой ей угодно было цѣнѣ товары, производившіеся ею одною, она стала накоплять богатства за богатствами и съумѣла извлечь изъ этого привиллегированнаго положенія и связанныхъ съ нимъ преимуществъ большую выгоду.

Но когда буржуазная революція прошлаго вѣка уничтожила крѣпостное право и создала во Франціи пролетаріатъ, крупная промышленность, временно пріостановленная въ своемъ ростѣ, начала развиваться съ новой силой и уже со второй половины девятнадцатаго вѣка Франція перестала зависѣть отъ Англіи въ отношеніи продуктовъ фабричнаго производства. Въ настоящее время она въ свою очередь сама ведетъ вывозную торговлю, продавая за границу больше чѣмъ на полтора милліарда товаровъ, изъ которыхъ двѣ трети состоятъ изъ матерій. Число французовъ, работающихъ на вывозъ или живущихъ внѣшнею торговлею, опредѣляется приблизительно въ три милліона.

Такимъ образомъ, Франція перестала быть зави-

си́мой отъ Англіи и въ свою очередь начала стремиться монополизировать нѣкоторыя отрасли внѣшней торговли, какъ напр. торговлю шелковыми матеріями и готовымъ платьемъ. Она получила отъ этого огромную выгоду, но въ настоящее время ей уже грозитъ опасность утратить навсегда эту монополію, подобно тому какъ Англія теряетъ монополію производства бумажныхъ тканей и даже бумажной пряжи.

Въ своемъ движеніи по направленію къ востоку, промышленность остановилась затѣмъ на Германіи. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Германія получала бо̀льшую часть продуктовъ крупной промышленности изъ Англіи и изъ Франціи. Теперь дѣло стоитъ совершенно иначе: въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, особенно же со времени войны, Германія совершенно преобразовала свою промышленность. Фабрики ея снабжены самыми лучшими машинами и даютъ самыя новыя произведенія промышленнаго искусства — манчестерскія бумажныя ткани и ліонскіе шелка. Тогда какъ для изобрѣтенія и усовершенствованія какой-нибудь современной машины, въ Ліонѣ или въ Манчестерѣ потребовалось два или три поколѣнія рабочихъ, Германія беретъ эту машину уже готовою. Техническія школы, приспособленныя къ потребностямъ промышленности, доставляютъ для ея фабрикъ цѣлую армію знающихъ рабочихъ, инженеровъ практиковъ, умѣющихъ работать какъ руками, такъ и теоретически. Нѣмецкая промышленность начинаетъ свое развитіе съ той точки, до которой Манчестеръ и Ліонъ дошли лишь послѣ пятидесятилѣтнихъ усилій, опытовъ и исканій, а потому быстро развивается.

Въ результатѣ, имѣя возможность производить то же самое у себя дома, Германія съ каждымъ годомъ уменьшаетъ свой ввозъ товаровъ изъ Франціи и Англіи. Она уже соперничаетъ съ ними въ вывозѣ въ Азію и Африку и даже болѣе того: на

самомъ парижскомъ и лондонскомъ рынкахъ. Близорукіе люди могутъ, конечно, возмущаться франкфуртскимъ договоромъ (между Франціею и Германіею), могутъ объяснять нѣмецкую конкурренцію маленькой разницей въ желѣзнодорожныхъ тарифахъ, или тѣмъ, что нѣмецъ работаетъ „за-даромъ“ — т. е. останавливаться на второстепенныхъ сторонахъ вопроса; но при этомъ они упускаютъ изъ виду великіе историческіе факты. Несомнѣннымъ остается то, что крупная промышленность, составлявшая когда-то привиллегію Англіи и Франціи, подвинулась по направленію къ востоку. Въ Германіи она встрѣтила молодой и полный силъ народъ и буржуазію, умную и жаждущую обогатиться въ свою очередь путемъ внѣшней торговли.

Въ то время, какъ Германія освобождалась отъ французской и англійской опеки и начинала сама выдѣлывать и бумажныя и другія ткани, и машины — однимъ словомъ, всѣ продукты фабричнаго производства — крупная промышленность пускала корни также и въ Россіи, гдѣ мы видимъ развитіе фабрикъ тѣмъ болѣе быстрое, что оно началось очень недавно.

Въ 1861 году, въ моментъ уничтоженія крѣпостного права, промышленности въ Россіи почти не существовало. Всѣ нужныя машины, рельсы, локомотивы, дорогія матеріи — все это получалось съ Запада. Двадцать лѣтъ спустя, въ ней было уже больше 85.000 фабрикъ и общая стоимость товаровъ, выходившихъ изъ этихъ фабрикъ, возросла въ четыре раза. Старыя машины цѣликомъ замѣнились новыми. Почти вся сталь, три четверти желѣза, двѣ трети угля, потребляемыхъ теперь, всѣ локомотивы, всѣ вагоны, всѣ рельсы, почти всѣ пароходы изготовляются уже въ самой Россіи.

Изъ страны, предназначенной, по словамъ экономистовъ, всегда оставаться земледѣльческою, Россія превратилась въ промышленную. Она уже

весьма мало фабрикатовъ получаетъ изъ Англіи и очень немного изъ Германіи.

Экономисты объясняютъ эти факты покровительственными пошлинами; между тѣмъ продукты фабричнаго производства продаются въ Россіи почти по тѣмъ же цѣнамъ, что и въ Лондонѣ. Капиталъ не имѣетъ родины: нѣмецкіе и англійскіе капиталисты отлично привозятъ своихъ инженеровъ и надсмотрщиковъ за работами и устраиваютъ въ Россіи и въ Польшѣ фабрики, нисколько не уступающія по качеству своихъ продуктовъ, лучшимъ фабрикамъ Англіи. Если завтра ввозныя пошлины будутъ уничтожены, фабрики отъ этого не погибнутъ, а только выиграютъ. Въ настоящую минуту англійскіе инженеры сами наносятъ послѣдній ударъ ввозу сукна и шерсти съ Запада: они устраиваютъ на югѣ Россіи громадныя шерстяныя фабрики, снабженныя самыми усовершенствованными брадфордскими машинами, и черезъ десять лѣтъ Россія будетъ ввозить лишь очень небольшое количество англійскихъ суконъ и французскихъ шерстяныхъ тканей, и то только въ качествѣ образчиковъ.

Крупная промышленность распространяется не только на востокъ, но и на югъ. Туринская выставка 1884 года показала намъ, какіе успѣхи сдѣлала итальянская промышленность, и ненависть между французской и итальянской буржуазіей имѣетъ единственнымъ источникомъ промышленное соперничество между ними. Италія освобождается отъ французской опеки и конкуррируетъ съ французскими купцами въ бассейнѣ Средиземнаго моря и на востокѣ. И вотъ почему, рано или поздно, на границѣ между Франціей и Италіей произойдетъ кровопролитіе, — если только трата этой драгоцѣнной крови не будетъ предотвращена Революціей.

Мы могли бы указать также на быстрые успѣхи

Испаніи въ развитіи крупной промышленности. Но возьмемъ лучше Бразилію. Политико-экономы осудили ее на то, чтобы вѣчно выращивать хлопокъ, вывозить его въ сыромъ видѣ, а затѣмъ получать изъ Европы бумажныя ткани, и дѣйствительно тридцать лѣтъ тому назадъ въ Бразиліи было всего девять несчастныхъ маленькихъ бумагопрядильныхъ фабрикъ, съ 385 веретенами. Въ 1890-мъ году ихъ уже было сорокъ шесть; въ пяти изъ нихъ имѣлось 40.000 веретенъ и онѣ выносили на рынокъ тридцать милліоновъ метровъ бумажной ткани въ годъ. За послѣдніе годы успѣхи были еще быстрѣе.

Даже въ Мексикѣ начали выдѣлывать бумажныя ткани у себя, вмѣсто того, чтобы привозить ихъ изъ Европы, и въ 1894 году англійскій консулъ доносилъ, что въ Оризабѣ выдѣлываютъ ситцы, которымъ едва ли есть равные среди привозныхъ. Что касается Соединенныхъ Штатовъ, то они уже освободились отъ европейской опеки. Крупная промышленность торжествуетъ тамъ вполнѣ. Они уже ищутъ рынковъ.

Но страна, которая ярче всѣхъ опровергаетъ теорію сторонниковъ спеціализаціи національныхъ промышленностей, это — Индія. Мы знаемъ, что̀ намъ всегда говорятъ въ учебникахъ: „Крупнымъ европейскимъ націямъ нужны колоніи. Эти колоніи будутъ посылать въ метрополіи сырые продукты: хлопокъ, шерсть, пряности и т. д. За то метрополія будетъ посылать имъ продукты своихъ фабрикъ: матеріи, (дрянныя, не находящія сбыта дома) старое желѣзо, въ видѣ отсталыхъ уже машинъ — однимъ словомъ все то, что ей самой не нужно, что̀ ей сто̀итъ мало, но въ колоніи можетъ быть продано по высокой цѣнѣ.

Такова была теорія и такова же была, въ теченіе долгаго времени, практика. Въ Лондонѣ и Манчестерѣ наживались громаднѣйшія состоянія, а

Индія раззорялась. Пройдите только по Индійскому Музею въ Лондонѣ и вы увидите, какія неслыханныя, невѣроятныя богатства накопляли въ Калькуттѣ и Бомбэѣ англійскіе торговцы.

Но вотъ другимъ, также англійскимъ, торговцамъ и капиталистамъ, пришла въ голову совершенно естественная мысль, что гораздо выгоднѣе эксплуатировать жителей Индіи непосредственно и выдѣлывать бумажныя ткани въ самой Индіи, вмѣсто того, чтобы ввозить ихъ на двѣсти съ лишкомъ милліоновъ рублей въ годъ изъ Англіи.

Вначалѣ имъ пришлось потерпѣть рядъ неудачъ. Индійскіе ткачи, артисты своего ремесла, не могли примириться съ фабричными порядками. Машины, присланныя изъ Ливерпуля, оказались негоднымъ старьемъ; кромѣ того нужно было принять во вниманіе условія климата, приспособиться къ новымъ условіямъ. Въ настоящее время все это уже пережито, и Англійская Индія становится все болѣе лѣе и болѣе опасной соперницей для мануфактуръ метрополіи. Въ ней существовало въ 1895-мъ году 147 большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, на которыхъ работало около 146.000 рабочихъ. Каждый годъ, Индія вывозитъ въ Китай, въ Голландскую Индію и въ Африку больше чѣмъ на 50 милліоновъ рублей той самой бѣлой бумажной матеріи, которую считали прежде спеціальностью Англіи, а въ 1897 году бумажныхъ тканей уже вывезено было изъ Индіи на 140 милліоновъ рублей. И въ то время, какъ англійскіе рабочіе сидятъ безъ работы, индусскія женщины, получающія по 24 копѣйки въ день, выдѣлываютъ на машинѣ тѣ бумажныя ткани, которыми нынѣ начинаютъ наводнять портовые города Крайняго Востока. Джутовое же дѣло развивается еще быстрѣе.

Однимъ словомъ, недалекъ день, — и умные фабриканты отлично это знаютъ (ради этого и

Африку рѣшили завоевать), когда въ Англіи не будутъ знать, куда дѣвать тѣ „рабочія руки", которыя раньше занимались тканьемъ бумажныхъ матерій на вывозъ. Мало того: есть очень серьезныя основанія думать, что черезъ двадцать лѣтъ Индія не будетъ покупать у Англіи ни одной тонны желѣза. Первыя препятствія, которыя встрѣчала эксплуатація угля и желѣза въ Индіи, уже успѣли преодолѣть и на берегахъ Индійскаго океана уже возвышаются заводы, соперничающіе съ англійскими.

Колоніи, конкуррирующія съ метрополіями продуктами своихъ фабрикъ — вотъ поразительное явленіе экономической жизни девятнадцатаго вѣка.

И почему бы имъ и не конкуррировать? Чего имъ не хватаетъ? Капитала? Но капиталъ пойдетъ всюду, гдѣ только есть несчастные, которыхъ можно эксплуатировать. Знаній? Но знаніе не признаетъ національныхъ границъ. Техническихъ знаній у рабочихъ? Но чѣмъ индусскій рабочій хуже тѣхъ 92.000 мальчиковъ и дѣвочекъ моложе пятнадцати лѣтъ, которые заняты теперь въ Англіи въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ?

II

Мы бросили бѣглый взглядъ на промышленность отдѣльныхъ странъ; теперь было бы интересно сдѣлать такой же обзоръ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей промышленности.

Возьмемъ, напримѣръ, шелкъ, который въ первой половинѣ этого вѣка былъ чисто-французскимъ продуктомъ. Извѣстно, что Ліонъ сталъ одно время центромъ обработки шелка, который сначала собирали въ долинѣ Роны, а затѣмъ стали покупать въ Италіи, Испаніи, Австріи, на Кавказѣ и въ Японіи. На десять милліоновъ фунтовъ шелка-сырца, превращеннаго въ 1875 году въ матерію въ Ліонѣ и

окрестностяхъ, французскаго шелка приходилось всего 800.000 фунтовъ.

Но разъ Ліонъ сталъ обрабатывать ввозный шелкъ, то почему было не дѣлать того же самаго Швейцаріи, Германіи, Россіи? Мало по малу тканье шелковыхъ матерій развилось въ деревняхъ цюрихскаго кантона. Базель сдѣлался крупнымъ центромъ шелковаго производства. Кавказская администрація обратилась къ марсельскимъ работницамъ и ліонскимъ рабочимъ съ приглашеніемъ пріѣхать на Кавказъ обучать грузинъ усовершенствованнымъ пріемамъ разведенія шелковичнаго червя, а кавказскихъ крестьянъ — искусству превращать шелкъ въ матеріи. Этому же примѣру послѣдовала и Австрія. Германія устроила, при содѣйствіи самихъ же ліонскихъ рабочихъ, огромныя шелковыя фабрики. Соединенные Штаты сдѣлали то же самое въ Патерсонѣ...

И вотъ теперь шелковое производство уже перестало быть спеціальностью Франціи. Шелковыя матеріи выдѣлываются и въ Германіи, и въ Австріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ, и въ Англіи, и въ Россіи. Кавказскіе крестьяне ткутъ по зимамъ фуляры за такую плату, при которой ліонскому ткачу пришлось бы умирать съ голоду. Италія посылаетъ свои шелка во Францію, а Ліонъ, вывозившій въ періодъ времени за 1870 - 74 года на 150 милліоновъ рублей шелка, теперь вывозитъ его всего на 75 милліоновъ. Скоро онъ будетъ посылать за границу исключительно матеріи высшихъ сортовъ, или же какія-нибудь новыя ткани, которыя могутъ послужить образцомъ для нѣмцевъ, русскихъ и японцевъ.

То же самое происходитъ и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Бельгія вполнѣ утратила уже монополію выдѣлки суконъ, которыя производятся теперь и въ Германіи, и въ Россіи, и въ Австріи, и въ Соединенныхъ Штатахъ. Швейцарія и фран-

цузская Юра потеряли монополію производства часовъ: часы теперь дѣлаютъ повсюду. Шотландія уже не рафинируетъ сахара для Россіи, а русскій сахаръ ввозится въ Англію; Италія, несмотря на то, что у нея нѣтъ ни желѣза, ни угля, сама строитъ свои броненосцы и паровыя машины для своихъ пароходовъ; производство химическихъ веществъ перестало быть монополіей Англіи: сѣрную кислоту и соду приготовляютъ повсюду. На парижской выставкѣ 1889 года обращали на себя особое вниманіе всевозможныя машины, построенныя въ окрестностяхъ Цюриха, и оказалось, что Швейцарія, удаленная отъ морей, не имѣющая ни угля, ни желѣза — ничего, кромѣ прекрасныхъ техническихъ школъ — производитъ теперь машины лучше и дешевле, чѣмъ Англія. Вотъ какъ сошла на-нѣтъ старая теорія спеціализаціи націй для обмѣна.

Такимъ образомъ въ промышленности, какъ и во всемъ остальномъ, наблюдается то же стремленіе, т. е. стремленіе къ децентрализаціи.

Каждая нація находитъ болѣе выгоднымъ соединить у себя земледѣліе съ возможно болѣе разнообразными фабриками и заводами. Та спеціализація, о которой намъ говорили политико-экономы, годилась, можетъ быть, для обогащенія нѣсколькихъ капиталистовъ, но она совершенно безполезна вообще: гораздо выгоднѣе, наоборотъ, чтобы каждая страна, каждая географическая область могла воздѣлывать у себя нужные ей хлѣбъ и овощи и производить сама бо̀льшую часть предметовъ, которые она потребляетъ. Это разнообразіе — лучшій залогъ развитія промышленности, посредствомъ взаимодѣйствія различныхъ ея отраслей, развитія и распространенія техническихъ знаній, и вообще движенія впередъ; тогда какъ спеціализація, это, наоборотъ, — остановка всякаго прогресса.

Земледѣліе можетъ процвѣтать *только* рядомъ

съ промышленностью. А какъ только гдѣ-нибудь появится хоть одинъ заводъ, вокругъ него обязательно *должно* вырости множество другихъ заводовъ, которые поддерживаютъ и поощряютъ другъ друга своими изобрѣтеніями и развиваются параллельно.

III

Въ самомъ дѣлѣ, вывозить хлѣбъ — и ввозить муку, вывозить шерсть — и ввозить сукна, вывозить желѣзо — и ввозить машины — безсмысленно не только потому, что съ перевозкой связаны ненужные расходы, но еще въ особенности потому, что страна, въ которой отсутствуетъ промышленность, неизбѣжно окажется отсталой и въ земледѣліи. Страна, въ которой нѣтъ большихъ заводовъ для обработки стали, останется позади и во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности; и, наконецъ, потому, что такимъ образомъ значительное число промышленныхъ и техническихъ способностей, существующихъ среди народа, остается безъ употребленія.

Въ мірѣ производства все, въ настоящее время, начинаетъ связываться одно съ другимъ. Обработка земли стала невозможной безъ машинъ, безъ сильной поливки, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ искусственнаго удобренія. А для того, чтобы имѣть приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ машины, желѣзныя дороги, снаряды для поливки, фабрики удобренія и т. п., требуется извѣстная изобрѣтательность, извѣстное техническое умѣніе, которыя даже не могутъ проявиться, пока единственными земледѣльческими орудіями остаются заступъ и соха.

Для того, чтобы поле могло быть хорошо обработано, для того, чтобы оно давало тѣ роскошные урожаи, которыхъ человѣкъ вправѣ отъ него требовать, вблизи его должны находиться фабрики и заводы — много фабрикъ и заводовъ, точно также

какъ рядомъ съ фабриками и заводами должно жить зажиточное крестьянское населеніе, которое потребляло бы фабричные продукты. Иначе страна должна захирѣть, какъ хирѣетъ теперь Англія, вынужденная пускаться въ очень дорого стоющія завоеванія, чтобы сбывать свои товары, и отставать отъ другихъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ главный ея доходъ сталъ теперь — отрѣзаніе купоновъ у акцій и банковое дѣло, т. е. ростовщичество.

Не въ спеціализаціи, а въ разнообразіи занятій, въ разнообразіи способностей, соединяющихся ради одной общей цѣли — лежитъ главная сила экономическаго прогресса.

Представимъ себѣ теперь территорію — крупную или мелкую, дѣлающую первые шаги на пути къ Соціальной Революціи.

„Никакого измѣненія не произойдетъ“, говорятъ намъ иногда коллективисты въ своихъ утопіяхъ. „Фабрики, заводы и мастерскія экспропріируютъ и провозгласятъ ихъ національною или общинною собственностью, а затѣмъ каждый вернется къ своему обычному труду. Соціальная Революція будетъ произведена.“

Но этого, конечно, не будетъ. Соціальная Революція такъ просто не совершится. Мы уже говорили, что, если завтра гдѣ бы то ни было: въ Парижѣ, въ Ліонѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, вспыхнетъ революція, если завтра, въ Парижѣ или гдѣ бы то ни было, народъ завладѣетъ заводами, домами и банками — все современное производство должно будетъ совершенно измѣнить весь свой видъ, въ силу одного этого факта.

Внѣшняя торговля и подвозъ хлѣба изъ-за границы прекратятся; движеніе товаровъ и съѣстныхъ припасовъ будетъ пріостановлено. Чтобы имѣть все необходимое, возставшему народу или возставшей территоріи придется поэтому преобра-

зовать все свое производство. Если они не съумѣють этого сдѣлать — они должны будуть погибнуть. Если же они восторжествують, то это значить, что они совершать полную революцію во всей экономической жизни страны, во всемъ производствѣ и распредѣленіи.

Подвозъ жизненныхъ припасовъ пріостановится, а потребленіе, между тѣмъ, возростетъ; три милліона французовъ, работающіе на вывозъ, останутся безъ работы; множества предметовъ, которые Францiя привыкла получать изъ дальнихъ или изъ сосѣднихъ странъ, не будетъ; производство предметовъ роскоши временно пріостановится; — что же дѣлать тогда жителямъ, чтобы обезпечить себѣ возможность жизни хоть на годъ?

По нашему мнѣнію, отвѣтъ ясенъ и неизбѣженъ. Когда запасы начнутъ истощаться, большинство вынуждено будетъ обратиться за пищей къ землѣ. Придется воздѣлывать землю, придется соединить въ самомъ Парижѣ и въ его окрестностяхъ земледѣліе съ промышленностью и оставить пока многія мелкія ремесла, занимающіяся предметами роскоши, чтобы позаботиться о самомъ насущномъ — о хлѣбѣ.

Горожанамъ придется заняться земледѣліемъ, — но очевидно не такимъ, которое теперь выпало на долю крестьянъ, изнуряющихъ себя за плугомъ и едва получающихъ чѣмъ себя прокормить, а земледѣліемъ, опирающимся на усиленную, садово-огородную обработку земли, примѣненную въ широкихъ размѣрахъ и пользующуюся всѣми машинами, какія уже изобрѣлъ и изобрѣтетъ человѣкъ. Они будутъ обрабатывать землю, но не такъ какъ подобный вьючному животному крестьянинъ — на что, между прочимъ, парижскій ювелиръ и не пойдетъ. Нѣтъ, они преобразуютъ земледѣліе и сдѣлаютъ это не черезъ десять лѣтъ, а сейчасъ же, въ разгарѣ революціонной борьбы, потому что иначе имъ не устоять передъ врагомъ.

Они должны будутъ заняться землею, какъ люди сознательные, вооружившись знаніемъ и собираясь для привлекательнаго труда въ веселыя группы, подобныя тѣмъ, которыя сто лѣтъ тому назадъ работали на Марсовомъ полѣ, приготовляя его къ празднику Федераціи. И дѣйствительно, трудъ земледѣльческій доставляетъ множество наслажденій, когда онъ не продолжается свыше мѣры, когда онъ организованъ научно, когда человѣкъ улучшаетъ и изобрѣтаетъ орудія, когда онъ сознаетъ себя полезнымъ членомъ общества.

Итакъ, нужно будетъ заняться обработкой земли. Но нужно будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, производить и множество вещей, которыя мы вообще привыкли получать изъ-за границы; а не слѣдуетъ забывать, что для жителей возставшей территоріи „за-границей“ будетъ все то, что не послѣдуетъ за ними въ ихъ революціонномъ движеніи. Въ 1793 и 1871 году „за-граница“ начиналась для возставшаго Парижа у самыхъ воротъ города. Спекуляторъ на хлѣбъ, жившій въ сосѣднемъ городѣ, уже морилъ съ голоду парижскихъ санъ-кюлотовъ („оборванцевъ“), точно также и даже больше, чѣмъ нѣмецкія войска, приведенныя на французскую территорію версальскими заговорщиками. Нужно будетъ съумѣть обойтись безъ этой „за-границы“ — и безъ нея обойдутся. Когда, вслѣдствіе континентальной блокады, Франція оказалась лишенной тростниковаго сахара, она выдумала свекловичный. Когда неоткуда было взять селитры для пороха, Парижъ нашелъ ее у себя въ погребахъ. Неужели же мы, вооруженные современнымъ знаніемъ, окажемся ниже нашихъ дѣдовъ, которые еще только знакомились съ первыми начатками науки?

Дѣло въ томъ, что революція есть нѣчто бо̀льшее, чѣмъ уничтоженіе того или другого строя. Она является также пробужденіемъ человѣческаго ума, она представляетъ развитіе изобрѣтательности;

она — заря новой науки, науки Лапласовъ, Ламарковъ, Лавуазье, созданной революціей 1789 — 1793 года. Она — революція въ умахъ, еще болѣе значительная, чѣмъ революція въ учрежденіяхъ.

А намъ говорятъ, чтобы мы вернулись въ свои мастерскія, точно рѣчь идетъ о томъ, чтобы придти къ себѣ домой послѣ прогулки въ какомъ-нибудь загородномъ лѣсу, или къ избирательнымъ урнамъ!

Уже одинъ фактъ разрушенія буржуазной собственности предполагаетъ неизбѣжно полное переустройство всей экономической жизни — и въ мастерской, и въ домахъ, и на заводахъ.

И Революція совершитъ это переустройство! Пусть только Парижъ, охваченный соціальной Революціей, окажется на годъ или на два отрѣзаннымъ отъ остального міра усиліями царей, — лакеевъ буржуазнаго порядка; и парижане, еще не забитые, къ счастью, на крупныхъ фабрикахъ, а привыкшіе изощрять свою изобрѣтательность на всевозможныхъ мелкихъ ремеслахъ, покажутъ міру, чего можетъ достигнуть человѣческій умъ, не требуя ни откуда ничего, кромѣ двигательной силы освѣщающаго насъ солнца и уносящаго наши нечистоты вѣтра, да тѣхъ силъ, которыя работаютъ въ нѣдрахъ попираемой нами земли!

Люди увидятъ, что̀ можетъ сдѣлать скопленіе на одномъ пунктѣ земного шара этихъ безконечно-разнообразныхъ и взаимно-дополняющихъ другъ друга ремеслъ, вмѣстѣ съ оживляющимъ духомъ революціи, — для того, чтобы прокормить, одѣть, помѣстить и окружить всею возможною роскошью два милліона разумныхъ существъ.

И это вовсе не фантастическій вымыселъ; для осуществленія его достаточно будетъ того, *что уже извѣстно, испробовано и найдено пригоднымъ.* Пусть только это, извѣстное намъ, оживится и оплодотворится смѣлымъ дуновеніемъ Революціи и самостоятельнымъ порывомъ народныхъ массъ.

Сельское хозяйство.

Политической экономіи часто ставили въ упрекъ, что она выводитъ всѣ свои заключенія изъ того, несомнѣнно ложнаго, положенія, что единственнымъ двигателемъ, заставляющимъ человѣка увеличивать свою производительную силу, является узко понятая личная выгода.

Упрекъ этотъ вполнѣ справедливъ. Эпохи самыхъ великихъ промышленныхъ открытій и настоящихъ успѣховъ промышленности всегда были, наоборотъ, эпохами, когда люди мечтали о всеобщемъ счастьи и всего менѣе заботились о личномъ обогащеніи. Великіе изслѣдователи и изобрѣтатели думали, главнымъ образомъ, объ освобожденіи человѣчества, и если бы Уаттъ, Стефенсонъ или Жакаръ (изобрѣтатели паровой машины, паровоза и ткацкаго станка) могли предвидѣть, до какой нужды доведутъ рабочаго результаты ихъ безсонныхъ ночей, они вѣроятно сожгли бы всѣ свои планы и изломали бы свои модели.

Также ложенъ и другой существенный принципъ политической экономіи, а именно молчаливо подразумѣваемая мысль, что если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности и бываетъ часто перепроизводство, то, вообще говоря, общество никогда не будетъ обладать достаточнымъ количествомъ продуктовъ, чтобы удовлетворить потребности

всѣхъ; что, поэтому, никогда не придетъ такое время, когда никто не будетъ вынужденъ продавать свою рабочую силу за заработную плату. Молчаливое признаніе этого лежитъ въ основѣ всѣхъ теорій, всѣхъ такъ-называемыхъ „законовъ", которымъ насъ учатъ экономисты.

А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что какъ только какое-нибудь цивилизованное общество поставитъ себѣ вопросъ о томъ, каковы потребности всѣхъ, и каковы средства для ихъ удовлетворенія, оно увидитъ, что, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, есть полная возможность удовлетворить всѣ потребности, если только умѣло приложить выработанныя уже средства къ удовлетворенію потребностей, дѣйствительно существующихъ.

Что это вѣрно по отношенію къ промышленности, никто не станетъ этого отрицать. Достаточно присмотрѣться къ способамъ производства въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, для извлеченія угля и руды, для полученія и обработки стали, для производства различныхъ частей одежды и т. п., чтобы убѣдиться, что по отношенію къ продуктамъ мануфактуръ, заводовъ и угольныхъ копей, никакого сомнѣнія быть не можетъ. Мы могли бы уже теперь увеличить наше производство въ нѣсколько разъ и притомъ сберечь еще на суммѣ потраченнаго труда.

Но мы идемъ еще дальше. Мы утверждаемъ, что въ томъ же положеніи находится и земледѣліе: что земледѣлецъ, какъ и промышленникъ, *уже имѣетъ въ рукахъ средства*, чтобы увеличить свое производство пищевыхъ продуктовъ вчетверо, если не въ десятеро; и что онъ сможетъ это сдѣлать, сейчасъ же, какъ только почувствуетъ въ этомъ надобность. Учетверить производство хлѣба, овощей, фруктовъ можно въ годъ или въ два, какъ только трудъ станетъ *общественнымъ*, вмѣсто капиталистическаго.

Когда говорятъ о земледѣліи, то при этомъ всегда представляютъ себѣ крестьянина, согнувшагося надъ плугомъ, наугадъ бросающаго въ землю зерно плохого качества и съ тревогой ожидающаго, что дастъ ему хорошій или плохой годъ; думаютъ всегда о крестьянской семьѣ, работающей съ утра до вечера и получающей въ видѣ вознагражденія лишь плохую избу или хижину, хлѣбъ да квасъ, — однимъ словомъ, представляютъ себѣ все того же „дикаго звѣря“, котораго Ла-Брюеръ описалъ въ прошломъ столѣтіи.

Самое бо̀льшее, чего желаютъ для этого забитаго нуждой челокѣка — это нѣкоторое облегченіе платимыхъ имъ налоговъ, или уменьшеніе аренды, которую онъ платитъ за землю. Никто даже не рѣшается себѣ представить такого крестьянина, который выпрямилъ бы, наконецъ, свою спину, пользовался бы досугомъ и производилъ бы въ нѣсколько часовъ въ день все, что нужно для прокормленія, не только его семьи, но, по крайней мѣрѣ, еще сотни человѣкъ. Даже въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтахъ соціалисты не рѣшаются идти дальше американскаго крупнаго фермерства, которое въ дѣйствительности представляетъ лишь дѣтское развитіе настоящаго земледѣлія, или „армій труда“, согнанныхъ начальствомъ на теперешнія же поля.

А между тѣмъ, у современнаго земледѣльца особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, уже зарождаются болѣе широкія понятія, болѣе грандіозныя представленія. Чтобы выростить всю растительную пищу, нужную для цѣлой семьи, оказывается достаточнымъ, на дѣлѣ, меньше десятины. Для прокормленія двадцати пяти головъ рогатаго скота нужно въ дѣйствительности не больше земли, чѣмъ прежде требовалось для одного быка или коровы, т. е. трехъ десятинъ. Современный земледѣлецъ уже стремится теперь самъ *сдѣлать* себѣ

почву и не зависѣть ни отъ засухъ, ни даже, до нѣкоторой степени, отъ климата, такъ какъ можно согрѣвать вокругъ молодого растенія и воздухъ и почву. Однимъ словомъ, идеалъ современнаго земледѣлія, это — принять пріемы садовода и огородника и выращивать на пространствѣ одной десятины столько, сколько не собирали прежде и съ двадцати десятинъ; и при этомъ, не истощать себя чрезмѣрной работой, а, наоборотъ, значительно сократить сумму труда. Однимъ словомъ, въ отдѣльныхъ, благопріятно поставленныхъ мѣстностяхъ, а также среди огородниковъ возлѣ большихъ городовъ уже вырабатываются такіе пріемы земледѣлія, что отдавая обработкѣ земли ровно столько труда, сколько каждый изъ насъ можетъ отдать съ полнымъ удовольствіемъ, мы уже имѣемъ полную возможность доставить всѣмъ обильную пищу. Вотъ куда идетъ, чего добывается *современное* земледѣліе.

Въ то время, какъ ученые, во главѣ съ Либихомъ— создателемъ химической теоріи земледѣлія— увлекаясь теоріями, часто впадали въ очень серьезныя ошибки, неграмотные земледѣльцы открыли совершенно новые пути для обезпеченія благосостоянія въ обществѣ. Огородники изъ подъ Парижа, Труа и Руана, англійскіе садовники, фламандскіе фермеры, Джерзейскіе и Гернзейскіе крестьяне и огородники островковъ Силли открыли намъ такіе широкіе горизонты, которыхъ взоръ даже не въ силахъ сразу охватить.

Прежде, крестьянской семьѣ, чтобы прожить одними только продуктами земли — а извѣстно, какъ живутъ крестьяне — требовалось не меньше семи или восьми десятинъ. Теперь же невозможно даже сказать, какъ мало земли нужно для того, чтобы доставить семьѣ все, — и необходимое, и то, что теперь считается роскошью, — такъ много можетъ дать земля, если только ее обрабатывать

согласно правиламъ усиленнаго земледѣлія. Десять лѣтъ тому назадъ мы сказали бы, что двухъ десятинъ любой земли достаточно, чтобы вырастить хлѣбъ, картофель, овощи и превосходные фрукты, въ изобиліи, для семьи въ пять или шесть душъ. Теперь же можно уже смѣло сказать, что для этого и двухъ десятинъ — много. Предѣлы необходимаго пространства съ каждымъ днемъ съуживаются, и если бы насъ спросили, сколько человѣкъ можетъ прожить въ полномъ довольствѣ на пространствѣ одной квадратной версты, не получая никакихъ земледѣльческихъ продуктовъ извнѣ, мы бы затруднились отвѣтомъ, такъ какъ по мѣрѣ успѣховъ земледѣлія число это на нашихъ глазахъ, быстро ростетъ за послѣдніе годы.

Уже десять лѣтъ тому назадъ можно было съ увѣренностью сказать, что продуктами одной только французской почвы могло бы свободно прокормиться, не ввозя ничего, населеніе въ сто милліоновъ человѣкъ. Теперь же, во Франціи, въ Бельгіи, въ Голландіи, на островахъ Джерзеѣ и Гернзеѣ, а также и въ восточныхъ штатахъ Америки, земледѣліе сдѣлало за послѣдніе годы такіе громадные успѣхи, и передъ нами открываются каждый годъ такіе новые горизонты, что мы можемъ сказать, что и для ста милліоновъ населенія, территоріи Франціи было бы слишкомъ много. Если бы земля обрабатывалась такъ, *какъ она уже обрабатывается въ многихъ мѣстахъ, даже при самой неплодородной почвѣ*, то сто милліоновъ людей, на пространствѣ въ пятьдесятъ милліоновъ десятинъ французской территоріи составило бы лишь малую долю того населенія, которое эта почва могла бы прокормить. Возможность прокормить данное населеніе съ даннаго пространства земли растетъ по мѣрѣ того, какъ самъ человѣкъ требуетъ отъ земли все больше и больше плодовъ.

Какъ бы то ни было, можно считать *вполнѣ до-*

казаннымъ, — мы увидимъ это ниже — что, если бы Парижъ и два департамента (Сены и Сены съ Уазой) организовались завтра же въ анархическую общину, гдѣ всѣ занимались бы физическимъ трудомъ, и если бы весь міръ рѣшилъ не посылать имъ ни одной мѣры зерна, ни одной головы скота, ни одной корзины плодовъ, и при томъ не оставилъ бы имъ никакой другой земли, кромѣ территоріи этихъ двухъ департаментовъ, — то и тогда они могли бы сами производить, не только необходимый имъ для всего городского и сельскаго населенія этихъ двухъ департаментовъ хлѣбъ, мясо и овощи, но и всѣ плоды, составляющіе теперь предметъ роскоши.

Мы утверждаемъ, кромѣ того, что общее количество затраченнаго человѣческаго труда было бы при этомъ гораздо *меньше*, чѣмъ сколько его тратится теперь, когда это населеніе кормится хлѣбомъ, привезеннымъ изъ Оверни или изъ Россіи, овощами, выращиваемыми въ различныхъ мѣстахъ при помощи полевого хозяйства, и фруктами, привозимыми съ юга.

Мы, конечно, не хотимъ этимъ сказать, что нужно устранить *всякій* обмѣнъ и что каждая мѣстность должна стараться производить *все* и именно то, что при данныхъ условіяхъ ея климата, можетъ расти только благодаря болѣе или менѣе искусственной культурѣ. Мы хотимъ только показать, что теорія обмѣна, въ томъ видѣ, въ какомъ она проповѣдуется теперь, сильно преувеличена, и что многіе изъ нынѣ совершающихся „обмѣновъ“ безполезны и даже вредны. Мы думаемъ, кромѣ того, что до сихъ поръ совершенно не принимался въ разсчетъ весь тотъ трудъ, который употребляютъ напримѣръ южане, чтобы воздѣлывать виноградъ, или русскіе и венгерскіе крестьяне, воздѣлывающіе хлѣбъ, какъ бы ни были плодородны ихъ степи. При ихъ теперешнихъ пріемахъ хозяйства,

большею частью ручного, они, конечно, тратятъ на это несравненно больше усилій, чѣмъ потребовалось бы для полученія тѣхъ же продуктовъ при хозяйствѣ усиленномъ, даже въ менѣе благопріятномъ климатѣ и съ менѣе плодородною отъ природы почвою.

II

Мы не можемъ привести здѣсь всѣхъ многочисленныхъ фактовъ, на которыхъ мы основываемся, и для болѣе подробныхъ свѣдѣній намъ придется отослать читателя къ книгѣ, изданной нами на англійскомъ языкѣ,*) а главнымъ образомъ — посовѣтовать тѣмъ, кто серьезно интересуется этимъ вопросомъ, прочесть нѣкоторыя очень хорошія сочиненія, вышедшія во Франціи и списокъ которыхъ мы здѣсь даемъ.**)

---

*) Fields, Factories and Workshops; дешевыя изданія въ 1901-омъ году, (французскій переводъ готовится къ печати).

Замѣчу, что когда я напечаталъ эти взгляды въ Англіи, въ 1888-мъ году въ Nineteenth Century, они не только не встрѣтили никакихъ возраженій, но получили подтвержденіе со стороны редактора „Журнала Садоводства“ — практическаго садовода — который пошелъ еще дальше меня, доказывая, что „гдѣ уголь дешевъ, тамъ и виноградъ дешевъ“. Я увѣренъ также, что со мною вполнѣ согласятся и французскіе огородники.

**) См. „Répartition métrique des impôts“ A. Toubeau (2 тома, изданные у Guillaumin въ 1880-мъ году. Мы нисколько не раздѣляемъ заключеній автора, но его книга — настоящая энциклопедія, съ указаніемъ источниковъ, откуда можно узнать, что̀ способна намъ дать земля. Затѣмъ: Ponce: „La culture maraîchère“ (1869 г.), „Le Potager Gressent“ (Парижъ 1885 г.) — прекрасное, вполнѣ практическое руководство, которое я смѣло рекомендую всякому практическому огороднику; Risler: „Physiologie et culture du blé“ (Парижъ, 1886 г.); Lecouteux: „Le blé, sa culture intensive et extensive“ (Парижъ, 1883 г.); Eugène Simon: „La cité Chinoise“; „Dictionnaire d'agriculture“; Wm. Fream: „The Rothamstead experiments“ (Лондонъ, 1888) (обработка безъ унаваживанія).

Что же касается жителей большихъ городовъ, которые еще не имѣютъ никакого дѣйствительнаго представленія о томъ, что такое земледѣліе, то мы совѣтуемъ имъ походить пѣшкомъ по окрестностямъ своего города и изучить хозяйство подгородныхъ огородниковъ. Пусть они присмотрятся и потолкуютъ съ огородниками — и передъ ними откроется цѣлый новый міръ. Они увидятъ до извѣстной степени, чѣмъ будетъ европейское земледѣліе въ двадцатомъ вѣкѣ, и поймутъ, какая сила окажется въ рукахъ у Соціальной Революціи, когда люди научатся получать изъ земли все то, чего они отъ нея потребуютъ.

Нѣсколькихъ фактовъ достаточно будетъ, чтобы показать, что мы нисколько не преувеличиваемъ. Мы должны сдѣлать только одно предварительное замѣчаніе.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находится теперь европейское земледѣліе. Если крестьянина не грабитъ земельный собственникъ, то его раззоряетъ Государство. Если послѣднее дѣлаетъ это въ скромныхъ размѣрахъ, то крестьянина порабощаетъ ростовщикъ, и своими векселями и залоговыми свидѣтельствами дѣлаетъ изъ него простого арендатора земли, которая на дѣлѣ принадлежитъ уже банкирамъ - закладчикамъ. Такимъ образомъ, крестьянина раззоряютъ и земельный собственникъ, и Государство, и банкиръ: одинъ — арендной платой, другой — налогами, третій — процентами. Сумма всего этого грабежа различна въ разныхъ странахъ, но нигдѣ она не бываетъ меньше четверти, а очень часто достигаетъ и половины всего того, что̀ выраститъ крестьянинъ. Во Франціи, земледѣліе недавно платило государству до сорока-четырехъ сотыхъ валоваго продукта. Въ Италіи бываетъ и того хуже.

Мало того: доля земельнаго собственника и государства постоянно возрастаетъ. Какъ только,

цѣною невѣроятныхъ усилій, изобрѣтательности и предпріимчивости, крестьянину удастся получить нѣсколько бо̀льшій урожай — сейчасъ же дань, которую онъ платитъ собственнику, государству и банкамъ, увеличивается соотвѣтственно. Если онъ удвоитъ число четвертей, получаемыхъ имъ съ десятины, то сейчасъ-же возрастетъ арендная плата, а слѣдовательно — обязательно — и налоги, которые государство будетъ повышать и дальше, если только крестьянинъ ухитрится получать еще лучшую жатву. „Платежная способность" вездѣ, во всемъ мірѣ — единственный предѣлъ грабежу государства и землевладѣльца. Повсюду, однимъ словомъ, крестьянинъ работаетъ по 12-и, по 16-и часовъ въ день; и повсюду эти три коршуна отнимаютъ у него все то, что онъ могъ бы сберечь и употребить на дальнѣйшія улучшенія. Повсюду они лишаютъ его именно того, что могло бы послужить для улучшенія его хозяйства. Въ этомъ и лежитъ причина застоя въ земледѣліи.

Лишь при случайныхъ, совершенно исключительныхъ условіяхъ — напримѣръ, если эти три піявки перессорятся между собою, или же при особенныхъ усиліяхъ изобрѣтательности и особенно напряженномъ трудѣ, можетъ удасться крестьянину, на время, незамѣченно ими, сдѣлать шагъ впередъ. При этомъ, мы еще не имѣли въ виду той дани, которую всякій земледѣлецъ платитъ промышленнику: каждую машину, каждый заступъ, каждую бочку химическаго удобренія ему продаютъ втрое или вчетверо дороже, чѣмъ онѣ сто̀ятъ. Не нужно забывать также и цѣлой тучи посредниковъ, которые берутъ съ продуктовъ земли львиную долю, — особенно, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ, при продажѣ земледѣльческихъ продуктовъ, грабежъ фермеровъ желѣзными дорогами и посредниками доходитъ просто до колоссальныхъ размѣровъ, (сплошь да рядомъ, англійскій фермеръ не полу-

чаетъ и трети, а на овощахъ — и десятой доли того, что платятъ покупатели). Вотъ почему въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка — вѣка прогресса и изобрѣтеній — земледѣліе могло развиваться лишь въ очень небольшомъ числѣ отдѣльныхъ мѣстностей, и то — только случайно и временно.

Къ счастью, кое-гдѣ оказывались всегда маленькіе оазисы, которые господа коршуны временно оставляли безъ вниманія, и вотъ на этихъ то клочкахъ мы узнаемъ, что можетъ дать человѣчеству усиленное хозяйство. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ американскихъ степяхъ (которыя, между прочимъ, даютъ лишь очень небольшіе урожаи, въ 3 ½ до 6-и четвертей съ десятины, причемъ имъ часто вредятъ также засухи) пятьсотъ человѣкъ производятъ, работая всего восемь мѣсяцевъ въ году, все, что нужно для прокормленія въ теченіе года пятидесяти тысячъ человѣкъ. Результатъ этотъ достигается, здѣсь, благодаря большой экономіи труда. На этихъ обширныхъ равнинахъ распахиваніе, жатва и молотьба бываетъ организовано на очень большихъ фермахъ почти по военному: нѣтъ ни напраснаго хожденія взадъ и впередъ, ни напрасной траты времени — все происходитъ съ правильностью военнаго парада.

Это — крупное экстенсивное хозяйство, практикующееся тамъ, гдѣ землю берутъ въ такомъ видѣ, какъ она вышла изъ рукъ природы, не стремясь ее улучшить. Когда она дастъ все, что можетъ, ее оставляютъ и уходятъ дальше, искать дѣвственной земли, которую истощаютъ такимъ же образомъ. Но уже въ настоящую минуту это хищническое хозяйство исчезаетъ и въ Америкѣ. Громадныя „мамонтовыя“ фермы въ Огайо и въ Канадской Манитобѣ закрыты; земля ихъ разбита

на участки, по 200, 100 и даже 50 десятинъ, и продана фермерамъ, которые пашутъ лошадьми, и только складываются, обыкновенно вчетверомъ, чтобы купить въ долгъ жнею-вязалку; молотьба же, паровая, производится предпринимателемъ, который ѣздитъ съ своею машиною съ фермы на ферму, по очереди, чтобы въ одно утро, или въ одинъ день, обмолотить весь хлѣбъ. Но и при этой обработкѣ, также оказывается, что благодаря разнымъ мелкимъ улучшеніямъ (дренажъ, ссыпка хлѣба въ элеваторы и т. д.) работа *десяти* человѣкъ даетъ въ Чикаго *муку*, нужную для годового потребленія *ста* человѣкъ.

Рядомъ съ этимъ растетъ все больше и больше усиленное хозяйство, которому помогаютъ, и все больше будутъ помогать, машины: оно стремится главнымъ образомъ *хорошо* обработать ограниченное пространство земли, удобрить его, сосредоточить весь трудъ на немъ одномъ и получить такимъ образомъ возможно бо̀льшій продуктъ. Этотъ родъ хозяйства распространяется съ каждымъ годомъ во всемъ мірѣ — въ томъ числѣ и въ восточныхъ и даже западныхъ Штатахъ Америки, — и въ то время, какъ въ крупныхъ хозяйствахъ южной Франціи и на плодородныхъ степяхъ американскаго Запада довольствуются среднимъ урожаемъ отъ пяти до шести четвертей съ десятины, на Сѣверѣ Франціи мелкіе фермеры получаютъ постоянно отъ 15-ти до 19-ти и даже до 26-ти четвертей, а иногда и до 28-и четвертей. То, что нужно для годового, сытаго прокормленія одного человѣка, получается, такимъ образомъ, съ пространства въ одну-двѣнадцатую часть десятины.

И что̀ поразительно, это то, что *чѣмъ усиленнѣе хозяйство, тѣмъ меньше приходится тратить труда для полученія каждой четверти пшеницы.* Машина, въ такомъ случаѣ, замѣняетъ чело-

вѣка во многихъ предварительныхъ работахъ, а нѣкоторыя улучшенія, дающія возможность удвоить урожаи въ будущемъ, — напримѣръ, осушеніе (дренированіе) почвы или очистка ея отъ камней — производятся разъ навсегда. Иногда одно то, что земля глубоко распахивается, даетъ возможность получать безъ всякаго удобренія, даже при посредственной почвѣ, изъ году въ годъ прекрасные урожаи. Такъ дѣлалось въ теченіе двадцати лѣтъ въ Ротхамстэдѣ въ Англіи. Того же результата стали достигать недавно, тоже въ Англіи (въ Southend - on - Sea), при помощи пароваго разрыхлителя, который работаетъ, подражая работѣ крота, копающаго лапами землю.

Но не станемъ уходить въ область земледѣльческаго романа: остановимся на урожаѣ въ 21 четверть съ десятины, не требующемъ никакой исключительной почвы и никакихъ необыкновенныхъ машинъ, а только — разумной обработки. Посмотримъ, что означаетъ такой урожай.

Тѣ 3.600.000 жителей, которые населяютъ два департамента, Сены и Сены съ Уазой, — т. е. Парижъ и окрестности — потребляютъ въ пищу ежегодно около четырехъ милліоновъ четвертей всякаго зерна, — главнымъ образомъ пшеницы. При упомянутомъ сейчасъ урожаѣ, чтобы получить это количество, имъ нужно было бы, слѣдовательно, обработать около 180.000 десятинъ изъ тѣхъ 555.000 десятинъ „удобной“ земли, которыя находятся въ ихъ распоряженіи.

Несомнѣнно, они не будутъ обрабатывать ихъ заступомъ: для этого потребовалось бы слишкомъ много времени (260 дней по пяти часовъ каждый на десятину). Они предпочтутъ улучшить почву разъ навсегда: осушить то, что требуетъ осушенія, сравнять то, что нужно сравнять, очистить землю отъ камней — хотя бы для этой предварительной работы потребовалось, скажемъ, пять

милліоновъ пятичасовыхъ дней, т. е. въ среднемъ 26 - 27 дней на десятину.

Затѣмъ, они вспашутъ землю, или по крайней мѣрѣ бо̀льшую ея часть паровымъ плугомъ, что возьметъ 4 дня на десятину, и посвятятъ еще 4 дня на вторую перепашку и боронованіе. Сѣмянъ не будутъ, конечно, брать на угадъ, а предварительно разсортируютъ ихъ паровой сортировочной машиной. Сѣмяна эти также не станутъ бросать на вѣтеръ, а посѣятъ рядами, какъ это уже дѣлается вездѣ. И все это не возьметъ у нихъ даже 25-ти дней, по 5 часовъ каждый, если только работа будетъ производиться обдуманно и при надлежащихъ условіяхъ. Если же въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ они рѣшатся посвятить хорошему веденію земледѣльческаго хозяйства около 10 милліоновъ дней, то впослѣдствіи они смогутъ легко получать урожаи въ 25 и 30 четвертей съ десятины, отдавая этому дѣлу всего половину упомянутаго сейчасъ времени.

Такимъ образомъ, для того, чтобы доставить хлѣбъ всему населенію, въ 3.600.000 человѣкъ, потребовалось бы не больше *пятнадцати милліоновъ* рабочихъ дней. И всѣ эти работы будутъ таковы, что заниматься ими сможетъ всякій, даже если обладаетъ лишь слабыми мускулами, и раньше никогда не работалъ на землѣ. Иниціатива и общее распредѣленіе работъ будетъ принадлежать тѣмъ, кто знаетъ, чего требуетъ земля; что же касается самой работы, то нѣтъ такого слабаго парижанина или такой захирѣлой парижанки, которые бы не могли выучиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ управлять машиною, отгребать солому, или вообще выполнять такъ или иначе свою долю земледѣльческаго труда.

Если же мы вспомнимъ, что при теперешнемъ безобразномъ общественномъ строѣ насчитывается, постоянно, въ Парижѣ и окрестностяхъ, — даже

оставляя въ сторонѣ записныхъ бездѣльниковъ высшаго общества, до ста тысячъ человѣкъ разныхъ ремеслъ, сидящихъ временно безъ работы, то мы увидимъ, что однѣхъ тѣхъ силъ, которыя *теряются* по-пусту при нашей современной общественной организаціи, было бы достаточно, чтобы произвести, при разумной обработкѣ, всю пищу, необходимую для трехъ или четырехъ милліоновъ жителей обоихъ департаментовъ. И это, повторяемъ мы, не сказка. О дѣйствительно - усиленномъ хозяйствѣ, дающемъ гораздо болѣе поразительные результаты, мы еще не ведемъ рѣчь. Мы не упоминали, напримѣръ, до сихъ поръ объ опытахъ Галлета (въ Брайтонѣ), который, проработавъ надъ этимъ три года, сталъ получать такой хлѣбъ, что одно зерно даетъ кустъ пшеницы, на которомъ родится до 600 и до 1000 зеренъ, (а иногда и гораздо больше), такъ что весь хлѣбъ, необходимый для семьи въ пять человѣкъ, можно было бы выростить на пространствѣ въ нѣсколько сотъ квадратныхъ саженъ. Мы основываемъ свои разсчеты не на галлетовской обработкѣ хлѣба, а только на томъ, что уже существуетъ у очень многихъ фермеровъ, во Франціи, въ Англіи, въ Бельгіи, во Фландріи, въ Ломбардіи и т. д., и что можно осуществить во всякое время, при томъ опытѣ и знаніи, которые *уже* выработаны и провѣрены, не на саженныхъ участкахъ, а въ крупныхъ полевыхъ хозяйствахъ.

Но безъ Революціи ничего этого не будетъ еще много лѣтъ спустя, потому что это совершенно не выгодно для тѣхъ, кто владѣетъ землею и капиталомъ; крестьяне же, для которыхъ это было бы дѣйствительно выгодно — если бы не выше-названные три коршуна, — не обладаютъ для этого ни необходимыми знаніями, ни деньгами, ни временемъ.

Современное общество еще не дошло до этого. Но пусть только парижане провозгласятъ у себя

анархическую коммуну — и они будутъ вынуждены силою обстоятельствъ дойти до этого, потому что не окажутся же они, въ самомъ дѣлѣ, на столько глупыми, чтобы продолжать выдѣлывать всякія мелочи для украшенія комнатъ, (которыя, между прочимъ, такъ же хорошо дѣлаютъ и въ Вѣнѣ, и въ Варшавѣ, и въ Берлинѣ), а тѣмъ временемъ — сидѣть безъ хлѣба.

Кромѣ того, земледѣльческій трудъ съ помощью машинъ сталъ бы скоро самымъ привлекательнымъ и самымъ веселымъ изъ всѣхъ видовъ труда.

„Довольно съ насъ ювелирной дряни, выдѣлываемой въ Парижѣ, довольно костюмовъ для куколъ!" скажутъ себѣ парижскіе рабочіе. „Идемъ въ поле — набираться тамъ свѣжихъ силъ, свѣжихъ впечатлѣній природы, и той „радости жизни", которую люди забыли въ своихъ мрачныхъ мастерскихъ, въ рабочихъ кварталахъ".

Въ средніе вѣка альпійскія пастбища лучше помогли швейцарцамъ избавиться отъ помѣщиковъ и королей, чѣмъ копья и пищали. Современное земледѣліе дастъ точно также возможность возставшему городу отстоять свою свободу противъ буржуазіи всѣхъ странъ, которая несомнѣнно ополчится противъ Коммунистической Коммуны.

III

Мы видѣли, какимъ образомъ три съ половиной милліона жителей двухъ департаментовъ (Сены и Сены съ Уазой) могли бы доставить себѣ въ изобиліи необходимый хлѣбъ, воздѣлавши подъ хлѣбъ всего треть своей земли. Перейдемъ теперь къ скотоводству.

Англичане, которые вообще ѣдятъ много мяса, потребляютъ, въ среднемъ, немного меньше 200 фунтовъ мяса въ годъ, на каждаго взрослаго человѣка. Если считать, что все это — бычачье мясо,

то выйдетъ немного менѣе трети быка. Такимъ образомъ, если взять одного быка въ годъ на пятерыхъ (считая въ томъ числѣ дѣтей), то получится уже предостаточная порція. На три съ половиной милліона жителей это составитъ ежегодное потребленіе около 700.000 головъ скота.

При теперешней системѣ пастбищъ, для прокормленія 700.000 головъ скота требуется по крайней мѣрѣ два милліона десятинъ. Но даже при очень скромномъ орошеніи луговъ водой изъ источниковъ (какое практикуется съ недавняго времени въ широкихъ размѣрахъ въ юго-западной Франціи), было бы достаточно уже 500.000 десятинъ, а при усиленномъ хозяйствѣ, при употребленіи на кормъ свеклы, брюквы и т. п., и при травосѣяніи, требуется не болѣе четверти этого пространства, т. е. 125.000 десятинъ. Если же употреблять въ дѣло кукурузу и практиковать „силосованіе“ (свѣже-срѣзанный кормъ укладывается въ особыя ямы и прессуется), то весь необходимый кормъ можно получить съ площади въ 85.000 десятинъ.

Въ окрестностяхъ Милана, гдѣ для орошенія луговъ пользуются сточными трубами, на пространствѣ 8100 орошаемыхъ такимъ образомъ десятинъ получается съ каждой десятины достаточно корма для 4-6 головъ рогатаго скота: а на нѣкоторыхъ, особенно благопріятно поставленныхъ лугахъ удавалось собирать до 49 тоннъ (около 3100 пудовъ) сухого сѣна съ десятины, т. е. ежегодный кормъ для десяти дойныхъ коровъ. Три десятины земли на каждую голову пасущагося рогатаго скота, съ одной стороны, а съ другой стороны — десять быковъ или коровъ, кормящихся съ десятины — таковы крайнія точки современнаго земледѣлія.

На островѣ Джерзеѣ изъ 3600 десятинъ удобной и обрабатываемой земли, около половины (1730 десятинъ) покрыты пашнями и огородами, и всего 1910 десятинъ остаются для луговъ. Но на нихъ

кормится: 1480 лошадей, 7260 головъ скота, 900 барановъ и 4200 свиней, что составляетъ больше трехъ головъ рогатаго скота на десятину, не считая еще лошадей, барановъ и свиней. Нечего и говорить о томъ, что плодородіе этой почвы развиваютъ искусственно, удобряя ее водорослями и особенно химическимъ удобреніемъ.

Если мы теперь вернемся къ нашимъ тремъ съ половиною миллiонамъ жителей Парижа съ окрестностями, то мы увидимъ, что площадь необходимая для выращиванія скота, который имъ нуженъ для пищи, сводится съ двухъ миллiоновъ десятинъ на 80.000. Но не станемъ брать самой низкой цифры: возьмемъ цифру, которую даетъ обыкновенное хорошо-веденное хозяйство, и прибавимъ даже больше чѣмъ нужно земли для мелкаго скота. Положимъ, такимъ образомъ, на выращиваніе скота 160.000, пожалуй даже 180.000 десятинъ, изъ тѣхъ 400.000, которыя остались у насъ, послѣ того, какъ мы снабдили хлѣбомъ все населеніе. Будемъ щедры, и положимъ на обработку этого пространства пять миллiоновъ рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, употребивъ въ теченіе года двадцать миллiоновъ рабочихъ дней, — изъ которыхъ половина приходится на постоянныя улучшенія, — мы будемъ обезпечены хлѣбомъ и мясомъ, не включая сюда всей той добавочной мясной пищи, которую можно получить отъ птицы, откормленныхъ свиней, кроликовъ и проч., и не принимая во вниманіе того, что населеніе, имѣющее въ своемъ распоряженіи прекрасныя овощи и фрукты, будетъ потреблять гораздо меньше мяса, чѣмъ англичане, которые пополняютъ животной пищей недостатокъ растительной.

Двадцать миллiоновъ дней по пяти часовъ въ день, сколько же это составитъ на каждаго жителя? Въ сущности, очень немного. Населеніе въ три съ половиною миллiона должно заключать въ себѣ

по крайней мѣрѣ 1.200.000 взрослыхъ мужчинъ и столько же женщинъ, способныхъ работать; слѣдовательно для доставленія всѣмъ хлѣба и мяса потребуется всего, — считая однихъ только мужчинъ, — 17 рабочихъ дней въ годъ. Прибавимъ еще три милліона дней для того, чтобы имѣть молоко, затѣмъ накинемъ еще столько же на всякій случай, — и мы все-таки еще не получимъ даже *25-ти дней. по пяти часовъ каждый*, т. е. просто *нѣсколько дней въ году, пріятно проведенныхъ въ деревнѣ, для полученія трехъ главныхъ продуктовъ: хлѣба, мяса и молока.* А между тѣмъ, это продукты, которые, послѣ квартиры, составляютъ главную и неустанную заботу девяти-десятыхъ человѣчества.

Повторяемъ, однако, еще разъ, — мы нигдѣ еще не заходили въ область фантазіи; мы только разсказывали о томъ, что *существуетъ*, что уже широко практикуется и подтверждено въ крупныхъ размѣрахъ опытомъ. Чтобы достигнуть только этого, земледѣліе можно было бы преобразовать *хотъ завтра*, если бы только этому не мѣшали законы о собственности и общее невѣжество.

Въ тотъ день, однако, когда Парижъ пойметъ, что знать, чѣмъ кормятся люди, и какъ производятся нужные имъ пищевые продукты — обязательно для всѣхъ, и когда парижане сообразятъ, наконецъ, что вопросъ о хлѣбѣ несравненно важнѣе всѣхъ возможныхъ преній въ Парламентѣ или въ муниципальномъ совѣтѣ, — въ тотъ день Революція совершится. Парижъ возьметъ тогда въ свои руки земли обоихъ департаментовъ и начнетъ ихъ обрабатывать. Парижанинъ, отдававшій въ продолженіе всей своей жизни треть своего существованія на то, чтобы заработать на что *купить* недостаточную по количеству и плохую по качеству пищу, будетъ теперь производить ее самъ, подъ самыми стѣнами города, внутри черты своихъ фортовъ (если только они уже не

будутъ срыты) и будетъ получать ее цѣною всего нѣсколькихъ дней здороваго и привлекательнаго труда.

Перейдемъ теперь къ фруктамъ и овощамъ. Выйдемъ изъ предѣловъ Парижа и осмотримъ одно изъ тѣхъ огородническихъ заведеній, которыя, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ разныхъ академій, продѣлываютъ чудеса, неизвѣстныя ученымъ политико-экономамъ. Остановимся, напримѣръ, у г. Понса, автора извѣстнаго сочиненія объ огороднической культурѣ (culture maraîchère), — огородника, не скрывающаго, сколько приноситъ ему земля и подробно разсказавшаго и свое хозяйство и свои приходы и расходы. Нужно сказать, что г. Понсъ, а въ особенности его рабочіе, работаютъ, какъ волы. Ихъ восемь человѣкъ и они обрабатываютъ немногимъ больше одного гектара — т. е. ровно десятину земли. Работаютъ они по двѣнадцати и по пятнадцати часовъ въ день, т. е. втрое больше чѣмъ нужно; такъ что, если бы ихъ было двадцать четыре человѣка вмѣсто восьми, то не было бы ни одного лишняго. Конечно, Понсъ, вѣроятно скажетъ намъ на это, что за свои 11,000 квадратныхъ метровъ земли (десятину) онъ платитъ ежегодно, въ видѣ аренды собственнику земли и налоговъ милому государству, чудовищную сумму въ 2500 франковъ, т. е. *тысячу рублей* (вотъ они, коршуны, о которыхъ говорилось выше); затѣмъ навозъ, покупаемый имъ въ казармахъ, обходится ему около 2500 франковъ, т. е. тоже около 1000 рублей. „Такимъ образомъ, скажетъ онъ, мнѣ поневолѣ приходится быть эксплуататоромъ; меня эксплуатируютъ и я эксплуатирую въ свою очередь.“ Обзаведеніе стоило ему тоже 30,000 франковъ, изъ которыхъ несомнѣнно больше половины пошло разнымъ тунеядствующимъ промышленнымъ баронамъ и добрая доля спекуляторамъ на деньги. Въ общемъ, его обзаведеніе представляетъ, однако, навѣрно не боль-

ше 3.000 рабочихъ дней, а по всей вѣроятности даже гораздо меньше,

Посмотримъ же теперь на его урожаи. Онъ получаетъ въ годъ 670 пудовъ моркови, 610 пудовъ лука, редиски и другихъ мелкихъ овощей, 6.000 кочановъ капусты, 3.000 кочановъ цвѣтной капусты, 5.000 корзинъ томатъ (помедоровъ), 5.000 дюжинъ отборныхъ фруктовъ, 154.000 корней салата — однимъ словомъ, въ общемъ 7625 пудовъ овощей и фруктовъ на пространствѣ почти одной десятины: 50 саженъ въ длину и 46 саженъ въ ширину. Это составляетъ больше *125 тоннъ овощей съ десятины!*

Но человѣкъ не съѣдаетъ больше 600 фунтовъ овощей и фруктовъ въ годъ; а слѣдовательно каждая десятина такого огорода даетъ въ изобиліи все, что нужно по части фруктовъ и овощей для стола 380 взрослыхъ людей въ теченіе цѣлаго года. Такимъ образомъ, 24 человѣка, работая цѣлый годъ надъ обработкой десятины земли, но посвящая на это всего по пяти часовъ въ день, произвели бы количество овощей, достаточное для 380 взрослыхъ людей, что̀ соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ, 500 душамъ населенія.

Иначе говоря, при такой обработкѣ, какъ у Понса — а въ другихъ мѣстахъ пошли уже гораздо дальше — 380 взрослыхъ людей должны были бы отдать, каждый немного больше 100 часовъ въ годъ (103 часа), чтобы получить всѣ овощи и фрукты, нужные для 500 душъ населенія.

Замѣтимъ при этомъ, что такая обработка — вовсе не исключеніе: 5000 огородниковъ занимаются въ предмѣстьяхъ Парижа на пространствѣ 800 десятинъ точь въ точь такимъ же огородничествомъ. Дѣло только въ томъ, что эти огородники доведены до состоянія вьючныхъ животныхъ, благодаря необходимости платить *ренту, среднимъ числомъ въ двѣ тысячи франковъ съ гектара, т. е. 880 рублей съ десятины.*

Не доказываютъ ли однако эти факты, (которые каждый можетъ самъ провѣрить), что 6400 десятинъ (изъ тѣхъ 190.000 десятинъ, которыя у насъ оставались) было бы достаточно для того, чтобы дать нашимъ тремъ съ половиною милліонамъ жителей всевозможные овощи и значительное количество фруктовъ?

Что же касается до количества труда, необходимаго для полученія этихъ фруктовъ и овощей, то оно составитъ, (если мы примемъ за мѣрило трудъ этихъ огородниковъ), 50 милліоновъ пятичасовыхъ рабочихъ дней, т. е. около пятидесяти рабочихъ дней на каждаго взрослаго мужчину. Но мы увидимъ сейчасъ, что этотъ трудъ можно значительно сократить, если прибѣгнуть къ пріемамъ, обычнымъ на островахъ Джерзеѣ и Гернзеѣ. Мы напомнимъ только, что если огороднику приходится теперь такъ много работать, то это зависитъ отъ того, что онъ выращиваетъ главнымъ образомъ раннія овощи и фрукты, — землянику въ январѣ, персики въ началѣ лѣта, и т. п., продажа которыхъ по высокимъ цѣнамъ и даетъ ему возможность выплачивать баснословно-высокую арендную плату за землю. Кромѣ того, самые его пріемы хозяйства заставляютъ его работать больше, чѣмъ нужно въ дѣйствительности. Не имѣя возможности затратить крупныхъ суммъ на первоначальное устройство, (при которомъ онъ платитъ очень дорого и за стекло, и за дерево, и за желѣзо, и за уголь), онъ вынужденъ получать нужную ему искусственную теплоту при помощи навоза, тогда какъ ту же теплоту можно получить гораздо дешевле съ помощью угля и теплицъ.

IV

Для полученія этихъ баснословныхъ урожаевъ огородникамъ приходится, какъ мы видѣли, обра-

щаться въ машины и отказываться отъ всѣхъ радостей жизни; но во всякомъ случаѣ эти труженики оказали человѣчеству громадную, неоцѣнимую услугу тѣмъ, что они научили насъ, *дѣлать самимъ себѣ нужную почву.* Они употребляютъ для этого навозъ, уже отслужившій для доставленія нужной теплоты молодымъ растеніямъ въ парникахъ, и количество легкой садовой земли, получаемой ими, такъ велико, что часть ея имъ приходится продавать каждый годъ, иначе уровень ихъ огородовъ повышался бы каждогодно на одинъ дюймъ или больше. Огородникъ такъ хорошо понимаетъ это, что за послѣднее время, въ контракты, заключаемые огородниками съ землевладѣльцами, сталъ вводиться пунктъ, въ силу котораго огородникъ имѣетъ право *увезти съ собою свою землю*, когда онъ оставитъ обрабатываемый имъ участокъ (этотъ фактъ упоминается, между прочимъ, въ статьѣ Maraîchers „Земледѣльческаго Словаря“ Барраля). Земля, увозимая на телегахъ, вмѣстѣ съ мебелью и тепличными рамами, — вотъ отвѣтъ земледѣльцевъ - практиковъ на соображенія Рикардо, который представлялъ земельную ренту какъ средство уравнять послѣдствія *природныхъ* преимуществъ той или другой почвы. У французскихъ же огородниковъ идетъ поговорка; „Чего стòитъ человѣкъ, того стòитъ земля.“

И при всемъ этомъ, парижскіе и руанскіе огородники работаютъ, для полученія тѣхъ же результатовъ, втрое больше, чѣмъ ихъ гернзейскіе собратья. Эти послѣдніе прилагаютъ къ земледѣлію промышленные пріемы и дѣлаютъ искусственно не только почву, но также и климатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, все огородническое хозяйство сводится къ слѣдующимъ двумъ началамъ:

I. Сѣять подъ стекломъ; пересадить и выращивать молодые отсадки въ богатой почвѣ, на ограниченномъ пространствѣ, гдѣ за ними можно тщательно

ухаживать. Затѣмъ, когда ихъ корни хорошо разростутся въ пышные пучки, пересадить ихъ туда, гдѣ растеніе должно достигнуть полнаго роста. Однимъ словомъ, — поступать съ ними такъ, какъ поступаютъ съ молодыми животными, т. е. окружать ихъ заботами съ самаго ранняго возраста.

II. Чтобы урожаи поспѣвали во время — нагрѣвать почву и воздухъ, покрывая растенія рамами со стекломъ или стеклянными колпаками и развивая въ землѣ теплоту броженіемъ навоза.

Пересадка и температура, болѣе высокая чѣмъ температура окружающаго воздуха — такова вся сущность огороднической культуры, разъ почва уже приготовлена искусственно. Первое изъ этихъ условій, какъ мы видѣли, уже осуществляется и требуетъ лишь нѣкоторыхъ мелкихъ усовершенствованій. Для осуществленія же второго, нужно нагрѣвать землю и воздухъ, замѣняя навозъ теплой водой, проходящей по трубамъ, проведеннымъ или въ землѣ, подъ рамами, или же отопленіемъ теплицъ.

И это уже дѣлается. Парижскій огородникъ уже получаетъ при помощи *термо - сифона* ту теплоту, которую раньше ему давалъ навозъ, а англійскій, т. е. джерзеевскій и гернзеевскій, а также бельгійскій огородникъ прибѣгаютъ къ постройкѣ теплицъ.

Теплица была прежде роскошью, доступною лишь богатому человѣку, который пользовался ею для выращиванія тропическихъ или, вообще, составляющихъ предметъ роскоши растеній. Но теперь она становится общераспространенной: на островахъ Джерзеѣ и Гернзеѣ цѣлыя десятины земли покрыты стекломъ, не говоря уже о тѣхъ маленькихъ теплицахъ, которыя можно встрѣтить на Гернзеѣ въ каждой фермѣ, въ каждомъ огородѣ. Въ окрестностяхъ Лондона, а также въ Уорзингѣ и другихъ мѣстахъ, начинаютъ также покрывать

стекломъ цѣлыя поля, и съ каждымъ годомъ въ предмѣстьяхъ столицы воздвигаются тысячи новыхъ маленькихъ теплицъ. Эти теплицы бываютъ самыя разнообразныя, начиная отъ роскошнаго зданія съ гранитными стѣнами и кончая скромной досчатой постройкой съ стекляною крышею, которая даже при всѣхъ существующихъ капиталистическихъ піявкахъ, стоитъ не больше 7 - 9 рублей за квадратную сажень. Ихъ отопляютъ (или даже не отопляютъ, потому что, если только не стремиться получать очень ранніе продукты, то достаточно уже просто закрытаго пространства) и выращиваютъ тамъ уже не виноградъ и не тропическія растенія, а картофель, морковь, горохъ или бобы.

Такимъ образомъ огородникъ избавляется отъ вліянія климата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ избѣгаетъ тяжелой работы накладыванія слоевъ навоза, и не имѣетъ нужды покупать столько навоза, который дорожаетъ по мѣрѣ того, какъ спросъ на него растетъ; часть человѣческаго труда устраняется: для того, чтобы обработать десятину земли подъ стекломъ и получить тѣ же результаты, что у Понса, требуется уже не больше семи или восьми человѣкъ. Дѣйствительно, на Джерзеѣ семь человѣкъ, работая по 60 часовъ въ недѣлю, получаютъ съ десятины такіе урожаи, для которыхъ прежде нужны были десятки десятинъ земли. Мы могли бы указать на многіе замѣчательные примѣры, но ограничимся однимъ изъ нихъ. Вотъ что получаютъ на Джерзеѣ изъ года въ годъ 34 человѣка рабочихъ, подъ руководствомъ одного огородника, обрабатывающіе тепличнымъ способомъ немного больше трехъ съ половиною десятинъ (будемъ считать, что если бы они работали всего по пяти часовъ въ день, на это потребовалось бы 70 человѣкъ): 1525 пудовъ винограда, который собираютъ уже въ началѣ мая, 4880 пудовъ томатъ, 1830 пудовъ картофеля (въ апрѣлѣ), 366 пудовъ горошка

и 122 пуда фасоли, собираемыхъ въ маѣ, — т. е. въ общемъ 8723 пуда фруктовъ и овощей, не считая получаемаго въ нѣкоторыхъ теплицахъ второго, очень значительнаго урожая, не считая ни огромной теплицы для растенiй, составляющихъ предметъ роскоши, ни сбора съ различныхъ растенiй, посаженныхъ на открытомъ воздухѣ между теплицами.

Восемь тысячъ семьсотъ двадцать три пуда овощей и фруктовъ! Этого достаточно, чтобы обезпечить обильной пищей на цѣлый годъ больше чѣмъ 1.500 человѣкъ, а для полученiя ея потребовалось бы всего 21.000 рабочихъ полу-дней, т. е. *210 часовъ въ годъ*, если считать, что изъ всего взрослаго населенiя этой работой займутся 500 человѣкъ. Прибавьте къ этому приблизительно 1000 тоннъ угля (ежегодный расходъ на отопленiе такихъ теплицъ для пространства около 4-хъ десятинъ), которыя составятъ, для этихъ пятисотъ человѣкъ, добавочный трудъ въ 6 - 7 часовъ въ годъ на каждаго, такъ какъ въ Англiи одинъ рабочiй легко добываетъ въ теченiе десятичасоваго рабочаго дня 3 тонны.

Такимъ образомъ, если бы половина всего взрослаго населенiя посвящала выращиванiю фруктовъ и овощей, *внѣ обычнаго рабочаго времени*, ежегодно около пятидесяти полу - дней, то всѣ могли бы имѣть въ изобильи круглый годъ продукты, составляющiе теперь предметъ роскоши, хотя ихъ и пришлось бы выращивать въ теплицахъ. При этомъ, второй урожай въ тѣхъ же самыхъ теплицахъ, давалъ бы еще значительное количество обыкновенныхъ овощей, которыя въ такихъ заведенiяхъ, какъ у Понса, требуютъ, какъ мы видѣли, пятидесяти рабочихъ дней.

Все это — намъ замѣтятъ, можетъ быть, — продукты, составляющiе предметъ роскоши. Это такъ, но теплица уже, все больше и больше превращается въ

простой огородъ подъ стекломъ, и самой несложной стеклянной постройки, слегка отапливаемой въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, оказывается достаточно для полученія баснословныхъ урожаевъ овощей: въ концѣ апрѣля получаютъ, напримѣръ, около 300 четвертей картофеля съ десятины; затѣмъ землю удобряютъ, и съ мая до конца октября собираютъ съ нея, благодаря высокой, почти тропической температурѣ, установившейся подъ стеклянной крышей, рядъ новыхъ урожаевъ.

Теперь, для полученія тѣхъ же 300 четвертей картофеля приходится ежегодно вспахивать около 20 десятинъ или даже больше, сажать и впослѣдствіи окапывать молодыя растенія, полоть сорныя травы и т. д. Все это стоитъ очень много труда. Между тѣмъ, при существованіи теплицъ, для начала придется, можетъ быть, употребить приблизительно по два дня работы на квадратную сажень, но за то когда эта предварительная работа будетъ окончена, въ будущемъ можно будетъ сберечь по крайней мѣрѣ половину, если не три четверти, труда.

Все это — *факты*, все это — уже достигнутые, установленные, хорошо извѣстные результаты, въ которыхъ каждый можетъ самъ удостовѣриться, если только потрудится осмотрѣть огородническія хозяйства. И этого намъ уже достаточно для того, чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что можетъ дать человѣку земля, если только онъ будетъ умѣло съ нею обращаться.

V

Мы говорили до сихъ поръ исключительно о методахъ уже принятыхъ и отчасти осуществленныхъ на практикѣ. И усиленная обработка полей, и орошеніе ихъ изъ сточныхъ трубъ, и огородническое хозяйство, и огородныя теплицы — все это уже

существуетъ въ дѣйствительности. Леонсъ де Лавернь былъ совершенно правъ, когда еще тридцать лѣтъ тому назадъ предсказалъ, что земледѣліе будетъ стремиться все больше и больше уменьшать обрабатываемую площадь земли, создавать искусственно нужную почву и нужный климатъ, сосредоточивать на данномъ пространствѣ все больше и больше труда, и такимъ образомъ осуществлять всѣ условія, благопріятныя для жизни растеній.

Первоначальный толчекъ къ этому данъ былъ стремленіемъ выручить какъ можно больше денегъ изъ продажи раннихъ овощей и фруктовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ найдены пріемы усиленной обработки земли, они распространяются все шире и шире и примѣняются теперь даже къ самымъ обыкновеннымъ овощамъ, потому что они даютъ возможность получать *бо̀льшій* урожай съ *меньшимъ* трудомъ и рискомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ дешевыхъ досчатыхъ оранжереяхъ, устраиваемыхъ на Гернзеѣ, мы видимъ, что въ общемъ требуется *гораздо меньше* труда для того, чтобы вырастить картофель подъ стекломъ къ апрѣлю, чѣмъ чтобы получить его тремя мѣсяцами позднѣе, съ открытаго поля въ пять разъ бо̀льшихъ размѣровъ, которое нужно вспахивать, полоть и т. д. Это совершенно то же самое, что происходитъ съ орудіями и машинами: болѣе совершенное орудіе даетъ намъ возможность выиграть на сберегаемомъ трудѣ, хотя бы для покупки этого орудія потребовался значительный предварительный расходъ.

У насъ нѣтъ еще пока достаточныхъ данныхъ относительно разведенія подъ стекломъ обыкновенныхъ овощей; этотъ родъ хозяйства введенъ еще очень недавно и практикуется лишь на небольшихъ пространствахъ. Но у насъ есть цифры, относящіеся къ разведенію (практикующемуся уже въ теченіе тридцати лѣтъ) одного предмета роскоши,

а именно винограда, и эти цифры очень краснорѣчивы.

На сѣверѣ Англіи, на шотландской границѣ, гдѣ уголь стòитъ, вблизи самихъ каменноугольныхъ копей, всего два рубля тонна, уже давно выращиваютъ виноградъ въ теплицахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ этотъ виноградъ, созрѣвавшій въ январѣ, продавался огородниками по 10 рублей фунтъ, а затѣмъ перепродавался для стола Наполеона III по 20 рублей фунтъ. Теперь же тотъ же самый огородникъ продаетъ его всего по рублю двадцати копеекъ фунтъ — какъ онъ самъ недавно сообщилъ въ статьѣ, помѣщенной въ одномъ спеціальномъ огородническомъ журналѣ. Зависитъ это отъ того, что другіе конкурренты также посылаютъ въ Лондонъ и Парижъ цѣлыя тонны винограда. Благодаря дешевизнѣ угля и умѣлой обработкѣ, виноградъ выращиваютъ зимою на сѣверѣ и, въ противуположность другимъ фруктамъ, посылаютъ съ сѣвера на югъ. Въ маѣ, англійскіе и джерзейскіе огородники продаютъ фунтъ винограда по 80 копеекъ, и то эта цѣна — какъ и цѣна въ двадцать рублей тридцать лѣтъ тому назадъ — держится только благодаря рѣдкости продукта. Въ октябрѣ виноградъ, выращиваемый въ огромныхъ количествахъ въ Англіи и на Джерзеѣ — подъ стекломъ и при небольшомъ искусственномъ отопленіи — продается немногимъ дороже, чѣмъ виноградъ купленный гдѣ-нибудь въ швейцарскихъ или рейнскихъ виноградникахъ, т. е. по 6 пенсовъ (25 коп.) за фунтъ. И эта цѣна еще по крайней мѣрѣ на двѣ трети выше чѣмъ слѣдовало бы; она устанавливается только потому, что тотъ, кто разводитъ виноградъ, платитъ слишкомъ большую арендную плату, и кромѣ того торговцы и посредники берутъ съ него слишкомъ большой процентъ со всѣхъ расходовъ по устройству и отопленію. Можно поэтому сказать, что получать виноградъ

осенью, даже подъ широтою Лондона и подъ лондонскимъ туманнымъ небомъ, можно *почти даромъ.* Такъ, въ одномъ изъ городскихъ предмѣстій ничтожная постройка изъ стекла и цемента длиною немногимъ больше чѣмъ въ 4 аршина и шириною около трехъ, прислоненная къ нашему домику, даетъ намъ возможность получать, вотъ уже три года, каждый октябрь, больше 50 фунтовъ прекраснаго винограда отъ шестилѣтней виноградной лозы*). А между тѣмъ постройка такъ плоха, что дождь льетъ черезъ крышу. Ночью въ ней всегда такая же температура какъ снаружи, и ее, конечно, не отопляютъ: это было бы все равно, что отоплять улицу. Уходъ ограничивается тѣмъ, что разъ въ годъ растеніе подстригаютъ (это беретъ полчаса), а затѣмъ привозятъ тачку навоза, которымъ обкладываютъ корень, посаженный внѣ постройки, въ глинистой почвѣ.

Припомнимъ, съ другой стороны, сколько труда кладется на виноградники на берегахъ Рейна или Женевскаго озера, гдѣ на склонахъ горъ приходится строить камень за камнемъ террасы, а навозъ и иногда землю — носятъ на плечахъ на высоту двухсотъ или трехсотъ футовъ, — и мы поймемъ, что въ общемъ требуется больше труда для разведенія виноградниковъ въ Швейцаріи или на берегахъ Рейна, чѣмъ подъ стекломъ въ лондонскихъ предмѣстьяхъ.

Съ перваго взгляда это можетъ показаться невѣроятнымъ, потому что мы привыкли думать, что на югѣ виноградъ растетъ самъ собою, и что трудъ воздѣлывающихъ его людей ничего не стоитъ. Но специалисты, садовники и огородники, на оборотъ,

*) Самое растеніе представляетъ собою продуктъ терпѣливаго труда цѣлыхъ двухъ или трехъ поколѣній садовниковъ. Это — гамбургская разновидность, очень хорошо приспособленная къ зимнимъ холодамъ. Чтобы ея дерево созрѣло, ей нужны морозы зимою.

подтверждаютъ наше заключеніе. „Въ Англіи самый выгодный родъ земледѣлія, это — разведеніе винограда“, говоритъ одинъ садоводъ - практикъ, издатель англійскаго садоводнаго журнала. То же можно вывести впрочемъ и изъ сравненія цѣнъ.

Переводя это на коммунистическій языкъ, мы можемъ сказать, что посвящая *какихъ-нибудь двадцать часовъ въ годъ* изъ своего досуга на уходъ — въ сущности очень пріятный — за нѣсколькими виноградными лозами, посаженными подъ стекломъ, въ любомъ европейскомъ климатѣ каждый изъ насъ могъ бы получать столько винограда, сколько онъ можетъ съѣсть въ своей семьѣ или съ друзьями. И то же можно сказать не только о виноградѣ, но и обо всѣхъ плодахъ, растущихъ въ нашемъ климатѣ.

Если бы, поэтому, какая-нибудь община примѣнила пріемы мелкаго огородничества и плодоводства въ крупныхъ размѣрахъ, она могла бы получать въ изобиліи всевозможные овощи и всевозможные туземные и иностранные фрукты, причемъ каждый изъ ея членовъ посвящалъ бы на это не больше нѣсколькихъ десятковъ часовъ въ годъ.

Все это можно провѣрить когда угодно на опытѣ. Для этого стòило бы только небольшей группѣ рабочихъ прекратить на время производство тѣхъ или иныхъ предметовъ роскоши и посвятить свой трудъ, хотя бы превращенію равнины Женневилье (въ окрестностяхъ Парижа) въ рядъ огородовъ, съ отопляемыми стеклянными постройками для защиты всходовъ и молодыхъ растеній, и кромѣ того, устроить на пространствѣ, десятинъ въ пятьдесятъ рядъ экономно построенныхъ теплицъ для фруктовъ — предоставивъ, конечно, подробности организаціи опытнымъ садовникамъ и огородникамъ.

На основаніи среднихъ данныхъ, которыя даетъ намъ Джерзей, т. е. принимая, что для ухода за растеніями подъ стекломъ нужно 7 - 8 человѣкъ на

десятину, т. е. меньше 240.000 рабочихъ часовъ въ годъ, мы увидимъ, что для обработки 135 десятинъ понадобилось бы въ годъ приблизительно 3.500.000 часовъ труда. Сто знающихъ огородниковъ могли бы отдавать этому дѣлу по пяти часовъ въ день; все остальное дѣлали бы не профессіональные огородники, но просто люди, умѣющіе обращаться съ заступомъ, граблями или поливальной кишкой, или смотрѣть за печкой.

Эта работа дала бы — какъ мы уже видѣли въ одной изъ предыдущихъ главъ — по меньшей мѣрѣ всѣ необходимые овощи и фрукты и даже всю возможную въ этомъ отношеніи роскошь для 75.000 или 100.000 человѣкъ. Допустимъ, что изъ нихъ 36.000 изъявили бы желаніе заниматься огородничествомъ. Каждому изъ нихъ пришлось бы тогда посвятить на это 100 часовъ въ годъ, распредѣленныхъ на протяженіи всего года; и это время явилось бы для нихъ временемъ отдыха въ кругу друзей и дѣтей, въ прекрасныхъ садахъ — лучшихъ, по всей вѣроятности, чѣмь сказочные сады Семирамиды.*)

---

*) Резюмируя данныя, относящіяся къ земледѣлію и показывающія, что жители двухъ департаментовъ — Сены и Сены съ Уазой — вполнѣ могутъ существовать на своей территоріи, отдавая ежегодно на свое пропитаніе очень незначитсльное количество времени, мы получимъ слѣдуюшія цифры:

Департаменты Сены и Сены съ Уазой: 3.600.000
Число жителей въ 1886 году 549.000
Площадь, въ деся инахъ 654
Среднее число жителей на десятину

Пространство обрабатываемое для доставленія пищи жителямъ (въ десятинахъ): 180.000
Хлѣбныя растенія 180.000
Естественные и искусственные луга отъ 6.300 до 9000
Овощи и фрукты 180.000
Все остальное (дома, пути сообщенія, парки, лѣса)

Количество труда, необходимое для улучшенія и обработки этихъ площадей (въ 5-и часовыхъ рабочихъ дняхъ): 15.000.000
Хлѣбъ (уходъ и сборъ)

Мы видимъ, такимъ образомъ, какое количество труда нужно для того, чтобы получить въ изобиліи и фрукты, которыхъ мы должны лишать себя теперь, и овощи, которые столькимъ матерямъ приходится осторожно дѣлить между членами своей семьи, чтобы выгадать гроши, служащіе для обогащенія капиталистовъ и вампировъ - домохозяевъ.

Пусть бы только человѣчество сознало, что̀ оно *можетъ* сдѣлать, и пусть бы это сознаніе дало ему силу *захотѣть* этого! Пусть бы только оно поняло, что тотъ подводный камень, о который разбивались до сихъ поръ всѣ революціи, это — умственная трусость!

VI

Нетрудно видѣть, какое будущее откроется тогда передъ соціальной революціей.

Всякій разъ, когда мы говоримъ о соціальной революціи съ серьезнымъ рабочимъ, которому приходилось видѣть въ своей жизни голодающихъ дѣтей, онъ нахмуривается и упорно ставитъ намъ вопросъ: „А откуда взять хлѣбъ? Хватитъ ли его всѣмъ, если каждый будетъ ѣсть до - сыта? А что̀ если невѣжественная деревня, настроенная реакціонерами, захочетъ морить голодомъ горожанъ, какъ она морила ихъ въ 1793 году?“

Луга, молоко, разведеніе скота	10.000.000
Огородничество, фрукты, составляющіе предметъ роскоши и т. д.	33.000.000
Непредвидѣнныя работы	12.000.000
Въ общемъ	70.000.000

Если предположить, что земледѣліемъ захочетъ заниматься только половина всѣхъ взрослыхъ людей (мужчинъ и женщинъ), то эти 70 милліоновъ полу-дней придется распредѣлить между 1.200.000 человѣкъ, что составитъ *на каждаго изъ работающихъ 58 рабочихъ дней по 5-и часовъ.*

Но пусть только деревня попробуетъ! Тогда, большіе города сумѣютъ обойтись безъ нея.

Куда, въ самомъ дѣлѣ, употребятъ свободное время тѣ сотни тысячъ рабочихъ, которые задыхаются теперь на фабрикахъ или въ мастерскихъ? Неужели они и послѣ революціи будутъ продолжать сидѣть взаперти? Неужели они будутъ продолжать выдѣлывать разные мелкіе предметы роскоши на вывозъ, даже когда они увидятъ, что хлѣбъ выходитъ, что мяса становится мало, что овощи исчезаютъ и замѣнить всего этого нечѣмъ?

Конечно, нѣтъ! Они несомнѣнно выйдутъ изъ города въ поле, а тамъ машины, даже самымъ слабымъ изъ нихъ дадутъ возможность принять участіе въ общемъ трудѣ; они внесутъ такимъ образомъ въ старое земледѣльческое хозяйство ту же революцію, которая уже будетъ совершена въ учрежденіяхъ и идеяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ сотни десятинъ покроются стеклянными кровлями, и какъ мужчины, такъ и женщины съ нѣжными руками будутъ ухаживать тамъ за молодыми растеніями. Въ другомъ вспашутъ сотни десятинъ паровымъ плугомъ и улучшатъ почву при помощи удобренія или размельченнаго графита и известняка. И подъ руками этой веселой толпы случайныхъ хлѣбопашцевъ, поля покроются богатыми жатвами; руководить работой будутъ конечно люди, знающіе земледѣліе, главнымъ же образомъ — великій практическій умъ народа, пробудившагося отъ долгаго сна и идущаго впередъ по пути, освѣщенному яркимъ маякомъ всеобщаго счастья.

И вотъ, уже черезъ два три мѣсяца первая жатва удовлетворитъ насущнымъ потребностямъ и обезпечитъ пищу народу; послѣ столькихъ вѣковъ ожиданія онъ сможетъ впервые наѣсться досыта.

Въ то же время народный геній — геній народа, возставшаго и сознавшаго свои потребности — будетъ работать надъ введеніемъ новыхъ пріемовъ

земледѣлія, — пріемовъ, которые мы предчувствуемъ уже и теперь, но которые еще требуютъ провѣрки на опытѣ. Тогда будутъ произведены опыты надъ вліяніемъ свѣта — этой неоцѣненной еще въ земледѣліи силой, которая даетъ возможность ячменю созрѣвать въ 45 дней въ якутскомъ климатѣ; сконцентрированный солнечный свѣтъ, или искусственный свѣтъ будетъ соперничать съ теплотой въ дѣлѣ ускоренія роста молодыхъ растеній. Какой-нибудь будущій Мушо изобрѣтетъ машину, которая сможетъ направлять и заставлять работать солнечные лучи, вмѣсто того, чтобы добывать изъ нѣдръ земли солнечную теплоту, заложенную тамъ въ видѣ угля. Будутъ сдѣланы опыты надъ орошеніемъ земли культурами микроорганизмовъ — мысль вполнѣ раціональная, но еще новая, осуществленіе которой дастъ вѣроятно возможность разводить въ землѣ живыя клѣточки, необходимыя растеніямъ какъ для питанія ихъ корешковъ, такъ и для разложенія составныхъ частей почвы.

Испробуютъ . . . но нѣтъ, лучше не будемъ вдаваться въ область фантазіи. Останемся на почвѣ установленныхъ фактовъ. Уже тѣ пріемы земледѣлія, которые существуютъ теперь, которые прилагаются въ крупныхъ размѣрахъ и успѣшно выдерживаютъ торговую конкурренцію, могутъ дать намъ и довольство и роскошь, требуя взамѣнъ лишь небольшое количество пріятнаго труда. Недалекое будущее покажетъ намъ, какія практическія примѣненія, которыя мы отчасти угадываемъ и теперь, скрыты въ недавнихъ научныхъ открытіяхъ.

Пока мы ограничимся тѣмъ, что намѣтили новый путь — путь изученія потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Единственное, чего можетъ не хватить революціи, это — смѣлаго почина. Забитые съ самой школы, рабы прошлаго въ зрѣломъ возрастѣ и до самой смерти мы почти не смѣемъ думать. Когда поя-

вляется какая-нибудь новая идея, мы, прежде чѣмъ выработать себѣ собственное мнѣніе о ней, справляемся съ книгами, писанными сто лѣтъ тому назадъ, чтобы узнать, что̀ думали объ этомъ старые мудрецы.

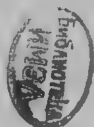
Но если у революціи хватитъ смѣлости мысли и смѣлости почина, то въ жизненныхъ припасахъ она нужды терпѣть не будетъ.

Изъ всѣхъ великихъ дней 1789 - 93 гг. Революціи самымъ прекраснымъ, самымъ великимъ днемъ, который навсегда запечатлѣлся въ умахъ — былъ день, когда собравшіеся со всѣхъ сторонъ участники праздника Федераціи работали, какъ землекопы, на Марсовомъ полѣ, приготовляя его къ празднеству. Въ этотъ день Франція дѣйствительно была *едина:* одухотворенная новыми вѣяніями, она какъ бы провидѣла будущность, открывавшуюся передъ нею въ общемъ трудѣ надъ обработкой земли. Этотъ же общій трудъ на землѣ объединитъ и возродившееся общество, изглаживая въ немъ всѣ слѣды вражды и угнетенія, разбивающихъ его теперь на части.

Новое общество пойметъ, что̀ такое солидарность — этотъ великій двигатель, увеличивающій во сто разъ энергію и творческую силу человѣка, и пойдетъ со всею энергіей молодости на завоеваніе будущаго. Оно перестанетъ производить на неизвѣстныхъ покупателей и обратится къ потребностямъ и вкусамъ, существующимъ въ его собственной средѣ; оно обезпечитъ всѣмъ своимъ членамъ и существованіе, и довольство, и то нравственное удовлетвореніе, которое даетъ свободно избранный и свободно выполняемый трудъ, и наслажденіе жить, не мѣшая жить другимъ. Полные смѣлости, вдохновляемые чувствомъ взаимности, люди всѣ вмѣстѣ двинутся впередъ, на завоеваніе тѣхъ высокихъ наслажденій, которыя даетъ научное знаніе и художественное творчество.

Обществу, проникнутому такимъ духомъ, нечего будетъ бояться ни внутреннихъ раздоровъ, ни внѣшнихъ враговъ. Всѣмъ силамъ прошлаго оно противупоставитъ свою привязанность къ новому порядку вещей и смѣлую иниціативу, какъ каждой личности въ отдѣльности, такъ и всѣхъ вмѣстѣ, — ту геркулесову силу, которую придастъ ему пробужденіе его генія.

И противъ этой непреодолимой силы никакіе „соединенные короли“ не смогутъ сдѣлать ничего. Имъ останется только преклониться передъ нею и впрячься въ свою очередь въ общую колесницу человѣчества, уносящую его къ новымъ горизонтамъ, открытымъ Соціальною Революціею.

ИЗДАНІЯ

Группы Русскихъ Коммунистовъ-Анархистовъ

продаются:

Въ Лондонѣ: въ Фондѣ Вольной Русской Прессы, 15 Augustus Road, Hammersmith, W.
Въ Парижѣ: Société Nouvelle, 17 rue Cujas.
Въ Женевѣ: E. Held, 49 route de Carouge (складъ).
Въ Лейпцигѣ: Eugen Diederichs, 45, Seeburgstrasse.
Складъ изданія: *(обращаться только письменно)*: Sophie Kropotkine, Bromley, Kent, England,

Поступили въ продажу:

Современная Наука и Анархизмъ, *П. Кропоткина*	0 фр. 40 с.
Хлѣбъ и Воля (переводъ La Conquête du Pain), *П. Кропоткина*, съ предисловіемъ *Элизе Реклю*	2 фр. 50 с.
Доклады Парижскому Международному Революціонному Рабочему Конгресу 1900-го г. .	1 фр. 25 с.
Парижская Коммуна и понятіе о государственности, *М. Бакунина*, съ предисловіемъ *П. Кропоткина*. .	0 фр. 25 с.
Распаденіе современнаго строя (Paroles d'un Révolté), *П. Кропоткина*, 1-ый выпускъ. .	1 фр. — с.
Анархія, *Элизе Реклю*.	0 фр. 25 с.
Рѣчь на Судѣ, *Софіи Бардиной* (разошлось)	
Рѣчь на Судѣ, *Эмиля Анри*.	0 фр. 20 с.
Религіозная Язва, *Іоанна Моста* . . .	0 фр. 25 с.
Анархія, ея философія, ея идеалъ, публичная лекція *П. Кропоткина* . .	0 фр. 50 с.

Печатается:

Умирающее Общество, *Ж. Грава*. (На дняхъ).

Готовятся къ печати:

Распаденіе Современнаго Строя. 2-ой выпускъ.
Государство, его роль въ исторіи. *П. Кропоткина*.
Анархія, *Энрико Малатеста*.
Разговоръ двухъ крестьянъ, *Его-же*.

